
ОГОНЁК
№ 15 АПРЕЛЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Севастополь. У виадука на Приморском бульваре.
Фото Г. Бородина.

На первой странице обложки: Весна.
Фотоэтюд Г. Макарова.

На последней странице обложки: Строительство китобойной базы на заводе имени Носенко в Николаеве.
Фото М. Савина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 15 (1608)

6 АПРЕЛЯ 1958

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва. 31 марта. Первая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва. Депутаты единогласно принимают постановление по вопросу об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия.

Фото А. Стужина и В. Савостьянова (ТАСС).

Постановление Верховного Совета СССР

По вопросу об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия

Вопрос о прекращении испытаний атомного и водородного оружия с каждым годом, с каждым месяцем приобретает все большее значение для дела мира и благополучия народов.

В настоящее время прекращения испытаний требует подавляющее большинство населения земного шара. Несмотря на то, что на протяжении уже многих лет народы настойчиво добиваются прекращения этих испытаний, производство их продолжается, что ведет к созданию все новых и новых видов смертоносного ядерного оружия, увеличивает концентрацию радиоактивных элементов в воздухе и почве, отравляет организм людей и угрожает нормальному развитию грядущих поколений.

Советский Союз настойчиво и последовательно прилагал усилия к тому, чтобы договориться с державами, владеющими атомным и водородным оружием, о немедленном и безоговорочном прекращении производства ядерных испытаний. В этих целях Верховный Совет СССР и Советское правительство за последние годы неоднократно выступали с конкретными предложениями о прекращении испытаний, на базе которых давно можно было достигнуть договоренности по этому вопросу.

В обращении к Конгрессу Соединенных Штатов и Парламенту Великобритании от 10 мая 1957 года Верховный Совет СССР призвал Конгресс США и Парламент Великобритании содействовать достижению соглашения между правительствами СССР, США и Великобритании о немедленном прекращении испытательных взрывов атомных и водородных бомб.

На своей последней сессии в декабре прошлого года Верховный Совет СССР, выражая непреклонную волю и единодушное стремление советского народа к миру, предложил, чтобы СССР, Великобритания и США взяли на себя обязательство прекратить с 1 января 1958 года все испытания атомного и водородного оружия.

Однако США и Великобритания не откликнулись на все эти предложения Советского Союза. Вследствие этого то в одной, то в другой части земного шара по-прежнему продолжаются испытательные взрывы атомных и водородных бомб, что свидетельствует о дальнейшем усилении гонки в области создания еще более опасных видов оружия массового уничтожения.

Руководствуясь стремлением положить практическое начало повсеместному прекращению испытаний атомного и водородного оружия и тем самым сделать первый шаг в направлении окончательного избавления человечества от угрозы истребительной атомной войны, Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик **постановляет:**

1. **Прекратить производство в Советском Союзе испытаний всех видов атомного и водородного оружия.**

Верховный Совет СССР ожидает, что парламенты других государств, располагающих атомным и водородным оружием, со своей стороны сделают все необходимое, чтобы испытательные взрывы этих видов оружия были прекращены также и этими странами.

2. Поручить Совету Министров СССР принять необходимые меры к проведению в жизнь пункта 1-го настоящего Постановления и обратиться к правительствам других государств, располагающих атомным и водородным оружием, с призывом предпринять аналогичные меры, **чтобы обеспечить прекращение испытаний атомного и водородного оружия повсеместно и на вечные времена.**

В том случае, если другие располагающие атомным и водородным оружием державы будут продолжать испытания этого оружия, Правительство СССР, разумеется, будет свободно действовать в вопросе о производстве Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия, сообразуясь с вышеуказанными обстоятельствами, имея при этом в виду интересы безопасности Советского Союза.

Верховный Совет СССР искренне надеется, что инициативе Советского Союза в деле прекращения испытаний ядерного оружия будет оказана должная поддержка со стороны парламентов других государств.

Верховный Совет СССР глубоко убежден, что если в ответ на решение Советского Союза другие государства, располагающие ядерным оружием, в свою очередь также прекратят испытания такого оружия, то тем самым будет сделан важный практический шаг вперед на пути к упрочению мира и укреплению безопасности всех народов. Этот шаг, несомненно, имел бы большое значение для оздоровления всей международной обстановки, способствовал бы освобождению человечества от гнетущей тревоги за судьбы мира, за судьбы будущих поколений людей.

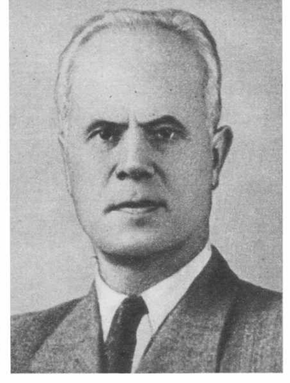
Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик

Москва, Кремль. 31 марта 1958 г.

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

К. Е. ВОРОШИЛОВ
Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. П. ТАРАСОВ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Д. С. КОРОТЧЕНКО
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

В. И. КОЗЛОВ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Ш. Р. РАШИДОВ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Ж. А. ТАШЕНЕВ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

М. Д. ЧУБИНИДЗЕ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

И. К. АБДУЛЛАЕВ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Ю. И. ПАЛЕЦКИС
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

И. С. КОДИЦА
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

К. М. ОЗОЛИНЬ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Т. КУЛАТОВ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

М. РАХМАТОВ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

Ш. М. АРУШАНЯН
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

А. САРЫЕВ
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

И. Г. ЭЙХФЕЛЬД
Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР

М. П. ГЕОРГАДЗЕ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. А. АНДРЕЕВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

С. Г. БАТЫЕВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

Н. И. БЕЛЯЕВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

С. М. БУДЕННЫЙ
Член Президиума Верховного Совета СССР

Г. Е. БУРКАЦКАЯ
Член Президиума Верховного Совета СССР

А. Д. ДАНИЯЛОВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

И. В. КАПИТОНОВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

А. И. КИРИЧЕНКО
Член Президиума Верховного Совета СССР

К. Т. МАЗУРОВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

З. Н. НУРИЕВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

Н. В. ПОДГОРНЫЙ
Член Президиума Верховного Совета СССР

М. М. ПРИВАЛОВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

ПРЕДСЕДАТЕЛИ И ЗАМЕСТИТЕЛИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ СОВЕТА СОЮЗА И СОВЕТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

П. П. ЛОБАНОВ
Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР

Я. В. ПЕЙВЕ
Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР

Н. У. БАЗАНОВА
Заместитель Председателя Совета Союза

И. А. КАИРОВ
Заместитель Председателя Совета Национальностей

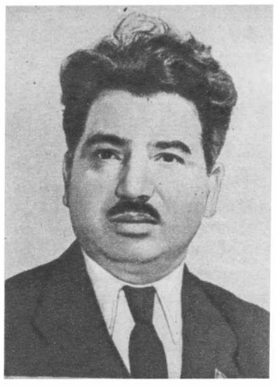

Н. П. БАЖАН
Заместитель Председателя Совета Союза

И. В. СПИРИДОНОВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

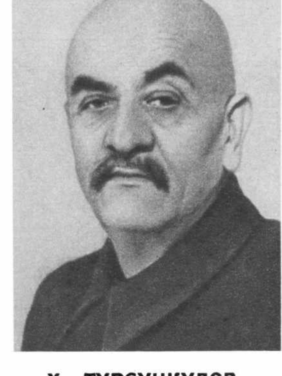

П. Г. ТЫЧИНА
Заместитель Председателя Совета Национальностей

С. К. КАМАЛОВ
Заместитель Председателя Совета Союза

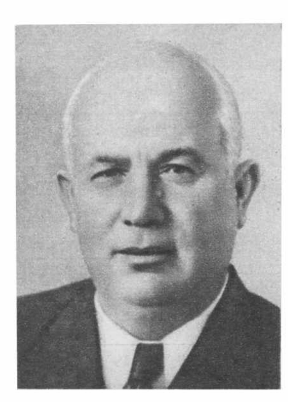

К. КОНДУЧАЛОВА
Заместитель Председателя Совета Национальностей

И. Д. МУСТАФАЕВ
Заместитель Председателя Совета Союза

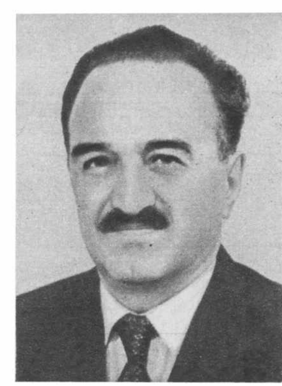

Т. Я. КИСЕЛЕВ
Заместитель Председателя Совета Национальностей

Х. ТУРСУНКУЛОВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

ПРАВИТЕЛЬСТВО СССР—СОВЕТ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

Н. С. ХРУЩЕВ
Председатель Совета Министров Союза ССР.

Ф. Р. КОЗЛОВ
Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

А. И. МИКОЯН
Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР.

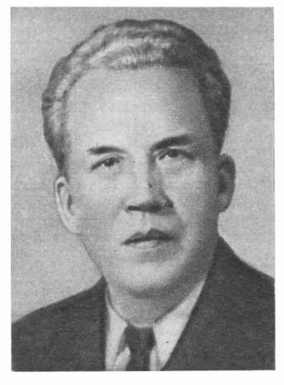

А. Н. КОСЫГИН
Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

А. Ф. ЗАСЯДЬКО
Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

В. И. УСТИНОВ
Член Президиума Верховного Совета СССР

И. И. КУЗЬМИН
Заместитель Председателя Совета Министров СССР, Председатель Госплана СССР.

Д. Ф. УСТИНОВ
Заместитель Председателя Совета Министров СССР.

И. Г. КАБАНОВ
Министр внешней торговли СССР.

Н. П. ДУДОРОВ
Министр внутренних дел СССР.

В. П. ЕЛЮТИН
Министр высшего образования СССР.

В. Е. ФЕДОРОВА
Член Президиума Верховного Совета СССР

П. Я. АНТРОПОВ
Министр геологии и охраны недр СССР.

М. Д. КОВРИГИНА
Министр здравоохранения СССР.

А. А. ГРОМЫКО
Министр иностранных дел СССР.

Н. А. МИХАЙЛОВ
Министр культуры СССР.

В. Г. БАКАЕВ
Министр морского флота СССР.

Р. Я. МАЛИНОВСКИЙ
Министр обороны СССР.

Б. П. БЕЩЕВ
Министр путей сообщения СССР.

Н. Д. ПСУРЦЕВ
Министр связи СССР.

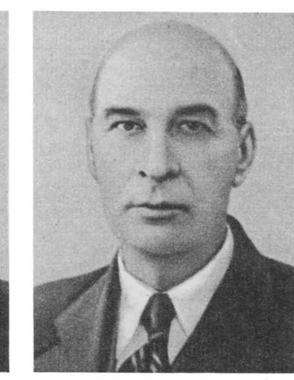
В. В. МАЦКЕВИЧ
Министр сельского хозяйства СССР.

Е. П. СЛАВСКИЙ
Министр среднего машиностроения СССР.

Д. В. ПАВЛОВ
Министр торговли СССР.

Е. Ф. КОЖЕВНИКОВ
Министр транспортного строительства СССР.

А. Г. ЗВЕРЕВ
Министр финансов СССР.

С. М. ТИХОМИРОВ
Министр химической промышленности СССР.

Л. Р. КОРНИЕЦ
Министр хлебопродуктов СССР.

А. С. ПАВЛЕНКО
Министр электростанций СССР.

Г. В. ПЕРОВ
Первый заместитель Председателя Госплана СССР — Министр СССР.

В. П. ЗОТОВ
Заместитель Председателя Госплана СССР — Министр СССР.

Н. И. СТРОКИН
Заместитель Председателя Госплана СССР — Министр СССР.

М. В. ХРУНИЧЕВ
Заместитель Председателя Госплана СССР — Министр СССР.

Г. С. ХЛАМОВ
Начальник Отдела Госплана СССР — Министр СССР.

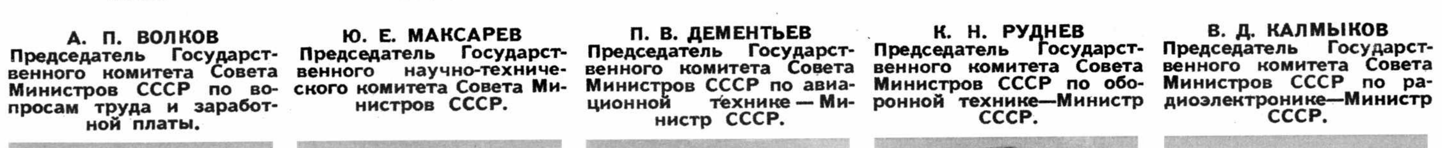
А. А. ИШКОВ
Начальник Отдела Госплана СССР — Министр СССР.

Е. С. НОВОСЕЛОВ
Начальник Отдела Госплана СССР — Министр СССР.

Г. В. ЕНЮТИН
Председатель Комиссии советского контроля Совета Министров СССР.

А. П. ВОЛКОВ
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы.

Ю. Е. МАКСАРЕВ
Председатель Государственного научно-технического комитета Совета Министров СССР.

П. В. ДЕМЕНТЬЕВ
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по авиационной технике — Министр СССР.

К. Н. РУДНЕВ
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по оборонной технике — Министр СССР.

В. Д. КАЛМЫКОВ
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике — Министр СССР.

Б. Е. БУТОМА
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по судостроению — Министр СССР.

В. А. КУЧЕРЕНКО
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства.

И. А. СЕРОВ
Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР.

С. А. СКАЧКОВ
Председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям.

Н. А. БУЛГАНИН
Председатель правления Государственного банка СССР.

В. Н. СТАРОВСКИЙ
Начальник Центрального статистического управления при Совете Министров СССР.

Д. С. ПОЛЯНСКИЙ
Председатель Совета Министров РСФСР.

Н. Т. КАЛЬЧЕНКО
Председатель Совета Министров Украинской ССР.

Н. Е. АВХИМОВИЧ
Председатель Совета Министров Белорусской ССР.

М. З. МИРЗА-АХМЕДОВ
Председатель Совета Министров Узбекской ССР.

Д. А. КУНАЕВ
Председатель Совета Министров Казахской ССР.

Г. Д. ДЖАВАХИШВИЛИ
Председатель Совета Министров Грузинской ССР.

С. Г. РАГИМОВ
Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР.

М. Ю. ШУМАУСКАС
Председатель Совета Министров Литовской ССР.

А. Ф. ДИОРДИЦА
Председатель Совета Министров Молдавской ССР.

В. Т. ЛАЦИС
Председатель Совета Министров Латвийской ССР.

К. Д. ДИКАМБАЕВ
Председатель Совета Министров Киргизской ССР.

Н. ДОДХУДОЕВ
Председатель Совета Министров Таджикской ССР.

А. Е. КОЧИНЯН
Председатель Совета Министров Армянской ССР.

Д. Д. КАРАЕВ
Председатель Совета Министров Туркменской ССР.

А. А. МЮРИСЕП
Председатель Совета Министров Эстонской ССР.

ВОЛЯ НАРОДА

В течение нескольких последних дней марта миллионы советских людей с неослабным вниманием следили за работой первой сессии Верховного Совета СССР пятого созыва. В Москву, в Большой Кремлевский дворец, со всех концов страны собрались избранники народа, чтобы обсудить и решить вопросы, имеющие огромное значение для успешного осуществления планов коммунистического строительства в нашей стране.

На заседаниях Совета Союза и Совета Национальностей были избраны председатели палат, их заместители и постоянные комиссии.

На первом совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей депутаты с исключительным единодушием избрали Председателем Президиума Верховного Совета СССР одного из старейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства, товарища Климента Ефремовича Ворошилова. В члены Президиума Верховного Совета СССР избраны видные государственные и общественные деятели, рабочие, крестьяне, деятели науки и культуры.

Верховный Совет СССР принял заявление Председателя Совета Министров СССР о сложении правительством СССР своих полномочий перед Верховным Советом СССР и одобрил деятельность правительства Советского Союза.

В обстановке огромного политического подъема и единодушия Верховный Совет СССР принял постановление назначить товарища Н. С. Хрущева Председателем Совета Министров СССР. Выступивший с этим предложением депутат К. Е. Ворошилов тепло и сердечно характеризовал Н. С. Хрущева как выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, как славного сына нашего рабочего класса.

Постановление Верховного Совета СССР о назначении Н. С. Хрущева Председателем Совета Министров СССР встретило одобрение всех советских людей, всех наших зарубежных друзей.

Сессия заслушала и обсудила доклад Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР товарища Н. С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». Выступавшие депутаты, выражая волю народа, одобряя меры, намеченные Коммунистической партией и Советским правительством, говорили о том, что осуществление этих мер приведет к новому подъему сельского хозяйства. Сессия Верховного Совета СССР приняла Закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

Депутаты утвердили состав Совета Министров СССР, предложенный Председателем Совета Министров СССР товарищем Н. С. Хрущевым и одобренный ЦК КПСС.

Сессия обсудила Заявление о прекращении испытаний атомного и водородного оружия, сделанное от имени Советского правительства Министром иностранных дел СССР депутатом А. А. Громыко. Верховный Совет принял постановление об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия, а также Обращения к Конгрессу США, Парламенту Великобритании и к парламентам всех стран. Принято Обращение к Бундестагу Федеративной Республики Германии.

Верховный Совет поручил председателям обеих палат обратиться от имени Верховного Совета СССР к парламентам государств — участников антигитлеровской коалиции и стран, пострадавших от гитлеровской агрессии в годы второй мировой войны, с призывом объединить усилия в целях предотвращения атомного и ракетного вооружения Федеративной Республики Германии.

Со всех концов страны в эти дни доносится голос советских людей:

— Решения, принятые исторической сессией Верховного Совета СССР,— это наша воля, это воля нашего народа!

2 апреля по приглашению ЦК Венгерской социалистической рабочей партии и Правительства Венгерской Народной Республики в Венгрию отбыла Партийно-Правительственная делегация Советского Союза в следующем составе: Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев (глава делегации), член Президиума ЦК КПСС и Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов, Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, Председатель ВЦСПС В. В. Гришин, первый секретарь Киевского обкома КП Украины П. Е. Шелест, второй секретарь Ленинградского горкома КПСС А. П. Бойкова и Посол СССР в Венгерской Народной Республике Е. И. Громов.

На снимках: проводы Партийно-Правительственной делегации Советского Союза на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

НА РОДИНЕ МИКЛОША

Я. ФОМЕНКО

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Путешествие по цехам

Со дня на день откладываю поездку в Секешфехервар и розыски Миклоша. Причина простая: встречи в Будапеште — одна интереснее другой. Всех не опишешь, но знакомство с людьми завода имени Белоянниса, где работает Йожефне Гула, стóит того, чтобы о нем рассказать.

Окончание. См. «Огонек» № 14.

...Показав очередной цех, Анна Немет, сотрудница заводской газеты «Мегафон», спрашивала:

— Что еще хотите посмотреть?

Ну, конечно же, все хочется увидеть! Мы переходим из одного цеха в другой, нам называют все новые и новые имена, а затем снова спрашивают, не хотим ли мы заглянуть в только что отстроенный цех. Завод расширяет производство приборов связи, начиная от простейших и кончая самыми точными и самыми сложными. В одних цехах тихо, точно в лабораториях, и можно говорить шепотом, в других надо кричать собеседнику на ухо, чтобы он тебя услыхал, так как все вокруг тебя звенит, жужжит, стучит и грохочет. И всюду — в тихих и громких цехах — чувствуется та атмосфера веселой деловитости, какая бывает на предприятиях с устоявшимся ритмом труда, с хорошей организацией производственного процесса и с большими видами на будущее.

В сборочно-монтажных цехах, по самой своей природе молчаливых и сосредоточенных, нет-нет да и зазвенит молодой, задорный голос. Знайте, что кто-то закончил сборку одного аппарата и приступил к другому. Люди работают с паяльниками и крошечными отвертками. Кажется, что и работы-то никакой нет. А попробуйте стать на место вот этой смуглой и стройной девушки. Да вас и не поставят. Упаси бог перепутать какой-нибудь проводок, припаять его не так, как надо, или не туда поставить малюсенький шурупчик, о котором только и можно сказать: «Мал золотник, да дорог». Все должно делаться, все должно ставиться неукоснительно точно, по схеме, иначе точнейший аппарат станет бесполезным набором сотен мелких и мельчайших деталей. Таков труд на заводе имени Белоянниса.

— Очень аккуратно надо работать,— говорит Анна Немет и показывает на Йожефне Хорват. Собственно, она показывает только на лицо работницы. Сам человек скрыт от нас светло-серой панелью, в окне которой, словно в рамке, видно лицо, и по нему, по глазам, по слегка сдвинутым к переносью бровям, сразу можно понять, насколько кропотлив труд монтажницы.

В одном цехе во время перерыва нас окружила молодежь. Вот когда пришлось почувствовать, как это плохо, когда не знаешь языка! Разве может переводчик, будь он самый распрекрасный, передать все оттенки живой речи? Только общий смысл. А ведь иногда важнее даже не то, чтó сказано, а кáк сказано. Нам сообщили, что это молодежная экспортная бригада. Возглавляет ее старая, опытная работница Агоштонне Салаи. Вот и она подошла к нам, веселая, подвижная. Агоштонне довольна молодежью. Продукция, идущая на экспорт, подвергается особенно тщательной проверке и контролю: честь заводской марки—шутка ли! Пока со стороны контролеров нет претензий к бригаде Агоштонне Салаи. Есть надежда, что таких претензий не будет и в дальнейшем. Это было сказано полушутя, без кичливости и похвальбы, но с такой уверенностью, которая не вызывала никаких сомнений: претензий не будет.

Знакомимся с Золтаном Морава, начальником целого участка, в том числе подготовленного к пуску нового сборочного цеха. Он с явным удовольствием показывает «свои владения» и, конечно, первым делом — новый цех. Отсвечивающие свежей краской рабочие столы, удобные шкафы для материалов и деталей, лампы дневного света — приятно зайти в такой цех. И работать в нем будет неплохо.

С не меньшим удовольствием Золтан Морава поделился новостью: для Всемирной выставки в Брюсселе завод выпускает телефонное оборудование оригинальной конструкции. Образцы аппаратов, не совсем обычных по форме, кругло-обтекаемых, более портативных, чем прежние, стоят тут же на столе.

Из «бесшумных» цехов мы по-

шли в механический и там встретили Эде Кутвари, старого рабочего, без малого сорок лет своей жизни посвятившего производству.

— Уходить на пенсию? — переспрашивает он.— Собираюсь и никак не соберусь. Скоро уйду все же, хоть и не хочется. Возраст берет свое. Рассчитываю на приличную пенсию.

Эде Кутвари настроен оптимистически. Пожалуй, никогда у завода не было таких ясных перспектив, как в настоящее время. Скоро из Советского Союза поступит новое оборудование. Программа текущего года намного увеличена, но Кутвари не сомневается, что она будет выполнена так же, как и в прошедшем году.

...Мне не удалось побывать у металлургов, шахтеров, текстильщиков. Из официальных данных было известно, что объем промышленной продукции Венгрии в 1957 году был на 11 процентов выше по сравнению с 1956 годом. Отдельные угольные предприятия закончили выполнение годового плана в начале декабря и даже в ноябре, а угольщики всей страны справились со своей задачей на 12 дней раньше срока. Таким образом, завод имени Белоянниса не составляет исключения, хотя по характеру производства он занимает особое место в индустрии столицы и всей страны. Для Венгрии, сравнительно небогатой металлом, выгодны предприятия, выпускающие дорогую, трудоемкую, но требующую возможно меньше металлосырья продукцию. Именно к такому роду предприятий принадлежит завод имени Белоянниса.

Отрадно было слышать, когда рядовые рабочие, не говоря уже о руководителях партийной организации, говорили о перспективах завода в общей связи с развитием хозяйства всей республики. Намечаемая техническая модернизация производства встречена рабочим коллективом с большим удовлетворением. До национализации, которая, кстати сказать, произошла немного позже, чем других предприятий города, завод принадлежал иностранному акционерному обществу. Бывшие хозяева были не заинтересованы в капиталовложениях. За последнюю четверть века машинный парк они не обновляли и по техническим своим данным завод представлял уже в известной мере вчерашний день. Между тем около четырех пятых продукции завода предназначено в нынешнем году на экспорт. Надо выпускать доброкачественную, не уступающую лучшим мировым образцам продукцию и одновременно осуществлять реконструкцию цехов — в этом сложность и своеобразие задач.

— Надеемся справиться,— сказал мне секретарь заводского партийного комитета Йожеф Шимон.— Пятьсот коммунистов. Немало, правда?

Плотный, с крупными и сильными руками, с ясными глазами, Йожеф Шимон, бывший рабочий этого же завода, говорил о партийной работе, не скрывая ее трудностей, и мне ясно представилось, что, не будь этих трудностей, она потеряла бы для него свой интерес. Да, завод выполнил прошлогоднюю программу. Цехи работали слаженно. Растет авторитет коммунистов. Но это ведь минимум. От такой большой организации — 500 человек! — можно требовать большего.

Дальнейшее сплочение всего рабочего коллектива, дальнейшее упрочение связи с массами — вот что считает сейчас главным Йожеф Шимон. На заводе шестнадцать цеховых партийных организаций. Заводской партийный комитет намерен добиться, чтобы в ближайшее время все они работали образцово.

Молодежная экспортная бригада на заводе имени Белоянниса. В центре — бригадир Агаштонне Салаи.

Старый рабочий завода имени Белоянниса Эде Кутвари.

Улыбка солдата

Это было на выставке революционной живописи и скульптуры. Мы зашли туда после посещения Музея изобразительных искусств, где смотрели Греко и Гонзалеса, Гойя и Веласкеза, Мурильо и Коро... Потом перед нами предстал Мункачи, как бы соединяющий классику с современностью. А вот и сама современность: работы Золтана Вали, Шандора Эка, Дьюлы Дерковича, Дьердя Кадара, Йожефа Легенди.

Оценка выставки — дело рецензентов-искусствоведов. Я зашел в ее залы как зритель и наблюдал зрителей, пытаясь разгадать их вкусы.

У картины Йожефа Легенди стояла группа посетителей: старик с тростью, облепленной туристическими значками, три девушки в обнимку — будто головы слепились воедино, двое мужчин, молчаливых, как скульптуры, и семейная пара со школьниками — двумя мальчиками и тремя девочками. Живее всех вели себя школьницы. Они то вплотную приближались к полотну, то быстрыми шажками отдалялись от него, все время щебеча и перебивая друг друга.

Я спросил переводчика, о чем говорят девочки.

— Об улыбке. О том, как хорошо улыбается солдат. Им очень нравится.

Я собирался уже перейти к другой картине, а тут задержался. И в самом деле, сияющая добротой улыбка солдата озаряет полотно, согревает тех, к кому обращена.

Сюжет картины Йожефа Легенди прост. Комната крестьянского дома. Хозяин, хозяйка и молодая девушка, видно, дочь, смотрят на вошедших. Позы и лица выражают ожидание и надежду, скованность и желание броситься навстречу. В дом вошли два советских солдата. Один задержался у двери, а второй, тот, что в центре картины, только что произнес русское «здравствуйте!» и приветливо, тепло улыбнулся.

Картина называется: «Освобождение». Я простоял у нее дольше, чем у всех остальных. Девочки-школьницы юркнули в другой зал, подошли новые зрители. То, что они подолгу молча стояли у полотна Легенди, радовало меня не меньше, чем восхищение, так бурно проявленное юными школьницами. Очевидно, картина вызывала раздумье.

Когда мы прощались, переводчик сказал мне:

— В Венгрии у вас много искренних, настоящих друзей.

Я и сам достаточно убедился в этом. Я видел старого чепельского рабочего Йожефа Могаи и слышал его рассказ о пребывании в Москве в дни революции и как ему посчастливилось повидать Ленина. Я видел работниц швейной фабрики, танцевавших на вечере самодеятельности, устроенном для советских солдат. Вместе с солдатами-экскурсантами я ездил на знаменитый фарфоровый завод в Херенде, видел, как встречали посетителей рабочие и работницы и как солдаты восхищались изумительным искусством венгерских мастеров фарфора.

На одном машиностроительном заводе во время осмотра цехов отстал от своей группы младший сержант Янголенко. Стали искать и нашли его у сварщиков. Младший сержант засмотрелся на работу своих венгерских товарищей по профессии, а потом попросил разрешения показать, как его самого учили варить. Ему разрешили. Сбросив шинель, Янголенко взялся за дело. Когда в цехе увидели, какой он мастер, присутствующие предложили ему после демобилизации поступить на завод...

Мне рассказывали о том, как Сурен Амерджанян и Анатолий Наринов, советские солдаты, бросились в ледяную воду и спасли тонувшую женщину, супругу Иштвана Фехервара; как в Сомбатхее двести советских солдат вместе с венгерской молодежью посадили две с половиной тысячи деревьев; что в Хаймашкере солдаты помогают строить клуб, а в Дунафельдваре спасли от пожара льнопрядильную фабрику.

...Мы были в гостях у наших солдат. Часовой, проверяя документы, сказал:

— Последний раз, наверно, стою у этого шлагбаума. Скоро домой.

Когда мы уезжали, он взял под козырек, улыбнулся, широко, приветливо, и сказал:

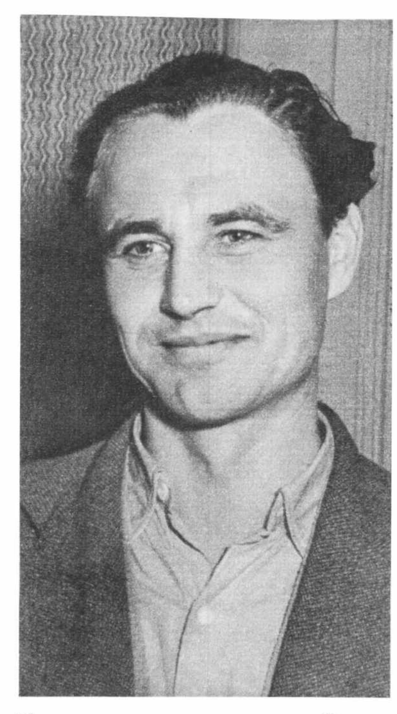
— Привет Москве!

И улыбка у него была такая же светлая, как у солдата на картине Йожефа Легенди...

Миклош жив!

...Машина остановилась. Дальше ехать невозможно.

Возле Секешфехервара когда-то были непроходимые болота. Их осушили, понастроили сел, но

Председатель кооператива «Вереш Октобер» Йожеф Ейнвахтер.

и сейчас стоит в непогоду съехать с булыжника, как колеса увязают по самые ступицы. Только что проехали деревню Шарсентмиклош. В ответ на вопрос о бывшем красноармейце Миклоше люди пожимают плечами. Нет, никто не помнит такого.

Не слыхали о нем и в деревне Энью. Мы узнали лишь, что жители этой деревни носят шляпы на особый манер — заламывают донышко крест-накрест. По этому признаку отличают жителей Энью. Председатель сельского совета Йожеф Альфельд успел рассказать, что у них есть Дом культуры и что одна девушка, Терез Чизмади, прекрасно играет на цитре. Но среди Миклошей нет никого, кто воевал бы с Врангелем...

Выбираемся на твердую дорогу и едем в Секешфехервар. В редакции областной газеты «Хирлап» нам дали совет посетить кооператив «Вереш Октобер» — «Красный Октябрь». Там есть люди, жившие в СССР. У меня опять воскресла надежда.

Такой же совет дал секретарь обкома ВСРП Лайош Четерки, молодой еще человек, общительный и простой в обращении с людьми. Он поехал с нами.

Встретил нас председатель Йожеф Ейнвахтер. Открытое, мужественное лицо, прямой взгляд и крепкое рукопожатие сразу расположили в его пользу.

Солнце перевалило за середину дня. Мы пошли по хозяйству, чтобы успеть посмотреть его засветло.

Зернохранилище на 60 вагонов с очистительными машинами, сухое и добротное. Кукуруза в початках и зерне. Подготовленная к весне семенная пшеница. Мне даже показалось, будто я нахожусь в одном из знакомых мне колхозов Днепропетровщины. И урожаи тут в среднем такие же, как у нас. Пшеница — 16 центнеров с хольда (0,57 гектара), рожь — 14 ячмень—15, а кукуруза—32 центнера в початках. Поразили урожаи семян люцерны — два и одна десятая центнера с хольда!

Вошли в теплый и просторный коровник. Нет, это не Днепропетровщина. Первый, кого мы увидали, был Ласло Хайду. Он доил краснопятнистую корову. Из шести человек на молочной ферме пять дояров и всего одна доярка. На Днепропетровщине такого, пожалуй, не встретишь.

Лайош Фаркаш, животновод, просил записать такие сведения. Рогатого скота на фермах кооператива 322 головы, в том числе 72 коровы. В пересчете на гектары (в кооперативе 1 350 хольдов земли) — 11 коров на сто гектаров. Средний удой — 2 840 литров от коровы в год. «Дьонди» — по-русски «Бусинка», — та приносит 3 600 литров. Такие удои считаются в Венгрии очень высокими. Ну, что еще? Есть 540 свиней, 30 лошадей... Кормов хватает.

Йожеф Ейнвахтер, председатель, говорит:

— Кооператив у нас небольшой, девяносто шесть семей, но можем без хвастовства сказать: крепкий и хозяйством и духом.

Вечером мы сидели в доме правления. Народу собралось много. Слушал я крестьян-кооператоров и думал: «Никакому Миндсенти не повернуть венгерского крестьянина на старую дорогу!»

В Венгрии удельный вес кооперативов в сельском хозяйстве меньший, чем в Болгарии, Чехословакии, Румынии. Кооперативы обрабатывают здесь пока немного больше миллиона хольдов земли, тогда как единоличники — свыше шести миллионов. Один миллион хольдов у госхозов. Однако, крестьянин-единоличник все чаще сравнивает: что лучше? Живет он неплохо, даже хорошо, а члены кооператива — все же лучше. И стучится мысль: не войти ли в «большую семью»?

«Вереш Октобер» — не самый богатый кооператив области Фейер. Есть куда богаче. В иных кооперативах на трудодень выдали по шестьдесят и по семьдесят пять форинтов, а в «Вереш Октобер» — 45 форинтов. Средняя стоимость трудодня в республике — 40 форинтов. Следует, правда, учесть, что отчисления в неделимые фонды в «Вереш Октобер» выше, чем во многих других кооперативах.

Когда заговорили, кто как живет, присутствующие наперебой стали приводить примеры. Рассказали об одном любопытном соревновании. Жили два друга-крестьянина: Иштван Полкович и Янош Изингер. Земли поровну, семьи одинаковые. И желания были одни и те же: оба хотели жить получше. Сошлись они как-то и договорились: «Давай потягаемся, кто кого превзойдет в хозяйстве, кто будет жить богаче».

Шло время. Оба старались изо всех сил, но каждый год, когда подбивали итоги, выходило, что, если не считать мелочей, всего было поровну. Доходы то чуть повышались, то падали, а в общем ни тот, ни другой не могли заметно вырваться вперед.

В деревне зарождался кооператив. Иштван Полкович подумал и вступил в «большую семью». Янош Изингер воздержался и остался единоличником.

Опять шли годы. Изингер ревниво приглядывался к Полковичу. А тот стал чаще наведываться в магазин, лучше одеваться.

Осенью прошлого года получает Янош Изингер приглашение. Кооператив устраивал встречу своих членов и единоличных крестьян для беседы на тему: кто лучше живет? И узнал Янош, как далеко ушел от него Иштван Полкович. У Яноша чистый доход не превысил и двадцати тысяч в год, около тысячи шестисот форинтов в месяц. У Иштвана, члена кооператива, на месяц выходило три тысячи, а за год — тридцать шесть тысяч форинтов.

И другие примеры приводили на том собрании. Взяли доходы единоличника Антола Ейнвахтера и сравнили с доходами... Кого вы думаете? Яношне Данко, вдовы, члена кооператива. У Яношне с дочерью двадцать семь тысяч годового дохода; у Антола с семьей — около девятнадцати тысяч, столько же, сколько у Яноша Изингера, когда-то соревновавшегося с Иштваном Полковичем.

Много дум вызвало собрание. На столе Йожефа Ейнвахтера, председателя, появилось девять заявлений с просьбой принять в кооператив.

...Выпито вино. Собственного производства, со своих виноградников. Съедена салями — знаменитая, с мировой славой, тоже собственного производства колбаса. Опустели тарелки, а в комнате народу становится все больше. Уходить никому не хочется.

Беседовали о многом. И вот встает Шандор Холоши и задает мне вопрос: не знал ли я украинца Скурака? А кто такой Скурак? Был такой командир, из русских военнопленных, солдат первой мировой войны. Шандор был в его отряде и бился за Венгерскую республику в 1919 году.

Нет, не знал я Скурака. А не знают ли товарищи Миклоша? Я рассказал о друге юности, с которым спал под одной шинелью. Слушали меня, кивали сочувственно и согласно головами: может, и жив Миклош, наверно, жив; мало ли деревень вокруг Секешфехервара. Вот если бы все объехать...

Жаль. Не могу я объехать все ближайшие к городу села. Но у меня было радостно на душе. Я не нашел своего Миклоша, зато сколько встретил людей таких же, как он. Жив Миклош!

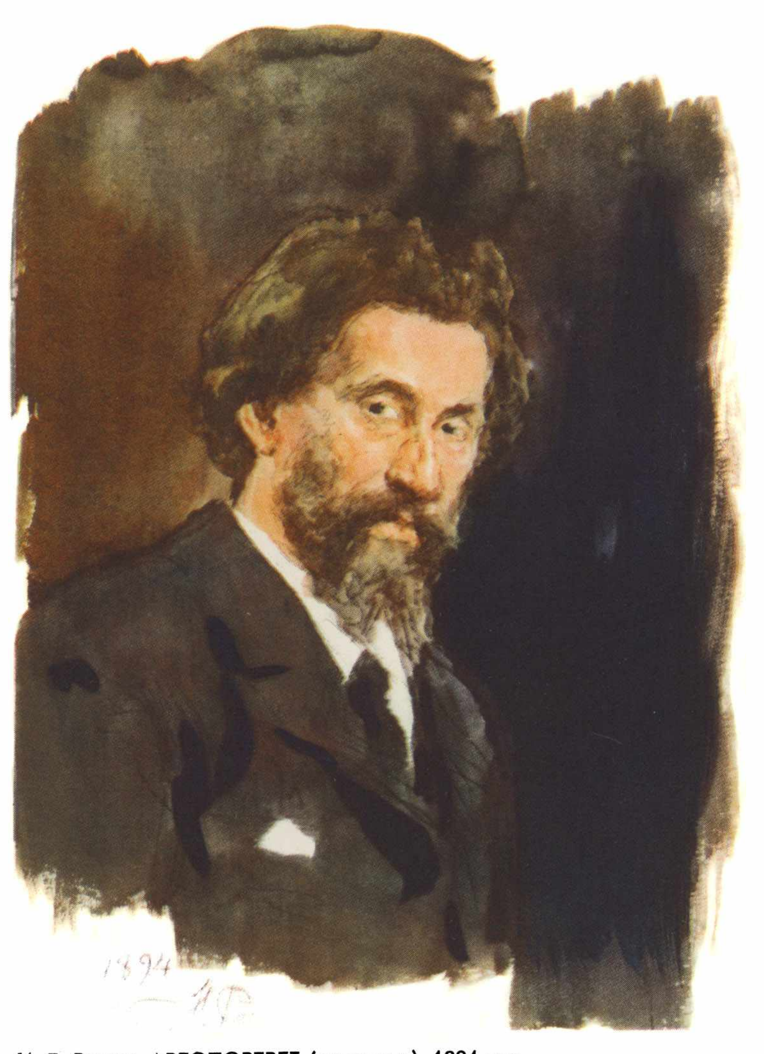
— В кооперативе я не самый богатый, но живу лучше единоличников,— сказал Лайош Адам.

Девушки — работницы швейной фабрики Секешфехервара, участницы художественной самодеятельности, после выступления в воинской части.

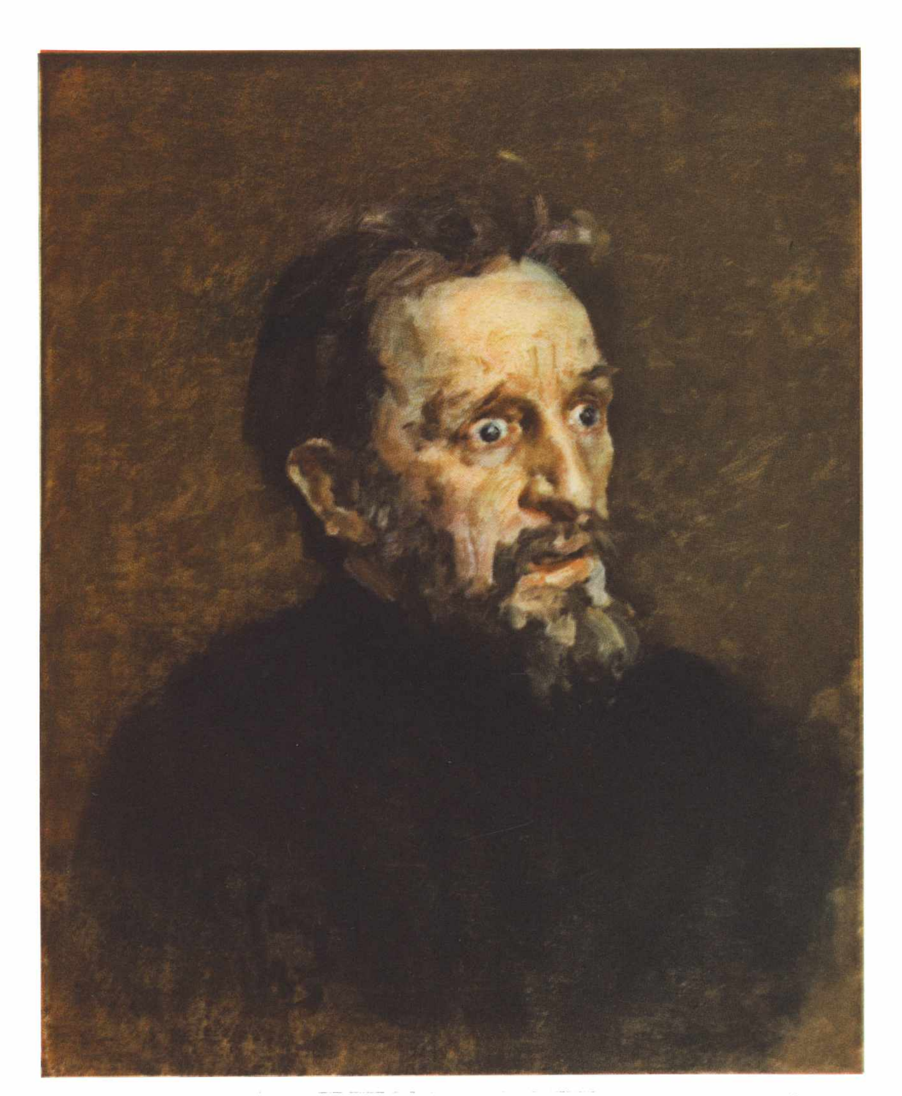

И. Е. Репин. КУХАРКА (акварель). 1881 год. Государственная Третьяковская галерея.

И. Е. Репин. АВТОПОРТРЕТ (акварель). 1894 год.

Государственный Русский музей.

И. Е. Репин. Этюд к картине «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года».

Частное собрание.

И. Е. Репин. А. М. Горький читает в «Пенатах» свою драму «Дети солнца». 1905 год. Слева направо изображены: В. В. Стасов, А. И. Куприн, Н. Г. Гарин-Михайловский, Ф. Д. Батюшков (уголь, сангина).

Частное собрание.

ДАЧНАЯ МЕСТНОСТЬ

Рассказ

Вл. ЛИДИН

Рисунок И. ГРИНШТЕЙНА.

Маленькая слабая старушка одиноко брела по улице опустевшего к осени дачного поселка. На перекрестках она останавливалась и, вглядываясь сквозь очки с толстыми стеклами в название улицы, брела дальше со своим тяжелым старомодным саквояжем в руке. Нужная ей улица Лермонтова была где-то в самом конце поселка.

Все начало сентября шли дожди, и холодная вечерняя заря окрашивала сейчас в розовый, необычайно печальный цвет колеи и лужи на дороге. Наконец старушка прочла нужное ей название. Она поправила на голове теплый платок и уверенней зашагала по окраинной уличке, где жили, очевидно, одни новоселы: некоторые дачи были построены, другие достраивались, и в палисадниках валялись стружки и стояли творила с известкой.

У одной из таких недостроенных дач старушка несмело открыла калитку и поднялась по ступенькам еще не застекленной террасы; дверь в комнату, видимо, служившую столовой, была открыта. Рослая женщина с красивым, но чем-то неприятным лицом готовила в стороне винегрет. Стол, покрытый подкрахмаленной скатертью, был накрыт к обеду.

Год назад сын разошелся со своей первой женой и женился вторично; вероятно, это и была та самая Варвара Михайловна, о которой он мельком написал в письме к матери. Женщина прекратила нарезáть свеклу и недовольно посмотрела на вошедшую.

— Вам кого? — спросила она неприязненно.

— Мне бы Павла Ивановича... Пашу. Я его мать.

— Боже мой!..— Женщина быстро отерла руки о передник.— Значит, вы Анастасия Васильевна? Как же вы так: не написали? Мы бы вас встретили...

Женщина говорила с преувеличенной любезностью, которая больше всего означала, что приход постороннего был сейчас до крайности несвоевременен. Но она по-родственному поцеловала старушку в обе щеки, как это полагается невестке.

— Да так получилось... Вы уж позвольте мне называть вас Варей. В этом году ушла я на пенсию, впервые в жизни времени стало много, а в Москву я, наверное, лет пять собиралась. Вот и решила, может, в последний раз побывать в ней.

— Ну что ж, и отлично сделали... Жаль только, Паша завтра уезжает в отпуск, у него путевка в кармане. Вы проходите сюда, Анастасия Васильевна... я к обеду готовлю. Паша человечка одного нужного пригласил. Сами видите, строимся... То одно, то другое нужно, а материалы все дефицитные. Павел с этой дачей совсем с ног сбился.

Лицо у женщины было крупное, с усиками над властным красивым ртом, черные блестящие волосы были уложены тугой косой, и мать с грустью подумала, что она из той породы женщин, которые умеют окрутить мужчину, окрутила она, наверное, и ее бесхарактерного Павла...

— Ух, и саквояж у вас тяжеленный! — сказала невестка, подхватив матерчатый саквояж.

— Яблочек вам привезла... Садик у меня маленький, всего восемь корней, но в этом году урожай замечательный.

— Напрасно, Анастасия Васильевна... Москва фруктами завалена,— сказала женщина. Но тут же, сообразив, что обидела старуху, добавила: — Впрочем, из своего сада всегда вкуснее.— Она мельком посмотрела на ручные часики, золотой браслет которых туго охватывал ее полную руку, и заторопилась: — В общем, вы тут располагайтесь, Анастасия Васильевна, а я обедом займусь.... Павел вот-вот приедет.

— Идите, идите. Я вас стеснять не собираюсь.

Невестка ушла. Анастасия Васильевна сняла с головы шерстяной платок и оглядела сквозь очки комнату. Все в даче было еще не устроено, как будто в ней не собирались жить, а, наоборот, готовились к отъезду; неустроенной показалась матери и жизнь сына, променявшего тихую, робкую, милую ее душе Таню на эту рослую, видимо, ни в чем не знающую для себя запрета женщину. Анастасия Васильевна тихонько вздохнула. Все получилось неудачно в этой с каждым годом откладывавшейся поездке в Москву: не было уже Тани, уезжал в отпуск сын,— и ей стало так пусто и неуютно в этой строящейся даче, что она, сдвинув на лоб очки, согнутым пальцем руки стала вытирать набегавшие слезы...

Четыре месяца назад она, старший корректор областного издательства, ушла на пенсию. Ей казалось невероятным, как она расстанется с гранками, с влажной от ручного тисканья версткой, с полюбившимися словарями Даля или Ушакова, со всем тем, что стало делом ее жизни.

Сын Павел был ее гордостью: она гордилась тем, что он в числе первых окончил технологический институт, работает сейчас конструктором на заводе и год назад, когда праздновалось двадцатипятилетие завода, был награжден. Письма сын писал ей не слишком часто, но всегда аккуратно. Она радовалась его деятельности, мечтала приехать в Москву, когда осуществится мечта каждого состарившегося человека: понянчить внучонка или внучку. Но внуков не было, а год назад сын вдруг перестал писать, не писал почти четыре месяца, а потом в коротком, видимо, наспех написанном письме сообщил, что в его личной жизни произошли большие перемены: брак с Таней оказался не очень счастливым, он встретил другую женщину, которая все изменила в его жизни, а с Таней он мирно договорился о разводе. Попутно написал он о том, что получил участок под Москвой и собирается строить дачу... И вот она в этой даче.

За стеной, что-то нарезая, стучали ножом, из кухни пахло жарким. Нет, совсем не вовремя приехала она сюда, привыкшая никогда никому не мешать в жизни...

Она сняла пальто и подошла к окну. В саду лежал строительный мусор и качались золотые шары рудбекий, видимо, недавно посаженных. Почти в ту же минуту к калитке сада подъехала машина: сын со свертками в руках прошел в дом, и Анастасия Васильевна услышала вскоре приглушенный торопливый голос невестки, вероятно, сообщавшей ему о приезде матери.

— Как же так, без предупреждения, мама? — сказал Павел, минуту спустя входя в комнату.— Я бы тебя встретил на вокзале.

— Зачем же лишнее беспокойство, Па-

шенька,— ответила Анастасия Васильевна, целуя сына.— Я и так отлично добралась.

Когда-то сын ходил с закинутой назад головой, его серые глаза были спокойны и тверды, как у человека, знающего свою цель в жизни. Анастасия Васильевна не видела сына почти пять лет, он похудел и поблек, и она даже отвернулась на миг, чтобы скрыть от него выражение боли на своем лице. Сейчас он беспокойно косился на дверь, за которой накрывала на стол жена, и что-то словно встало между ним и матерью, чего он стыдился и все же не мог побороть.

— Пойдем обедать, мама,— сказал он, как бы с досадой отмахнувшись от чего-то. — Только вот незадача какая... придет к обеду член нашего поселкового Совета. Не сможем мы с тобой по душам поговорить. А он человек нужный, сама видишь, строимся...

— Зачем же, Пашенька, я вам буду мешать... да и есть-то я не очень хочу, поела в поезде.

— Ну, как же так, мама,— сказал сын неуверенно. — Конечно, тебе неинтересно будет слушать наши разговоры насчет теса да шифера. Давай тогда так: Варя здесь тебе накроет, а чай будем пить вместе.

И Анастасия Васильевна быстро согласилась, что так будет лучше всего, а он пока обговорит с гостем все свои дела.

Член поселкового Совета пришел вскоре, сели обедать, а невестка накрыла ей на столик в комнате и забегáла по временам то с глубокой тарелкой винегрета, то с супом, то с жареной телятиной. Она стала необычайно оживленна, ее свежие щеки еще больше порозовели, и Анастасия Васильевна поняла, что это от вина, которое пили за обедом. Было естественно, конечно, что пьют вино, раз пригласили гостя; ей показалось только, что Варвара выпила больше, чем полагается хозяйке, и Анастасия Васильевна снова с болью подумала о кроткой, безответной Тане, которая, конечно, стушевалась перед этой властной, настойчивой в достижении своих целей женщиной. Она уже подумывала о том, как бы, не обидев Павла, поскорее уехать отсюда, пояснив, что хочет, может быть, напоследок пообстоятельнее посмотреть Москву и что она остановилась у старой приятельницы, с которой когда-то работала вместе в издательстве, и ей неудобно поздно возвращаться...

Обед закончился, невестка принесла на сладкое две глубокие мисочки с компотом — ей и себе.

— Пускай мужчины потолкуют насчет своих дел. Не приведи бог строиться,— махнула она рукой.— И все-таки нет ничего лучше, чем дачная местность! Участок у нас, правда, маленький, но еще в прошлом году посадила усы клубники, а летом уже ягоды были. Немного, конечно, зато в будущем году, надеюсь, и для продажи хватит. Все-таки подспорье, а расходов у нас — только оглядывайся.

Анастасия Васильевна промолчала, хотя ей захотелось сказать, что вряд ли удобно жене конструктора торговать ягодами. Впрочем, каждый живет, как хочет, и незачем навязывать другим свои взгляды.

— Ужасно жалко, что Паша завтра уезжает,— вздохнула, но больше для приличия, невестка.— Как же вы все-таки не списались с ним?

— А я ведь к вам только на часок — другой... Я у приятельницы остановилась. Поброжу несколько деньков по Москве — и обратно,— сказала Анастасия Васильевна.— У нас курсы корректоров организовали, так что приходится помогать молодым. Тем более сейчас, когда новые правила орфографии вышли.

— Да, да...— отозвалась невестка рассеянно, прислушиваясь к голосам за стеной,— все меняется. Я уж и сама, наверное, полуграмотная стала,— засмеялась она.— Я в строительном тресте прежде работала, строительные материалы на кубометры считали... а сейчас за каждым листом фанеры побираться приходится. Одну минуточку,— извинилась она, услышав, что в соседней комнате задвигали стульями,— я только гостя провожу.

Несколько минут спустя Анастасия Васильевна увидела через окно, как сын идет по саду с высоким худым человеком в военной перешитой шинели: это и был член поселкового Совета.

— Ты уж извини меня, мама,— сказал сын, входя вскоре в комнату.— Для дел нужно время, ничего не поделаешь. Не так-то просто строиться.

— А на что она тебе, дача, Пашенька? — спросила Анастасия Васильевна.— Детей у вас нет. Чего лучше: пришел отпуск — поехал куда-нибудь на юг, к морю... а тут ведь одних забот по самое горло, да и расходов не оберешься.

Сын ответил не сразу.

— Варю к дачной местности тянет,— сказал он наконец.— Хозяйка она отличная, а здесь огород, грибов она в этом году намариновала.

И Анастасия Васильевна снова с болью подумала, как неузнаваемо изменился сын.

— Что ж, тебе виднее,— сказала она покорно.— А я здесь ни одного дня не смогла бы высидеть.

— Это с непривычки, мама,— усмехнулся он какой-то совсем незнакомой ей усмешкой.

Ей хотелось сказать ему, что она ничем, ничем не обижена, ей и не нужно было обедать за общим столом, но все-таки они не виделись почти пять лет, много воды утекло за эти годы, вот уже нет рядом с ним Тани, которую она так любила, и словно повторяет он с чужого голоса никогда не свойственные ему слова. Неужели так захватила его эта женщина?

Но мать только глубоко вздохнула.

— Ты куда же отдыхать едешь, Пашенька? — спросила она.

— В Сочи.

Сын никогда не пил раньше, но сейчас от него пахло вином: видимо, без вина нельзя было сладить с членом поселкового Совета.

— Так неудачно получилось, что приходится уезжать, главное — путевка уже у меня в кармане. Я, откровенно говоря, думал, что ты приедешь, когда мы отстроимся. Тогда и забот было бы поменьше...— Он на минуту задумался, осторожно подошел к двери и прислушался.— Ужасно жалко, что так получилось,— повторил он, неловко полез в карман и достал сто рублей.— Я бы тебе больше дал, да накануне отъезда — путевка, билет, Варе надо оставить...

— Не нужно, Пашенька,— сказала Анастасия Васильевна твердо, отстраняя его руку с бумажкой.— Деньги у меня есть. Пенсию мне назначили хорошую, да и на курсах корректоров еще прирабатываю.

Он нерешительно держал в руке деньги.

— Напрасно ты, мама... ведь ехала сюда — расходы были, возьми, пригодятся.

Она снова отстранила его руку.

— Понадобятся деньги, Пашенька, я тебе напишу.

— Только дай слово, мама, что напишешь. Я тебе последнее время все собирался перевести, да дача эта совсем меня из колеи выбила.

Что-то виноватое и беспокойное было в его глазах, и мать заметила, как быстро он зажал в руке бумажку, когда жена открыла дверь: она словно сразу поняла, о чем они говорят здесь, или, может быть, даже подслушала за дверью.

— Павел прямо страдает за вас... я и то его успокаиваю: все-таки у вас в руках профессия.

— Ну, а как же,— согласилась сразу Анастасия Васильевна.— Опытные корректора сейчас на вес золота... а я все-таки больше сорока лет корректором работала. С одним ятем какую войну пришлось вести,— засмеялась она.— Что же, Пашенька, обещал чаем напоить, я бы попила да поехала... а то мне неудобно поздно возвращаться, я ведь у Веры Николаевны Флеровой остановилась, ты ее должен помнить.

— Ну, как же так, мама...— болезненно поморщился он.— Я думал, ты у нас поживешь... правда, на даче еще не устроено, печь только начинают складывать, по ночам холодище.

— Какая тут дача, что ты...— сказала она рассудительно.— Я с самого утра Москву пойду осматривать. В Третьяковке хочу побывать, да и купить кое-что просили меня знакомые.

— Сейчас, сейчас будет чай,— заторопилась невестка с облегчением.— У нас ведь по старинке, самовар поставила.

Она ушла и вскоре зазвякала чайной посудой. Анастасия Васильевна хотела спросить сына про его новую жизнь, но не решилась.

— Яблочек я тебе, Пашенька, привезла... из своего сада грушовка.— Она раскрыла саквояж и стала выкладывать на стол яблоки.— В дорогу обязательно возьми... да ты попробуй.

Он взял яблоко и откусил кусок.

— Хорошие яблоки,— похвалил он.

Опять что-то прошло между ними, на этот раз невыразимо сблизившее их, и сейчас же снова отодвинулось. Он был словно настороже, ожидая укора или порицания со стороны матери, но она молчала кротко и примиренно.

Невестка принесла самовар.

— Ну, давайте чаевничать,— предложила она расположенно, и Анастасия Васильевна поняла, что больше всего она боялась, как бы мать не осталась надолго, и теперь была довольна, что все так обернулось.

— Вы какое варенье любите? — спрашивала она любезно.— Есть крыжовенное, есть клубничное.

Анастасия Васильевна пила чай с клубничным вареньем, хвалила сорт клубники, потом, поглядев на ручные часики, заторопилась:

— Девятый час... уже совсем темно стало. Мне с моими глазами еще до станции добираться.

— Я провожу тебя, мама,— сказал Павел коротко.

— Какая жалость все-таки, что так получилось,— вздохнула невестка.— Знал бы Павел, что вы приедете, взял бы отпуск в другое время. Вы обязательно приезжайте еще, как только отстроимся.

И Анастасия Васильевна пообещала, что непременно приедет.

Сын пошел проводить ее до станции. Было уже совсем темно. Мокрые листья прилипали к подошвам. Там, где погасала заря, полоска неба была воспаленной, обещая ветреный день назавтра.

— О Тане ничего не знаешь? — спросила мать осторожно.

Сын помолчал.

— Работает в школе по-прежнему,— ответил он с усилием.

Но по тому, что он ответил с усилием, можно было понять, что Таню он не забыл...

— На дачу-то как, на машине ездишь? — осведомилась мать зачем-то.

— Да нет, поездом. Это только сегодня удалось на машине. Жалко, Варя не дала тебе варенья на дорогу... ты ведь клубничное любишь.

— Бог с ним, с вареньем, еще разобьешь банку по дороге. Жалко мне тебя, Пашенька,— вдруг всхлипнула она, цепляясь в темноте слабой рукой за его руку.— До боли в сердце жалко. Какой дом хороший на дачку променял... да и что в ней, в этой даче,— варенье клубничное из своего сада и только.

Но он понял, о каком доме она говорит, и ничего не ответил ей. Скоро стали видны высокие фонари станции. Еще несколько минут спустя сын помог Анастасии Васильевне подняться на высокий перрон электрической дороги.

— Как тетя Даша?— спросил он, перекидываясь на миг в места своего детства.

— Да живет помаленьку. Тоже на пенсии. Ты бы приехал как-нибудь, Пашенька.

— Да ведь видишь: дела все... не знаю, как и справиться.

Из темноты стал нарастать сильный свет фар головного вагона, мягкий гул возвестил подход поезда, и вскоре освещенные окна вагонов понеслись мимо перрона.

— Ну, мама, будь здорова... не обижайся, что так получилось,— сказал сын, целуя мать в обе щеки.— Если будут нужны деньги, непременно напиши.

— Напишу, напишу,— успокоила его она.

В поезде было пусто: мало кто ехал осенним вечером в Москву. Анастасия Васильевна встала у темного окна, мимо прошла освещенная станция, потом поселок с его строящимися или уже достроенными дачами, на одну из которых променял сын самое главное, без чего человек не может быть счастлив...

Она всем своим материнским сердцем остро чувствовала, что в новой его жизни сыну всегда будет, как в недостроенной даче, и что он сам хорошо это знает.

Сегодня он с нами

В 1935 году, впервые приехав в Грузию, я познакомился с Тицианом Табидзе. В первый же тбилисский вечер за круглым столом в доме Тициана на улице Грибоедова мы, москвичи, учились высоким традициям грузинской застольной беседы, и это было немалое дело. Соревнование в красноречии, в дружелюбном внимании друг к другу, возвышенные и находчивые тосты, строгая их последовательность — все это было своего рода платоновской академией для нас: тут и философия истории родной страны, и поэзия в прямом, профессиональном смысле слова, и поэзия как высокая настроенность души, и просто непритязательное острословие — все было уместно, все служило праздничному общению людей, только что бывших совсем чужими, но искренне стремящихся сблизиться и нашедших для сближения такой простой и благородный способ.

В тот вечер Тициан был в ударе. Он произносил патетические тосты, легко и уверенно менял направление разговора, руководил им, как тактичный тамада, вспоминал стихи старых русских поэтов. Весь его грузинский патриотизм был направлен на то, чтобы дать почувствовать, в какую великолепную среду мы попали, показать нам дарования товарищей, их своеобразие, их широкий кругозор.

Он был очень хорош собой. Несколько полный и грузный, в затрапезной парусиновой блузе, с ярким цветком в петлице, не то гвоздикой, не то осенней астрой, с челкой римского патриция, с правильным, мягким лицом, скорее славянского, нежели грузинского, типа, с чуть охрипшим голосом и могучей грудной клеткой — такую яркую фигуру не часто встретишь на белом свете. Его хотелось писать маслом на холсте, крупно вылепить из глины — иначе говоря, увековечить по возможности эти выразительные черты.

При дальнейших встречах он невольно оказывался в положении какого-то «мэра города Тбилиси» — так содержательны и выпуклы были его комментарии и к башне Метехи, и к горе святого Давида с гробницей Грибоедова, и к картинам гениального самоучки Нико Пиросманишвили, и ко многому еще, им же самим найденному, облюбованному, распропагандированному. Рассказанное им могло бы стать стихами, поэмой, но он был щедр и пачками швырял эти нераспечатанные в творчестве воспоминания и образы, радуясь тому, что может поделиться с новыми людьми своим патриотическим богатством.

И вот наступил такой вечер, и мы сели с Тицианом в допотопный потрепанный «газик» и двинулись по Военно-Грузинской дороге. Тициан декламировал хриплым, с надсадой и переливами, гортанным голосом, он почти кричал в ночную мглу:

> На холмах Грузии лежит
> ночная мгла,
> Шумит Арагва предо мною...

И действительно, синяя бархатная мгла окружала нас, а где-то внизу плескалась Арагва. Чтение Тициана было очень своеобразным и сильным. Русский ямб, тоника нашего стихосложения совершенно пропадали в его интерпретации, все это непомерно вытягивалось в его долгих и кратких слогах. Он читал Лермонтова, Блока, Тютчева и с какой-то особой задушевностью, как свой личный лейтмотив, повторял тютчевскую строфу:

> Нам не дано предугадать,
> Как слово наше отзовется,—
> И нам сочувствие дается,
> Как нам дается благодать...

Шофер наш, смельчак Жора, вел машину лихо, не считаясь с подъемами, спусками, крутыми поворотами, маревом молочного тумана над Гудаури. Из-под фар машины выныривали зайцы и дикие кошки, а то и рыси и неистово мчались впереди нас, загипнотизированные светом. Часа в четыре ночи мы остановились на станции Казбек, против гостиницы, длинного и некрасивого двухэтажного строения, дышавшего девятнадцатым веком, перекладными лошадьми, дормезами и дилижансами. На застекленной террасе гостиницы был свет, две или три керосиновые «молнии» освещали лица сидящих за столом. Это были летчики и альпинисты. Недавно в горах разбился наш почтовый самолет, несколько дней продолжались поиски разбитой машины и погибшего экипажа. Как раз накануне найдены были тела погибших, и вот летчики и альпинисты справляли поминки по товарищам. Они братски разделили с нами свою печальную трапезу.

Много лет прошло с той поры. И такая встреча за ночным столом не однажды повторялась в нашей жизни, уже в суровой обстановке войны, на аэродромах дальнего действия, в метельные ночи сорок первого — сорок второго года. И теперь мне кажется, что тогда, в тридцать пятом году, сквозь стекла террасы на Казбеке в наши бессонные глаза смотрело наше будущее, пристально смотрели ждавшие нас беды и утраты.

Что же касается самого Тициана Табидзе, это было именно так: ведь не прошло и двух лет после той ночи на Казбеке, и он навсегда ушел от нас, словно смелый летчик, разбившийся где-то в горах в непогодную туманную ночь.

В 1957 году в Москве и Тбилиси одновременно вышла книга стихов и поэм Тициана Табидзе. Он встает в ней во весь свой рост, как замечательный советский поэт-патриот, быстро созревший в крупного мастера на протяжении одного десятилетия.

Это прежде всего поэт упоительный. Казалось бы, такой эпитет, сам по себе продиктованный восторгом, мало что может определить в поэте, но я на нем настаиваю. Поэзия Тициана Табидзе — это разливанное море упоения жизнью, восторга перед раскрывающимися человеку картинами действительности. При этом видишь, что автор больше всего ценит в себе, настойчиво культивирует и воспитывает умение непосредственно откликаться на пережитое и виденное: чем непосредственнее, тем увереннее его мастерство. Все написанное Тицианом — песня, гимн, дифирамб,— иначе говоря, свободно выразившее себя сильное чувство.

> Эти слова неожиданно
> выпелись,—
> Песня не ждет оседания мути,
> Чтобы, как оползень горный,
> осыпались
> Чувства, огромные в первой
> минуте.

Вот автопризнание, характерное для Тициана! Отсюда его широкое дыхание, смело изменчивая интонация, не подчиняющая себя никакому заранее предуганному логическому плану. Здесь все непредвиденно, все импровизация. В отлично написанном предисловии к тбилисской книге Табидзе его младший современник грузинский поэт Симон Чиковани говорит: «Неукротимые чувства распирали грудь поэта... они точно грозились разорвать его грудную клетку. Стихи светились внутренним нежным светом жизни, словно они вобрали в себя и подчинили себе все житейские волнения». Это сказано точно и без преувеличения.

Основная тема зрелых стихов Тициана — родина, исторические перемены на родной земле, связанные с ростом нового поколения советских людей, со строительством новой, социалистической Грузии, ее земледелия и индустрии. Прежде всего это относится к родным для поэта краям, к Западной Грузии, к долине Риона, к Колхиде. Совсем недавно, когда поэт рос здесь ребенком, его окружали гнилые болота, нищета, грязь и невежество крестьянской бедноты; здесь царила малярия, детская смертность была ужасающе велика. И вот советская явь тридцатых годов: на месте осушенных болот цитрусовые сады и виноградники; устье Риона, превращаемое в порт; народ, распрямивший плечи, окинувший взглядом неоглядную даль счастливого будущего. Современная явь перекликается для Тициана и с другой неоглядной далью, с вековой древностью; в стихах его звучат отголоски греческих мифов о Язоне и аргонавтах, некогда искавших в Колхиде легендарное золотое руно. Лирический дар Тициана уверенно соединяет разнородные массы детских воспоминаний, родной истории, легенд, бытовых картин, социального предвидения в органический сплав, ему одному свойственный.

Тициан Табидзе. 1936 год.

В этом сила тициановских стихов. Прав поэтому Симон Чиковани, утверждая, что «в поэзии Тициана Табидзе, как в единой семье, живут орпирские колхозники, Мцыри Лермонтова, Григол Орбелиани, Гиппократ, Пиросмани...».

Развитие Тициана как поэта было не простым и по-своему типичным и знаменательным для того времени. Студент-филолог Московского университета, он в решающие годы возмужания был заражен всеми токами тогдашних поэтических направлений и пристрастий: среди них были и Блок, и Анненский, и французские символисты. И когда в годы первой мировой войны московский студент вернулся домой, в родной город Кутаиси, он нашел там среду близких ему, зараженных теми же токами сверстников; так возникла знаменитая группа грузинских поэтов-символистов «Голубые роги». Юные поэты смело раздвигали границы традиционного грузинского стиха, ломали формальные каноны классики, идущей от Ирана. Сегодня для этого литературного движения давно уже наступило время исторической оценки. Его специфически эстетские черты осуждены самими участниками, выросшими из «Голубых рогов», как из детской одежды.

В сборнике Тициана Табидзе наряду с его зрелыми, широко известными произведениями помещены и ранние стихи. И в них угадывается источник, послуживший началом для большой и полноводной реки. Здесь был первый перекресток пути, чистого, благородного и по-своему смелого. Диктовало эти стихи очень большое бескорыстие и неоглядная преданность любимому искусству.

> Будь что будет, но, жизнь
> молодая,
> Я объезжу тебя и взнуздаю
> И не дам потеряться во тьме.

Этот приказ самому себе он, конечно, выполнил. И сейчас Тициан Табидзе недаром вспоминается нам особенно ярко и свежо. Он по праву современника входит в сегодняшнюю поэзию, поистине «как живой с живыми говоря».

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Тициан Табидзе. Избранное. Москва. Гослитиздат. 1957. 235 стр. Избранное. Тбилиси. Изд-во «Заря Востока». 1957. 208 стр.

ПОЛЮ РОБСОНУ 60 ЛЕТ

Родители Поля Робсона — Вильям и Мария-Луиза Робсоны.

Л. ГРИГОРЬЕВ, Л. ТЮРИНА

Фото из семейного альбома Эсланды Робсон и журнала «Эбони»

Недавно негритянский журнал «Эбони» назвал Поля Робсона самой трагической фигурой наших дней, жертвой холодной войны и расовой дискриминации. «Антрепренеры делают вид,— писал журнал,— что певца Робсона вообще не существует, городские власти запирают на замок концертные залы, едва услышат о его приезде, Голливуд «не признает» его, собиратели автографов, которые прежде всюду следовали за ним по пятам, исчезли, уступив место агентам ФБР. Голос самого прославленного негра, одного из действительно великих людей нашего времени, больше не слышен. Он стал «культурно-политическим изгнанником» в собственной стране».

В этих словах много горькой правды. Семь лет концертные залы в США были закрыты для Робсона. Радиостанции бойкотировали его пластинки, а «белая» буржуазная печать не упоминала даже его имени. Он получил десятки приглашений выступить в концертах в других странах, но власти отказывают ему в паспорте на поездку за границу.

Но неправда, что голос Робсона не был слышен. Он пел для народа и говорил с ним в негритянских церквах, на собраниях студентов, которые не поддавались маккартистской истерии, пел для канадских рабочих. Американцы могут ездить в Канаду без виз, но для Робсона было сделано «исключение». Ему не разрешили выехать в эту страну, когда профсоюз канадских горняков и металлургов пригласил его выступить с концертом. Тогда канадские рабочие решили: «Если Поль не может прийти к нам, мы сами пойдем к Полю» — и вместе с женами и детьми собрались у Арки мира на американо-канадской границе. Робсон пел для 30 тысяч канадцев, не переступая государственной границы Соединенных Штатов Америки.

В мае прошлого года в Лондоне был организован концерт Робсона по телефону. Шахтеры Уэльса прибыли на этот концерт со своим хором, который исполнил специально написанную по этому случаю песню со словами: «Сердечное радушие встретишь ты в долине, когда придешь снова домой в Уэльс». Английские «комитеты борьбы за право слушать Робсона у нас» организовали и оплатили трансляцию концерта по радио для всей Англии. В эти комитеты входят 27 членов английского парламента.

Никогда не умолкал голос Поля Робсона — борца за мир, за права американских негров и свободу всех угнетенных народов. Случалось, что враги сами предоставляли ему национальную трибуну, вызывая его в комиссию конгресса США по расследованию «антиамериканской деятельности». Под прицелом телевизионных камер в 1956 году Робсон повторил то, что сказал в 1949 году на Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже: цветные народы хотят мира и не будут воевать за интересы империалистов. Робсон заявил своим преследователям, что не он, а они сами являются антиамериканцами.

— Я борюсь за право моего народа быть полноправными гражданами в этой стране. Именно поэтому я стою здесь перед вами...

Эти слова Робсона нашли горячий отклик во всей негритянской печати Америки. «Белые ненавидят и боятся Робсона потому, что он является совестью Америки во всем, что касается расовых отношений»,— писала «Сан-Рипортер».

«Робсон призывает к справедливости и свободе здесь, сейчас, пока мы живем, а не в отдаленном будущем. Он отвергает обещания постепенных улучшений и кричит: «Нет, сейчас!». Его протест — это подлинный протест негров...» — писала «Калифорниа-войс».

9 апреля великому артисту и страстному борцу за мир Полю Робсону исполняется 60 лет. Эта дата связана для него с двумя важными событиями: выходом его книги «На том я стою» и возвращением к концертной деятельности.

Крупнейшая негритянская газета «Афро-Америкэн» назвала книгу Робсона «программой действий для цветных американцев». Но это не сухой политический трактат. Каждая строка в ней прочувствована большим сердцем большого художника и звучит с такой же силой, искренностью и страстью, как его песни.

На страницах своей книги Поль Робсон не только излагает свои принципы и убеждения, но и показывает, что они плод всей его жизни, порождение его семейной традиции, уходящей в историю Америки почти на 200 лет, когда его прапрадед пекарь Сайрус Бастилл участвовал в войне за независимость и основал первое общество взаимопомощи американских негров. С большой теплотой рассказывает Робсон о своем отце Вильяме, который в пятнадцать лет бежал с рабовладельческого американского Юга, мечтая стать свободным человеком и получить образование. «Любовь к знанию, бесконечное стремление к правде во всей ее полноте — этому всегда учил меня отец»,— говорит Робсон. От отца же Поль еще ребенком узнал, что «негр во всех отношениях равен белому человеку». И вместе со своими братьями он поклялся доказать это и добиться этого.

Искатель правды, священник Вильям Робсон был лишен своего прихода и долгое время вынужден был работать возчиком и даже сборщиком золы. Отец больше всего запомнился Полю именно в этот период тяжелой нужды, но он не помнит, чтобы хоть когда-нибудь отец жаловался на невзгоды. Самому Полю Робсону, могучий талант которого мог бы быть предметом гордости любой страны, в последние годы пришлось жить на «доход» в 200 долларов в месяц. Но от него тоже никто не слышал жалоб.

— Не беда,— говорил Поль.— Так живет большинство моего народа.

В книге рассказывается о большой семье Робсона, в которой Поль был самым младшим. Старшего брата, Билля, в семье считали самой светлой головой. Набожный ректор Принстонского университета Вудро Вильсон, будущий президент США, прослывший «адвокатом демократии во всем мире», отказался принять Билля в свой университет из-за цвета его кожи. Работая проводником на железной дороге, Билль учился всю жизнь и овладел обширными знаниями.

— Это так. Но почему это так? — спрашивал он молодого Поля, уча его «беспощадному анализу фактов».

Второй брат, грубоватый и беспокойный Рив, всю жизнь работал кучером. Он пытался в одиночку, собственными большими кулаками отстаивать свое человеческое достоинство, не спуская южным «джентльменам» ни одной обиды.

Бенжамин, единственный из оставшихся в живых братьев Поля, пошел по стопам отца и служит священником в маленькой негритянской церкви Гарлема,— там и можно было услышать голос Поля в самые тяжелые для него годы.

Важнейшим поворотом в своей жизни Робсон считает поездку в 1936 году в охваченную гражданской войной Испанию. Там Поль увидел, как рабочие и работницы Испании отдают делу демократии «последнюю полную меру своей преданности», там он убедился, что не кто иной, как высшие классы — земельная знать, банкиры и промышленники — «спустили фашистского зверя против своего народа».

Рассказывая о формировании своих взглядов, Робсон вспоминает о своем первом приезде в Советский Союз, где он увидел, как прежде отсталые и угнетенные народы «совершают прыжок от родового строя к современной индустриальной экономике, от неграмотности — к вершинам знаний, как расцветает их культура». И все это «не за 1000, а меньше чем за 20 лет».

Из книги мы узнаем о недостойных попытках материальными благами склонить Робсона к сделке с собственной совестью. «В те дни, — пишет Робсон, — сложившихся идей у меня было еще немного; но уже тогда я держался одного твердого принципа: только моя совесть должна служить мне руководством, и никто и никогда не будет водить меня на золотой или какой-либо иной цепи».

Поль Робсон в фильме «Джерико». 1937 год.

Поль Робсон в роли Отелло. США, 1945 год.

Все, о чем бы ни говорил Поль Робсон в своей книге, подчинено одной главной мысли: расовое неравенство («Джим Кроу», как называют его американские негры) может и должно быть похоронено именно теперь, в наше время. Этому способствует освободительная борьба цветных народов, существование могущественного социалистического лагеря, который не дает возможности империалистам подавить это движение. Этому способствует и внутренняя обстановка в США, где растет сознание того, что равноправие негров неразрывно связано с социальным прогрессом. «Чтобы осуществить свои чаяния,— говорит Робсон,— неграм Америки необходимы лишь организация и единство действий».

Не удивительно поэтому, что буржуазная печать США обошла книгу Поля Робсона полным молчанием и она не появилась на прилавках больших книжных магазинов. По той же причине «черная Америка» встретила эту книгу с огромным волнением и интересом. Еженедельная газета «Афро-Американ» печатает главы из книги, а в негритянских церквах священники в своих проповедях рекомендуют прочесть ее всем прихожанам. Две тысячи экземпляров книги раскупаются каждую неделю. В Америке это рекордная цифра для книги, которую бойкотируют большие книготорговые предприятия.

В адрес автора и издателя ежедневно приходят письма. В одном из них, адресованном Полю Робсону, белый американец пишет:

«Я хотел бы, чтобы было больше людей — белых и цветных — с такими же душевными качествами, какими обладаете вы. Ваша книга укрепит много слабых рук и сделает их способными к работе...»

Большая победа Робсона, одержанная к его шестидесятилетию,— срыв бойкота его артистической деятельности. Уже в октябре прошлого года, после долгого перерыва, Робсон выступил в столице Калифорнии Сакраменто. Сейчас великий артист совершает концертную поездку по стране. Он выступает с новой, необычной для концертных залов программой: он рассказывает публике о единстве человеческой культуры, иллюстрируя свою мысль песнями разных народов и образцами классического репертуара. Показывая связь музыки с мелодией устной речи, Робсон читает последний монолог шекспировского Отелло.

Вот как театральные критики калифорнийских газет описывали один из таких концертов:

«С первой минуты, когда Робсон вместе с залом пел негритянский гимн «Возвысьте голоса и пойте», и до завершения двухчасовой программы отрывком из Отелло, Робсон держал переполненный зал зачарованным. Он излучал нечто волшебное. Это «нечто» заключалось в его полном слиянии с аудиторией. Робсон донес до слушателей все — от шубертовской «Колыбельной» до китайских, еврейских и русских народных песен. Его исполнение русской «Дубинушки» потрясло публику. Он повторял ее дважды на русском и английском языках. А отрывок из симфонии Дворжака он исполнил с таким чувством, что часть слушателей тихо плакала, в то время как другая аплодировала... Включение вокального финала бетховенской Девятой симфонии в программу концерта, состоящего из народных песен, было несколько неожиданным. Но этот финал заключает в себе благородную идею, которой так предан Робсон: «Все люди — братья»...

Робсон пел в Сан-Франциско, Окленде, Лос-Анжелосе, Сан-Хозе, Сакраменто, и всюду его концерты проходили в переполненных залах.

9 апреля, в день своего 60-летия, Робсон будет петь и произнесет речь на вечере в Чикаго, организуемом в его честь местным Американо-советским обществом.

В дружной семье Поля Робсона тоже готовятся к празднеству. Недавно мы встретились с его женой Эсландой Робсон, и она раскрыла нам маленькую семейную тайну.

Когда внуки Робсона — шестилетний Дэви и четырехлетняя Сьюзи — узнали, что 9 апреля у дедушки Поля будет день рождения, они тоже решили сделать ему подарок.

— Что больше всего хочется «гранпа Полю»? — спросили они у Эсланды.

— Паспорт,— ответила она.

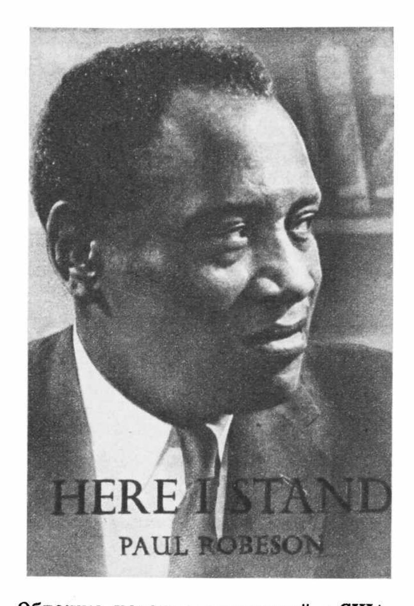
— Ну что ж, давай купим ему паспорт! — в один голос воскликнули ребятишки.

Но оказалось, что заграничного паспорта купить нельзя. Узнав, как выглядит паспорт, дети сказали: у нас есть картон, бумага, карандаши, и мы сами сделаем паспорт для «гранпа Поля».

9 апреля Поль Робсон получит от своих маленьких внуков самый дорогой для него подарок.

И кто знает, быть может, это будет счастливым предзнаменованием, счастливым для всех народов мира, которые хотят видеть и слышать «живого» Поля Робсона.

Нью-Йорк.

Обложка недавно вышедшей в США книги Поля Робсона.

Поль Робсон, в свое время один из лучших футболистов США, показывает приемы игры своему сыну.

ДОЧЬ ЦЕХА

После смерти матери, работницы экскаваторного цеха Уралмашзавода Ошиваловой, двенадцатилетняя Маргарита осталась одинокой. В коллективе задумались:

— Что с ней делать?

Проще всего было устроить девочку в детский дом. Но многие рабочие запротестовали.

— История знает сына полка. Пусть Маргарита будет дочерью цеха,— предложила мастер В. Маркина.

Предложение это понравилось, и экскаваторщики решили удочерить Маргариту. Договорились с заводоуправлением и получили комнату в благоустроенном доме. Вместе с Маргаритой поселили здесь работницу, любящую детей.

Маргариту часто навещали руководители цеха. Да и она редкий день не появлялась на заводе. Каждый старался сделать для нее что-либо приятное, и девочка не чувствовала себя одинокой.

Больше других о судьбе Маргариты беспокоилась мастер цеха Валентина Тимофеевна Маркина, может быть, потому, что она и сама испытала сиротскую долю. Маргарита часто приходила к ней на квартиру. Здесь, как в своей семье, вместе с дочерью Маркиной, Ириной, она готовила уроки, играла, мечтала о будущем.

Но особенно хорошо чувствовала себя Маргарита в цехе.

Однажды начальник цеха спросил Маргариту:

— Нравится тебе у нас?

— Очень.

— Тогда выбирай себе работу.

Когда Маргарита окончила семилетку, ее взяли ученицей в цех.

Способная и любознательная девушка скоро овладела специальностью разметчицы. Вечерами она продолжала учиться в школе рабочей молодежи. А скоро весь цех отпраздновал счастливое событие: Маргарита вышла замуж за рабочего этого же завода Владимира Шуклина.

Сейчас у молодых родилась дочка Галя. Часто Маргарита, смеясь, говорит дочери:

— Вот подрастешь, пойдем к деду в гости. А «дед» — это цех.

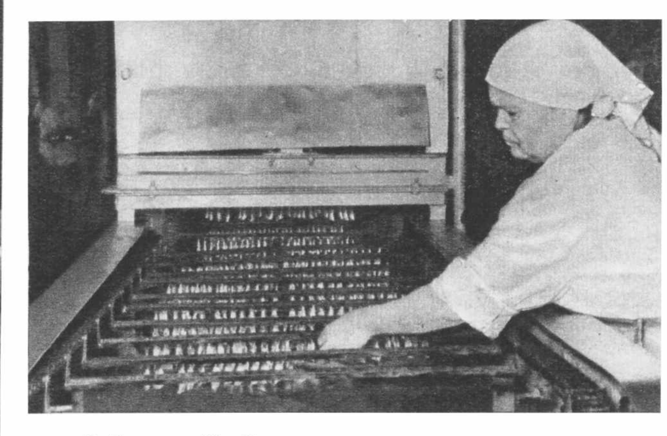
Н. ОЛЕСОВ

В. Т. Маркина и Маргарита Шуклина за разметкой деталей шагающего экскаватора.

Фото И. Тюфякова.

Рыбу коптят лучи

Работница М. Симакова у коптильного аппарата.

С точки зрения гурмана стол был однообразный: только копченая рыба. На каждом блюде лежало по две штуки одной и той же породы. Золотисто-коричневыми боками аппетитно поблескивали широкоспинные океанские сельди, мясистые сиги, глазастые морские окуни... Еще было удивительно, что одна рыба из каждой пары имела на хвосте ленточку.

В довершение необычности трапезы гости сидели за столом в белых халатах. Сказать про них, что они ели, было нельзя. Они приглядывались к угощению, нюхали рыбу, наконец, неторопливо отправляли в рот маленькие кусочки и лениво жевали копченое рыбье мясо, приятно попахивающее дымком.

Все дегустаторы, которым было предложено определить, есть ли разница во вкусе между двумя рыбами, в один голос сказали:

— Конечно, есть. Вот этих рыб с ленточками коптили более опытные мастера, потому что...

Но на этот раз дело было не в мастерстве людей, а в новом и довольно неожиданном способе производства: копчение рыбы поручено инфракрасным лучам, которым помогает ультразвук.

Этот новый способ разработан Московским институтом народного хозяйства имени Плеханова в содружестве с Московским рыбообрабатывающим комбинатом. Преподаватель института кандидат технических наук И. Лапшин и директор комбината А. Шапошников предложили метод, значительно ускоряющий и упрощающий процесс копчения рыбы.

Конвейер подает рыбу в ванну с подогретым раствором тузлука. В его толщу мембрана посылает ультразвуки, благодаря чему ускоряется и улучшается процесс просаливания. По ходу технологического потока рыбу окунают затем в ванну с раствором «коптильной жидкости», то есть в тот же древний дым, но теперь сжиженный и обработанный по специальной рецептуре, что исключает присутствие в нем каких-либо вредных веществ. «Вынырнув» из «коптильной жидкости», рыба проезжает на цепном транспортере мимо электрических ламп инфракрасного излучения. Они пропекают ее с обеих сторон. Под их воздействием появляются приятный, золотистый цвет, вкус и запах, которые присущи копченостям.

Инфракрасные лучи и ультразвук делают свое дело: коптят рыбу в пять раз быстрее и лучше, а кроме того, дают значительную экономию.

А. ВЛАДИМИРОВ

Потомки гарибальдийца

Кто не знает о подвигах народного героя Италии, вождя итальянской революционной демократии Джузеппе Гарибальди! Передовые русские люди с глубокой симпатией следили за его борьбой. Известно, как высоко отзывался о нем Н. Г. Чернышевский. Близкие, дружеские связи с ним поддерживал А. И. Герцен.

Недавно Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина приобрела от потомков гарибальдийца Джузеппе Ротуло редкие реликвии. Здесь и личное военное дело Ротуло—сержанта 7-го батальона берсальеров 2-й кампании (отряда); и медаль, полученная им, как и другими гарибальдийцами, от Палермского муниципалитета; и миниатюрный фотопортрет, раскрашенный от руки: Ротуло изображен в форме «тысячника»-краснорубашечника.

Случилось так, что Джузеппе Ротуло спустя несколько лет после окончания великих походов приехал в Петербург, где работал сотрудником итальянского посольства. В Петербурге он умер и там же похоронен. В 1875 году, через два года после приезда гарибальдийца в Россию, родилась дочь Ротуло — Элиза Джузеппе.

Елизавета Иосифовна Штейнберг — так уже давно зовут Элизу Джузеппе — и сохранила памятные реликвии. Среди них поблекший фотопортрет Гарибальди с его личной подписью. Этот подарок Гарибальди прислал своему храброму «тысячнику» Джузеппе Ротуло в марте 1881 года, незадолго до своей смерти. Елизавета Иосифовна передала библиотеке вместе с редким фотопортретом и несколько ценных книг: книгу Гарибальди «Тысячники», изданную им в Париже в 1875 году, и книгу Эссио Марио «Гарибальди и его время», вышедшую в 1884 году в Милане.

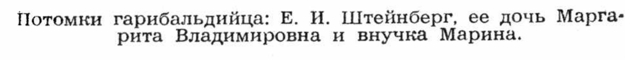

Медаль, выданная Палермским муниципалитетом.

Дочь гарибальдийца Елизавета Иосифовна — пенсионерка. Она живет в Ленинграде, на Васильевском острове, безвыездно свыше 40 лет. У нее дружная семья. Ее дочь Маргарита Владимировна Гордлевская — заслуженная учительница республики, заведует учебной частью школы-интерната № 7. Советское правительство наградило Маргариту Владимировну орденом Ленина. Дочь Гордлевской Марина окончила среднюю школу и работает в театральном музее.

В Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде открыта «Гарибальдийская витрина», где читатели знакомятся с новыми материалами, переданными потомками гарибальдийца Джузеппе Ротуло.

С. БАБИНЦЕВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Потомки гарибальдийца: Е. И. Штейнберг, ее дочь Маргарита Владимировна и внучка Марина.

Когда с тобой товарищи

Несчастье произошло внезапно. Кабину машины, в которой работала оклейщица Сусанна Оличева, мгновенно охватило пламя. Но погибнуть Сусанне товарищи не дали. Рискуя жизнью, вынес ее из огня мастер И. П. Тимохин. В тяжелом состоянии девушку доставили в больницу. В борьбу за жизнь пострадавшей вступили врачи. А вскоре на заводе стало известно: врач Н. Уколова обращается к рабочим с просьбой о помощи — спасти жизнь работницы можно, только пересадив на обожженное место кожу другого человека.

В тот же день состоялось комсомольское собрание цеха. Комсорг Никита Мартынов говорил немного:

— Жизнь Оличевой надо спасти!

И сразу поднялись две руки: Инны Маковой и Валентины Карташовой; они также работают оклейщицами. Потом поднялись еще руки, но эти девушки были первыми.

...Теперь уже все позади. Сусанне становится лучше с каждым днем. Поправились после операции и ее подруги, Валя и Инна. Валя уехала в дом отдыха по заводской бесплатной путевке, а Инна успешно сдала экзамены в вечернем авиационном институте и поехала к матери в Балашов.

Р. ЛИХАЧ

Валя (слева) и Инна пришли навестить Сусанну.

Фото автора.

Клуб для семей

Семейный ансамбль Струиных на репетиции: Олег, Людмила Михайловна, Алексей Александрович и Юрий.
Фото И. Семина.

«На вечер за чашкой кофе для ветеранов труда, уходящих на пенсию, приглашаем Вас и Вашу семью» — такой билет получил шофер А. Янсон, пятьдесят лет проведший за рулем автомобиля.

Все понравилось Янсону в тот вечер в клубе, так же как и многим его товарищам-пенсионерам: и приветственные речи, и концерт, и кофе. Когда вечер кончился, все уселись в автомобили, специально присланные по этому случаю, и разъехались по домам.

Много было в тот день в клубе гостей — пришли с женами, детьми и даже с внуками. Пока взрослые находились в зале, ребята играли в детской комнате. Почти все дети были впервые в клубе и вели себя по-разному. Глядя на них, заведующая детским сектором Инга Анатольевна Макаренкова и решила устроить вечер на тему «С кого брать пример?». Но сколько лекций уже прочитано на эту тему! А живая беседа о том, кто как воспитывает своих детей, подчас бывает полезнее лекции. И Инга Анатольевна пригласила в клуб две рабочие семьи: Юшко и Михайловых. Ольга Сидоровна Михайлова оказалась хорошим рассказчиком: она интересно рассказывала о том, что в их семье большое значение придается труду. Старшие следят за учебой младших, младшие приучаются подметать пол, покупать хлеб и молоко. У каждого в семье есть свои строго определенные обязанности.

Внимательно слушали и рассказ маляра автобусного парка Бенедикта Юшко. В этой семье шестеро детей: трое школьников и трое малышей.

— Может ли мать одна справиться с ними? Конечно, нет! У меня всегда находится свободное время для детей, мы воспитываем их вдвоем. И еще у нас третий помощник — этот самый клуб, где сейчас проходит наш вечер. Старшие дети, Харий, Имант и Аусма, обучаются здесь музыке и пению. Иногда они готовят тут уроки. Когда в клубе бывают семейные вечера, мы приходим сюда все, восьмером. Клуб посылает в таких случаях за нами автомашину.

В прошлом году в клубе была создана не совсем обычная секция — семейные самодеятельные ансамбли. Ныне в клубе уже двадцать девять семейных оркестров. В частности, успехом пользуются выступления ансамбля семьи мастера завода «Планета» А. Струина.

Директор Рижского центрального клуба автодорожников М. И. Воронцов сказал нам:

— Мы хотим всю работу нашего клуба организовать так, чтобы сюда приходила не только молодежь, но и семейные люди с детьми, чтобы родителям не надо было задумываться над тем, кто присмотрит за детьми. Мы добиваемся, чтобы наш клуб был интересен людям всех возрастов. Словом, клуб наш становится семейным...

Н. ХРАБРОВА

«ПЕЧНИКИ»

Рассказ Александра Твардовского «Печники», опубликованный в № 7 «Огонька», вызвал многочисленные отклики. Эта встреча с Твардовским-прозаиком обрадовала читателей. Они расценивают новое произведение поэта как значительный факт литературной жизни.

«Мы очень любим ваши стихи,— обращаются к автору учителя московских школ В. Новоселова, А. Воронец, З. Кулакова и другие,— с большим интересом следим за всем, что вы печатаете последнее время, и этот рассказ явился для нас неожиданным и чудесным подарком».

Авторы письма, касаясь художественных достоинств рассказа, отмечают «удивительную живость и правдивость характеров, теплоту и человечность, поэзию труда и таланта». Их пленило также национальное своеобразие рассказа, его русский колорит. К ним присоединяется врач Е. Александрова.

В письмах отмечается любовное отношение писателя к людям, рядовым труженикам, его восхищение народными умельцами, красотой человеческой души. Подчеркивается, что автор хорошо знает жизнь и мастерски, с тонким психологизмом изображает ее. «Оригинальность, новизна, знание жизни бесспорны»,— утверждает полковник запаса Н. Васильев. В его письме эта высокая оценка убедительно аргументирована.

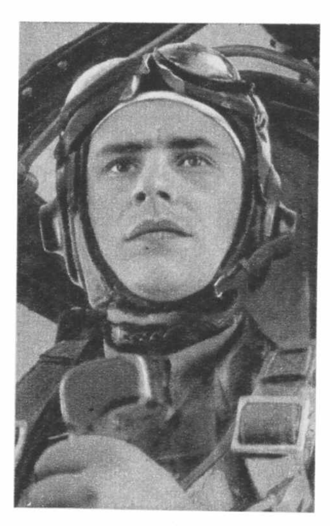
Отдельные читатели, приводя факты из своей жизни, видят в рассказе правдивое изображение бытовых неурядиц, с которыми им так же, как и рассказчику, молодому сельскому учителю, приходилось сталкиваться. «У меня подобные переживания тоже были»,— соглашается с автором пенсионер П. Латышев. Развивая эту мысль, читатель И. Нечипоренко рассматривает «проблему печки» как следствие серьезных упущений в бытовом обслуживании трудящихся. «Нам нужны,— восклицает он.— не только учителя, но и хорошие печники, не только поэты, но и обыкновенные портные!..»

Читатель Н. Петров просит передать А. Твардовскому большое спасибо за его «исключительный по правдивости и сердечности рассказ», а тов. Васильев желает автору «шире и полнее развивать этот жанр» и чаще выступать с рассказами.

Быть там, где трудно!

В июне 1951 года в «Огоньке» (№ 26) был опубликован очерк «В одной деревне». В нем рассказывалось о выпускниках Чертолинской средней школы, Калининской области, об их помыслах, мечтах, надеждах. С тех пор прошло почти семь лет. Десятиклассники стали агрономами, педагогами, инженерами, художниками. Судьба разбросала их по разным уголкам нашей страны, но все они честно трудятся на благо советского народа.

Интересно сложилась жизнь одного из героев очерка, бывшего секретаря школьной комсомольской организации Станислава Цветкова. После окончания школы он хотел остаться в деревне, стать агрономом. Но жизнь внесла в биографию юноши свои поправки. Он нашел призвание в профессии военного летчика.

Делегат XIII съезда ВЛКСМ старший лейтенант С. Г. Цветков.

Рассказ о новых страницах биографии Станислава Цветкова хочется начать с одной из записей в дневнике, которую он сделал в июне 1951 года:

«...Останусь ли я в колхозе, пойду ли учиться в институт — суть дела не в этом. В жизни для меня главное — быть там, где трудно, где постоянно нужны воля, настойчивость, труд».

Эти слова стали жизненным правилом воина-комсомольца.

И вот летное училище, куда Цветков поступил после школы, окончено. За успехи в боевой и политической подготовке обком комсомола награждает лейтенанта Цветкова Почетной грамотой, а комсомольская организация избирает его в состав бюро подразделения. Молодой офицер много летает и постоянно учится, совершенствует свое мастерство.

Прошел еще год. Цветков стал старшим лейтенантом, освоил полеты на реактивном бомбардировщике. Воины-комсомольцы подразделения избрали его своим вожаком, и теперь комсомольская организация, которой он руководит, считается лучшей в части.

Недавно в жизни комсомольца Станислава Цветкова произошли два памятных события: комсомольское бюро части и офицеры-коммунисты рекомендовали его для приема кандидатом в члены КПСС, а областная комсомольская конференция избрала делегатом XIII съезда ВЛКСМ.

Вот как сложилась судьба одного из героев очерка «В одной деревне», бывшего секретаря комсомольской организации Чертолинской средней школы.

А. ХОРОБРЫХ

Интервью «Огонька»

СПУТНИК МОСКВЫ

И. ЛОВЕЙКО,
главный архитектор Москвы

Спутник, о котором пойдет речь, ничего общего не имеет с теми, что совершают стремительные обороты вокруг Земли.

Примерно в 35 километрах от столицы, северо-восточнее станции Крюково, Октябрьской железной дороги, возникнет первый город — спутник Москвы — с населением примерно в 65 тысяч человек.

В отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии Н. С. Хрущев говорил о необходимости рассредоточить население крупных центров и начать строительство небольших городков вокруг Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова:

«Хорошие, благоустроенные дома надо будет строить не на территории самих крупных городов, а в некотором отдалении от них, создавать там такие жилищные условия, чтобы люди стремились туда переселяться. В эти городки необходимо перевести некоторые предприятия, чтобы трудящиеся могли там работать».

Располагая комфортом современного большого города, спутник Москвы будет обладать и преимуществами Подмосковья — лесом, рекой, фруктовыми садами, огородами.

Семье, живущей, скажем, в Москве в ветхом доме и желающей переселиться в город-спутник, предоставят там хорошую квартиру. А в Москве на участках снесенных строений возведут благоустроенные дома, разобьют парки.

Из перенаселенных районов Москвы в город-спутник переведут предприятия легкой, пищевой и местной промышленности, создадут там новые фабрики и заводы. Все они сосредоточатся в особых зонах, отделенных от жилых кварталов плотным зеленым поясом.

Наши города-спутники принципиально отличаются от зарубежных. Там они носят специфическое название сателлитов. Даже лучшим из них, вроде сателлита шведской столицы Стокгольма — Веллингбю, присущи особенности капиталистического мира. В Западной Европе города-спутники часто являют собою своего рода «спальни», деловая жизнь обитателей этих городов протекает в большом городе — «хозяине». Население же спутника Москвы будет трудиться там, где и живет. Людям не придется ежедневно ездить на работу в Москву.

В ближайшее время будут организованы дирекция строящегося города, управление строительства и проектная мастерская во главе с главным архитектором. Предстоящая сложная работа мыслится как единый комплекс. Жилые дома и общественные здания будут возводиться параллельно, одновременно будет вестись озеленение, прокладка дорог, водопровода, канализации.

В качестве основного типа жилых строений принят четырехэтажный дом с квартирами для семей различной численности. Дома будут строиться поточно-скоростными методами из сборных конструкций и деталей. Каждой квартире отведут небольшие земельные участки для садов.

Особое внимание обращается на планировку улиц. Между домами и проезжей частью протянутся полосы зеленых насаждений. В новом городе не будет монотонных каменных коридоров, уличного шума и сутолоки. Лес, растущий на территории, отводимой под город-спутник, сохранят, сделав парком культуры и отдыха. На протекающей неподалеку реке Сходня поставят небольшую плотину, за которой разольется озеро.

Город-спутник будет теплофицирован, к нему подведут магистральный газопровод.

В нынешнем году должен быть готов генеральный план города-спутника, в будущем — осуществлены проектно-изыскательские работы. Вслед за тем начнется строительство.

По долгу службы мне неоднократно приходилось бывать там, где «будет город заложен». Место прекрасное, здоровое, живописное.

Имя будущего города пока не установлено. Может быть, как первенца все-таки назвать его Спутником, не смущаясь тем, что он целиком земной, подмосковный? Но это — дело будущего, как и порядок заселения, как и административное устройство. Скорее всего город-спутник будет подчинен Мосгорисполкому на правах района столицы...

Юбилей в самодеятельной студии

Четверть века на театральной сцене... Такой юбилей тепло отметили в Доме культуры города Бежецка. Юбиляр, артистка самодеятельной рабочей студии Галина Павловна Малинина, по профессии бухгалтер, выбрала для своего праздника спектакль «Богатые невесты» А. Н. Островского и роль в нем Бедонеговой — богатой купеческой вдовушки.

В Калининской области и за ее пределами известна работа драматической студии Дома культуры. Юбиляра поздравило много ее друзей-зрителей. Высоко оценив ее многолетний труд, сердечно поздравили артистку Г. П. Малинину Московский Художественный театр имени Горького, Московский театр драмы имени Маяковского, народные артистки Союза ССР Е. Д. Турчанинова и С. В. Гиацинтова.

В адрес Бежецкого дома культуры пришли в эти дни поздравления из Германской Демократической Республики — от руководителя театра Вертольда Брехта Елены Вейгель и из Франции — от главного режиссера Национального народного театра Жана Вилара.

Е. НИЛОВА

Г. П. Малинина в роли Бедонеговой. «Богатые невесты» А. Н. Островского.

Стихи о Египте

ГО МО-ЖО

С АЭРОДРОМА НАПРАВЛЯЮСЬ В КАИР

Солнце на закате, точно пламя.
Желтые пески лежат повсюду.
Птиц гнетет безмолвие пустыни,
И полны тоски глаза верблюда.

Прошлое страны уносит ветер,
Новое встает перед глазами.
Но пустыню скоро ли засеют
Финиковой пальмы семенами!

ОСТАНОВИЛСЯ В ОТЕЛЕ «СЕМИРАМИС»

За террасою отеля воды Нила.
Ночь неоновый огонь не погасила.

Бронзовые львы могучи и надменны.
Сверху герб Египта — с птицею священной.

Диск луны плывет над головою.
Бьет фонтан упругою струею.

Будто я на Хуанпу в Шанхае.
Дивна ночь. Сидим за чашкой чая.

В ПОРТ-САИДЕ УЧАСТВУЮ В ПРАЗДНИКЕ ПОБЕДЫ

Суэц, ты, как могучая река,
Соединяешь два материка.

Враг был отброшен в тот суровый год,
Но пролил кровь египетский народ.

Когда сбежал разгромленный пират,
Народ, ликуя, вышел на парад.

Смотри, как веселится стар и млад,
Как ярко-ярко факелы горят!

У ГИЗЕХСКИХ ПИРАМИД

У восточного края ливийской пустыни
Пирамиды, как три великана, застыли.

И сурово могучего сфинкса обличье,
Фараонов гробницы — былое величье.

В десять чжанов корабль [1]. Исполинские камни.
Эти камни рабы шлифовали руками.

Труд священен! Возникнут ли в этом сомненья,
Если миру он дарит такие творенья!

ПЛЫВУ НА ЛОДКЕ ПО НИЛУ

Легкая лодчонка над волнами.
Подхватили лодку руки весел.
Мир пронизан яркими лучами,
Будто ранняя явилась осень.

Из воды — купающихся лица.
Снял одежду, жаркий пот струится.
Трижды, радостный, напьюсь из Нила —
Обрету и молодость и силу.

ГУЛЯЮ ПО ЗАГОРОДНОМУ ДВОРЦУ АЛЕКСАНДРИИ

Дворец королевский стоит, горделив и высок.
Волна, как индиго. Желтеет прибрежный песок.

Колонны и башни хвастливо глядят свысока.
Одежда дворца, как и прежде, свежа и ярка.

Фарук от восставших бежал на морском корабле.
Отрекся король, и мечтает феллах о земле.

Несет свои воды могучие Нил-исполин,
Бескрайны просторы его берегов и долин.

НОЧЬЮ ВОЗВРАЩАЮСЬ ИЗ АЛЕКСАНДРИИ В КАИР

Пустыня дремлет в тишине под яркою луной.
Однообразные пески уходят в небосклон.

Мы у гизехских пирамид. И вдруг передо мной
Явился «Солнечный корабль» из глубины времен.

Труд человеческий велик и славен на века,
Но пусть свершениям иным себя он посвятит.

Провижу день, когда народ пустыню покорит
И добрым полем зацветет бесплодный край песка.

НОЧЬЮ ПЛЫВУ ПО НИЛУ У ГОРОДА ЛУКСОР

Умолк Луксор, и люди спят спокойно.
На легкой лодке парус треугольный.

С колоннами я вижу древний храм.
Луна спешит за нами по пятам.

Издалека несутся звуки песни,
О чем-то волны тихо говорят.

И так же, как сейчас, на берег Нила
Спускалась ночь шесть тысяч лет назад.

Перевел с китайского Л. ЧЕРКАССКИЙ.

[1] Не так давно у гизехских пирамид был обнаружен гигантский «Солнечный корабль», построенный более чем из тысячи бревен. Дерево корабля не сгнило, так как корабль был замурован в каменной пещере... Изображение этого корабля можно встретить на стенах древних гробниц. Чжан — 3,2 метра. (Примечание автора.)

СИЛА ХУДОЖНИКА

Есть в Третьяковской галерее узкий, полутемный коридорчик между двумя залами нижнего этажа. С одной стороны лестница, с другой — окно: два простенка, где можно, на худой конец, повесить три — четыре небольших картины. Обычно там выставляли картины, которые, по мнению некоторых, не представляли особого интереса. Должно быть, понимая это, зрители проходили этот коридор, не останавливаясь и не обращая внимания на слабо освещенные простенки. Так было всегда.

Но вот в 1947 году на Всесоюзной художественной выставке неожиданно в этом тесном коридорчике образовался людской затор. Зрители плотной толпой стояли у одной картины, стояли подолгу, отходили и затем снова возвращались. Солнечная, точно излучавшая настоящий, живой, естественный свет, картина эта зажигала в глазах людей какой-то благородный, трепетный огонь взволнованной радости. Экскурсоводы обычно не задерживались у этой картины, но идущие за ними группы зрителей останавливались сами. Смотрели удивленно, восхищались и вслух высказывали свое недоумение рядовым служащим Третьяковской галереи: «Почему такая картина висит не в зале, почему экскурсоводы проходят мимо нее? Зачем прячут ее здесь, в потемках?»

Дежурная по залу, тихая старушка в темном форменном костюме, негромко, словно по большому секрету, отвечала: «Так это ж натурализм. Специалисты говорят». И озиралась по сторонам, опасаясь, как бы, не дай бог, «специалисты» не услышали ее.

Но, к удивлению старушки, зрителей совсем не пугало слово «натурализм», а лишь вызывало веселые улыбки. А кто-то знающий весело заметил: «В свое время и Репина и Шишкина натуралистами обзывала вся эта эстетствующая критика».

Вскоре картину по требованию зрителей перенесли в светлый зал. Называлась она «Письмо с фронта». Написал ее совсем неизвестный до того времени широкому зрителю художник Александр Иванович Лактионов, о котором еще в 1940 году один из замечательных деятелей советского изобразительного искусства, последовательный борец за социалистический реализм, Исаак Израилевич Бродский, говорил: «Как рисовальщик, он занимает одно из первых мест в нашей стране. У Лактионова прекрасно развиты чувства формы, цвета; у него есть все, чтобы стать первоклассным мастером... Не удивительно, что у этого художника есть много хулителей. Недоучки, кривляки, неудачники не хотят видеть в Лактионове художника. Некоторые искусствоведы уже делают доклады, предостерегают, сигнализируют, отрицают его мастерство. Над молодым художником берут шефство «синие чулки», не любящие искусства люди, втихомолку продолжающие групповую борьбу».

Лактионов оправдал надежды своего маститого учителя: кроме широко известного полотна «Письмо с фронта», им создано много других таких же светлых, волнующих, согревающих душу картин. Но «Письмо с фронта» было тем мостиком, который проложил художник между собой и зрителем. Народ горячо полюбил этого живописца за его светлый талант, за искусство, такое ясное, такое правдивое, будто сама жизнь со всем ее дыханием вставала с холстов. Репродукции с картины «Письмо с фронта» облетели все уголки нашей необъятной Отчизны. Имя художника Лактионова стало знакомо и близко миллионам советских людей. Его новые картины стали искать на выставках.

Сколько народу толпилось в одном из залов Третьяковской галереи, где была выставлена картина Лактионова «За вышиванием», преподнесенная затем в дар премьер-министру Индии Д. Неру! Простенькая, незамысловатая по композиции, но выполненная с мастерством, доведенным до блеска, живая, будто художник душу свою в нее вложил, она волновала сердца, не пропуская мимо себя ни одного зрителя. Равнодушных не было, как вообще не бывает равнодушных у картин Лактионова. Обсуждают, восторгаются, хвалят, критикуют, ругают. Правда, последних немного.

У Лактионова много самых искренних поклонников. Это бесспорно. Чтобы в этом убедиться, достаточно пойти на юбилейную Всесоюзную художественную выставку, где экспонировано несколько работ художника, главным образом портреты. У работ Лактионова постоянно толпа зрителей.

Александру Ивановичу часто приходят письма от неизвестных ему людей. «Примите от нас, пионеров 6-го класса Яснополянской семилетней школы, наш горячий пионерский привет! Поздравляем вас с 10-летием со дня выхода в свет картины «Письмо с фронта». Недавно мы писали классное сочинение по вашей картине. Она нам давно очень нравится».

Москвич Ю. Н. Прозоровский пишет Лактионову: «От всей души благодарю вас за большое удовольствие, которое я испытал на выставке в Москве, когда я увидел ваши картины. Я для вас просто зритель, которого вы не знаете... У ваших картин всегда толпа людей. Посетители подолгу рассматривают «Февраль». Хорош и «Автопортрет» и «Ваня». Еще раз спасибо, товарищ Лактионов, пишите всегда так, как вы пишете».

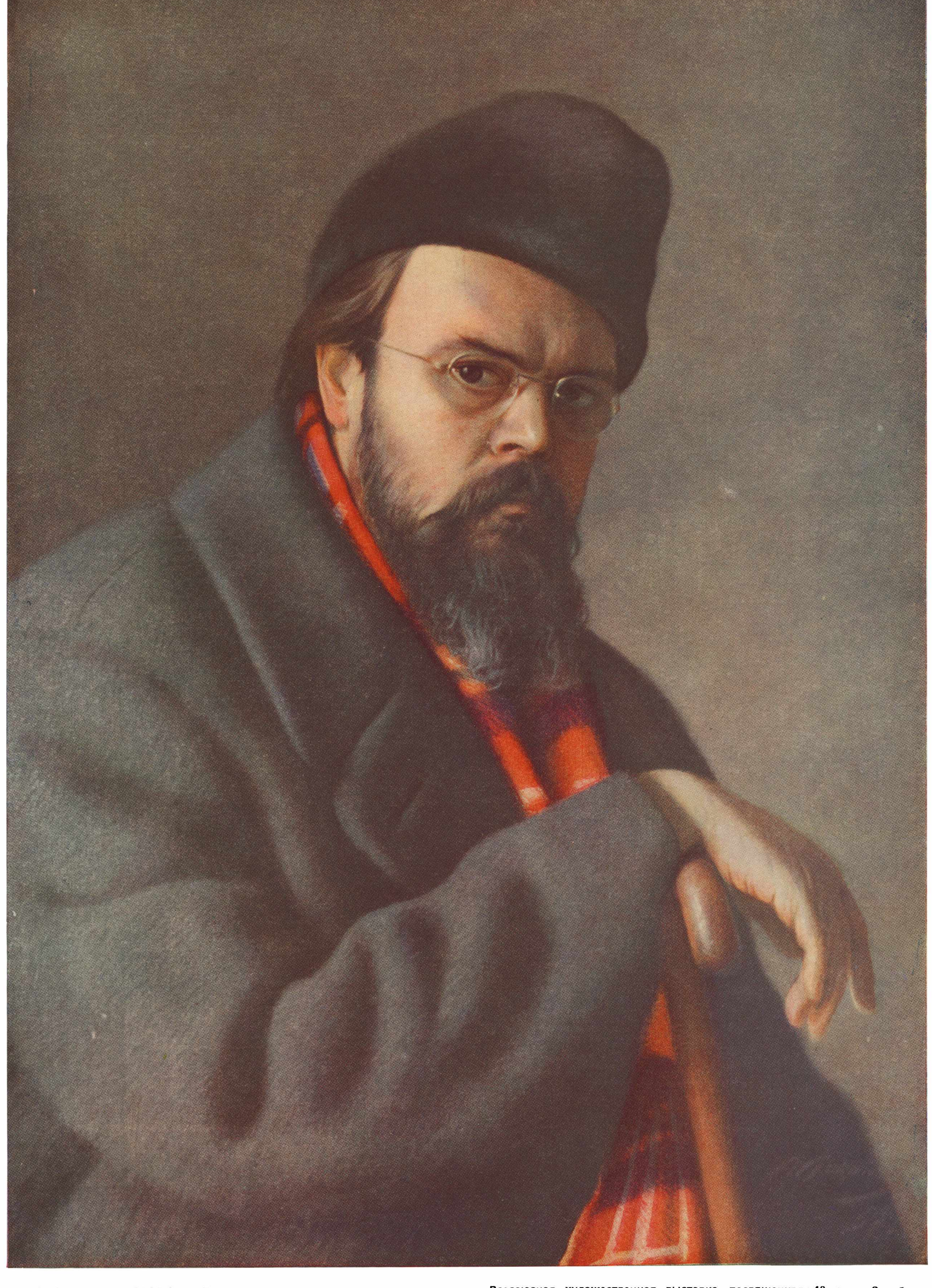
А вот строки из письма семьи Михайловых, взволнованного, искреннего: «И до чего ж нам дороги ваши картины!.. И за все за это приносим вам большое русское спасибо и земной поклон».

Писем очень много. Из Чехословакии Иржи Вацек пишет: «В последнее время я видел в журнале «Огонек» репродукции с ваших чудесных картин «Февраль» и «Теплая осень». Я позволю себе просить вас, дорогой товарищ художник, не могли бы вы мне прислать какую-нибудь репродукцию с вашей картины на память. Я рад иметь память о вас».

Искусство Лактионова глубоко национально. В нем со всей отчетливостью чувствуется русская школа живописи. В этом его сила, в этом следует искать и «секрет» популярности художника среди широких масс. Вспомните жизнеутверждающее начало таких лактионовских картин, как «За вышиванием» и «Февраль», звонких и чистых, как песня, как родниковый ручей. Сколько там жизни, поэзии в простом, повседневном, во всем, что окружает нас, чем мы живем и дышим!

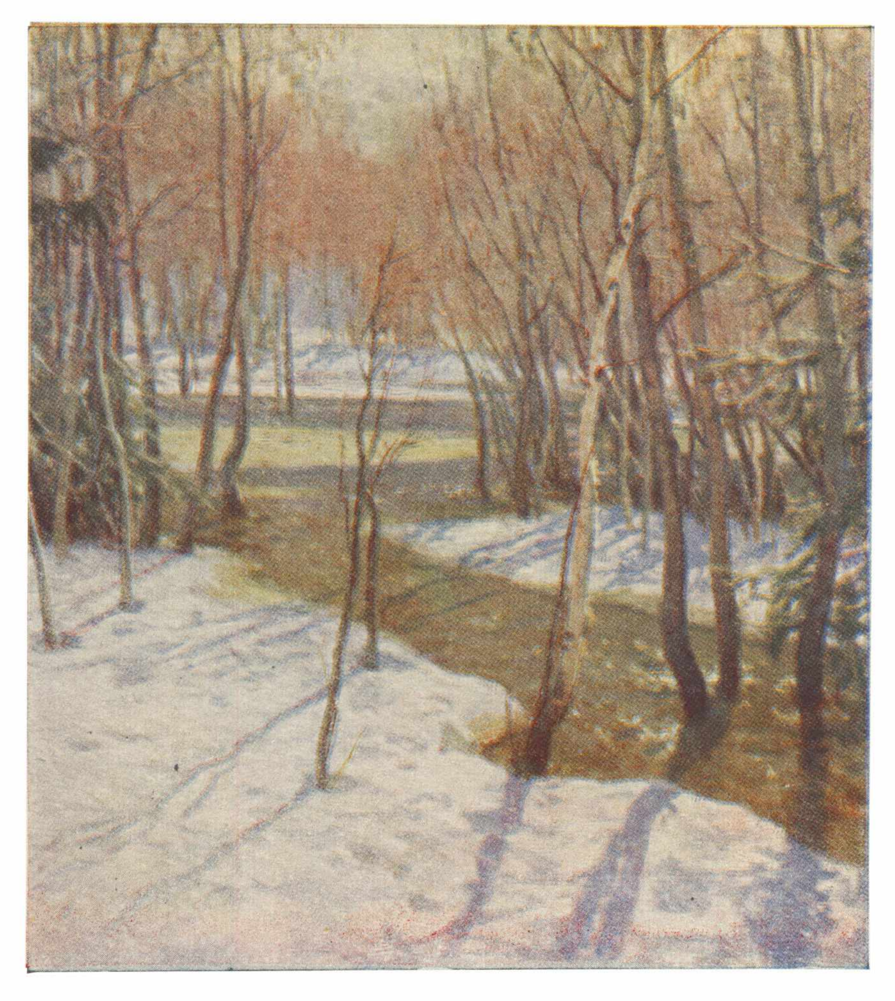
Некоторые искусствоведы и критики упрекают Лактионова в «законченности письма», считая это старомодным. Ему противопоставляют этюдность и незавершенность, как новое слово в искусстве. Лактионова обвиняют в фотографизме и других всевозможных грехах. Но именно за эту законченность, за то, что у него на полотне сама жизнь, и любят Лактионова зрители. А эта любовь народа, его теплое слово одобрения для настоящего художника дороже всего на свете.

Иван ШЕВЦОВ

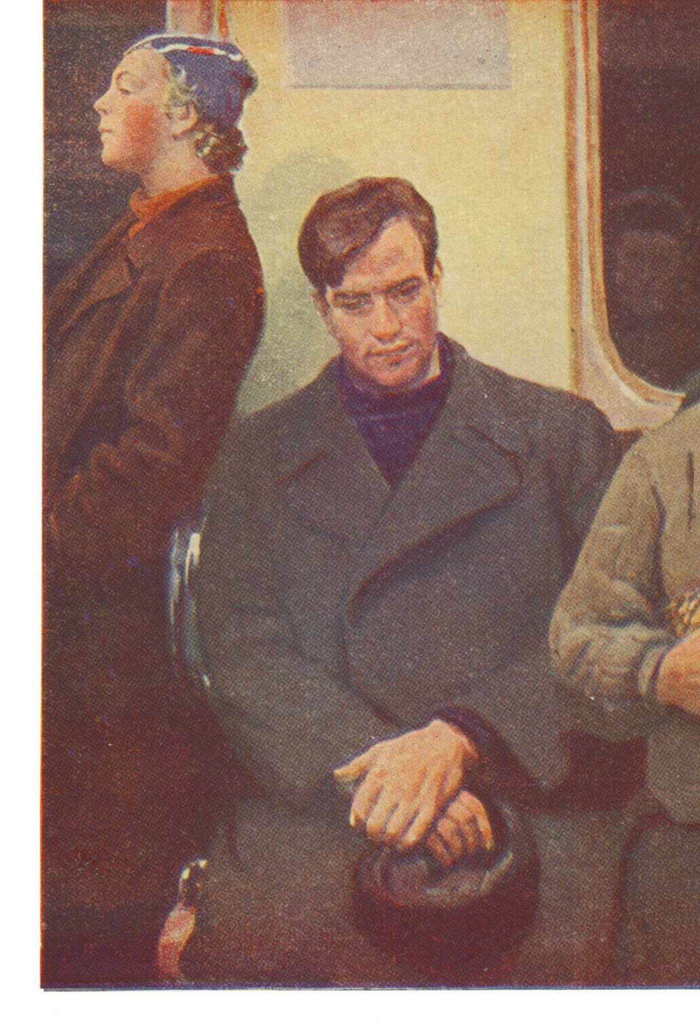

А. И. Лактионов. АВТОПОРТРЕТ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

А. М. Грицай. РУЧЕЙ.

Д. Д. Жилинский. В МЕТРО.

А. А. Пластов. АВГУСТ КОЛХОЗНИКА.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

М. С. Кенбаев. ЛОВЛЯ ЛОШАДИ.

С. И. Левенков. ДЕКАБРИСТЫ.

Всесоюзная художественная выставка, посвященная 40-летию Октября.

ОТЕЦ

Рассказ

Альфредо ВАРЕЛА,
уругвайский писатель

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

У дона Секундино очень живые, не по возрасту живые глаза, черные точки зрачков то и дело проворно и пристально обследуют все вокруг. Временами его взгляд напоминает беспокойный цепкий взор орла, когда тот высматривает жертву или вглядывается в приближающуюся опасность. Над этими все видящими глазами нависает густая щетка бровей. Длинный нос ныряет прямо в побеленные сединой усы, редкие и запутанные. Жесткая щетина почти закрывает всю верхнюю губу, а когда он разговаривает, то из-под усов можно увидеть еще здоровые зубы, до черноты прокуренные терпким дымом трубки. Она — его единственное пристрастие. Волосы на голове больше всего напоминают развороченное птичье гнездо. Это прямо целое море белеющих завитков. Причесывать их бесполезно: они снова принимают первоначальное положение.

Все лицо его испещрено морщинами. Они растекаются по лбу, покрывают щеки, заполняя своими ломаными штрихами каждый кусочек кожи. Эти сотни живых бороздок молчаливо рассказывают о прожитых днях жизни — бурных, счастливых, горьких или просто бессмысленных. Они могут напомнить о неудаче в той знаменитой партии в бабки, когда за два часа он потерял все, что было заработано долгими и трудными месяцами. О переполнившей сердце гордости в минуту, когда узнал, что родился сын. О вечере, когда, обуздывая хозяйского молодого красавца-жеребца, покалечил себе ногу. Или просто о бесчисленных восходах солнца, которые он встречал обычно уже на ногах, готовый снова и снова идти со стадом в поисках сочных пастбищ. И еще о многом и многом другом.

Старик задумался. Сын опять ушел; замолкли во дворе куры и свиньи, успокоились уставшие за день собаки. Иногда и Секундино клюет носом, но тут же просыпается. В голову приходит одна и та же мысль, она назойливо возвращается, мучая его уже не первую ночь. Днем он бывает слишком занят, чтобы держать ее в голове, но сейчас, среди ночи и молчания, чувствует, что она настойчиво подстерегает его, она постоянно с ним... «Странные настали времена», — думается одинокому старику. Но еще более странны теперь люди. Каждый требует к себе уважения, вплоть до самого бедного батрака. Все говорят о каких-то «своих правах». Господа, конечно, продолжают командовать, но это уже не то, что было раньше. Их слушаются по привычке и, уж конечно, лишь потому, что у них есть деньги, и не по чему-либо другому. Но у них уже не просят совета, как это делалось, например, раньше, в другие времена, когда хозяина считали «отцом всех». Теперь и в частную жизнь им не дают вмешиваться. «Сколько платишь?», «Сколько часов работы?» — так теперь все делается.

— Полюбуйтесь на эти времена, — озабоченно шепчет старик.

Он вспоминает случай с одним батраком, который был у его хозяина, дона Саласара. Тот пришел к дону Саласару еще совсем мальчонкой, и его приставили к хозяину заваривать матэ [1], да так больше ни к чему и не приучали. Зато весь день он готовил матэ и доставлял его свежим своему хозяину, где бы тот ни находился: на кукурузные поля, в кораль и иные места, иногда за много верст от кухни. Дон Саласар пил матэ беспрестанно, с рассвета и до темноты. И батрачок (как же его звали?) все время предлагал «горяченького» патрону. И так до двадцати лет. Достигнув этого возраста, он все еще не умел делать ничего другого, кроме как заваривать матэ. Он не умел набросить с ходу ласо на бегущего быка, проскакать на неоседланной лошади. Он не был способен ни к чему, кроме как заваривать и подносить хозяину матэ. Но патрон был милостив к нему. За все долгие годы его стараний он подарил ему несколько лошадей, несколько коров, отдал небольшое ранчо и, кажется, даже... да, в самом деле, даже нашел ему жену. Да-да, полная такая, смуглая, раскосая, которая раньше служила на хозяйской кухне и с которой патрон жил некоторое время, как делал это со всеми работавшими у него женщинами...

Так было раньше. Сразу же, мысленно перескакивая, старик спрашивает себя: сейчас лучше или хуже? И тотчас слышит голос своего сына, который много раз уже объяснял это отцу таким тоном, как если бы обращался к маленькому ребенку:

— Да, папа, раньше жилось плохо. Трудящихся эксплуатировали, а они и представления не имели, что из них сосут кровь. Сейчас их тоже эксплуатируют, но уже невозможно держать их в неведении. Сейчас они организуются, борются, понимаешь, папа?

Столько раз старик слышал, как сын высказывался в этом роде. Он даже помнит целые фразы наизусть. Однако некоторые из них он не понимает полностью.

— Уже не так легко держать их в неведении...

Вдруг он вспоминает своего друга Рохаса, который целых семнадцать лет работал у старого Саласара. Однажды хозяин предложил ему отогнать стадо до Вера, что в штате Санта-Фэ. За два песо в день. Конечно, Рохасу это не подходило. Два песо в день! Это просто насмешка над бывалым скотоводом. Но когда он захотел объясниться с хозяином, тот не захотел даже слушать. Его выгнали, как собаку. И это после семнадцати лет безотказной и нелегкой работы.

И вспоминаются все несправедливости, какие творились вокруг; страдали от них и другие люди и он сам.

— Раньше люди не сознавали...— говорит ему голос Фелипэ, сына.

Слушает он этот голос и спрашивает самого себя:

— А разве можно что-нибудь поделать, может, так оно и будет продолжаться?

А он сам разве не работал без устали всю свою долгую жизнь? И все для чего? Единственно, что у него есть, в конце концов,— этот клочок земли, который ему дали без всякой гарантии на будущее, клочок, где он живет, не зная, будет ли он принадлежать ему завтра, испытывая вечный страх за кукурузу, уродится ли она, а если да, то будет ли иметь цену. В его 73 года за душой у него нет ни гроша. А ведь он проработал немало и испытал многое в своей тяжелой жизни. С тринадцати лет скитался по свету. Трудовую жизнь начал батраком на побегушках, потом был дровосеком, проводником стада, потом приручал дикий скот... и вообще, кто может пересчитать, что еще он делал. Старик потрепан жизнью больше, чем древние болеадорас [2], которые он хранит среди старого хлама. И весь этот огромный труд для чего? Нашлись ловкачи поумнее и посильнее его. Его попросту раздавили, и к концу жизни он нищ, его руки пусты. Фелипэ предпочитает бороться.

Не безумие ли это? «Впрочем,— тут же говорит себе старый труженик, с уважением отдавая должное уму, энергии, настойчивости сына, — если уж Фелипэ взялся за что, то будет так, как он хочет, а не иначе. Да, не иначе».

А парень опять задерживается! Сегодня он, едва кончив пахать, распряг лошадей, отхлебнул матэ и ушел в село. Секундино не спрашивал сына, куда тот идет. Фелипэ раздражали такие вопросы. И скорее всего он ответил бы, как всегда: «Да, знаешь, у нас сегодня собрание...»

Старик думает, что туда, наверное, придут и

[1] Матэ — национальный напиток некоторых стран Латинской Америки, горьковат на вкус. Приготовляется из одноименной травы, напоминающей чай.

[2] Болеадорас — метательное оружие южноамериканских индейцев. Это длинная веревка, расходящаяся на одном из концов на три части, к каждой из которой прикреплен тяжелый круглый камень.

другие пеоны[1]. Они будут что-то обсуждать. И уж, конечно, Фелипэ обязательно выложит там свои рассуждения, которые имеет обыкновение повторять при каждом удобном случае отцу. «Ну для чего он лезет в эту кашу? Ведь с ним может случиться что-нибудь. И для чего суется?» — снова и снова повторяет про себя старик...

Уже поздно. Должно быть, больше одиннадцати. Надо бы прилечь, отдохнуть, припасти сил для завтрашних дел. Но старый Секундино все сидит, перебирая свои сокровенные думы, снова бродит среди своих сомнений, впадая временами в дремоту, просыпаясь, вновь и вновь переживая минувшее и настоящее.

Его сильные, узловатые руки бывшего дровосека скрещены на груди. Он сидит, съежившись, на стуле, и эта поза наводит на мысль о его заброшенности и одиночестве. Он кажется сейчас большим состарившимся ребенком, который стоит на пороге, отделяющем живое от смерти, но все еще боится, что жизнь вдруг может потребовать от него чего-то необычного, трудно исполнимого, раньше чем земля примет его в свое всепоглощающее чрево. Он хотел бы забыть самого себя, свою полную невзгод судьбу. Он сидит, как поникший гигант, который разрушил бы еще горы, засеял бы тысячи гектаров земли, укротил бы стаи разбушевавшихся хищников. И этот гигант согбен и безмолвен, он дремлет с наивной, детской надеждой, что несчастья пройдут стороной и не тронут его. Гигант в образе наивного, уставшего от жизни ребенка.

И вдруг дон Секундино увидел своего сына. Это Фелипэ идет, спотыкаясь, там, по дороге. Связанного по рукам, его конвоируют двое верховых полицейских. Они то и дело дергают его, направляя вперед рывками веревки. Вот они уже входят в полицейский участок. Его окружили какие-то типы со свирепыми лицами, они засучивают рукава, в их руках поблескивает оружие. Вот кто-то ударил Фелипэ, издевательски улыбаясь. Юноша срывается со стула и падает тяжело, как мешок кукурузы. Старик не может больше этого выносить. В отчаянии он хочет броситься к сыну. Ему не впервые прокладывать себе дорогу кулаками. Сейчас эти собачьи дети узнают, что значит разгневанный креол, когда он борется!

Он делает усилие и... просыпается.

Секундино вскочил на ноги и задохнулся. Под расстегнутой рубашкой износившееся сердце стучало, ребра ходили так, что колыхался грубый холст полураспахнутой рубашки. «У, выродки!» — продолжал он, но уже без прежней страсти. Старик понял, что спал, но не мог до конца определить, когда кончился сон и что было явью. «Не предупреждение ли это судьбы? — размышлял старик.— Или это плод моего разбушевавшегося воображения?» Печаль и сомнения снова набросились на него. Но только он захотел снова присесть, разбитый, взвинченный, усталый, как знакомый стук копыт по глинистой дороге заставил его снова выпрямиться.

Собаки, тоже услышав шум двуколки, залились отчаянным лаем, обращаясь почему-то к мерцающим далеко в небе звездам.

Старик вышел во двор, свет уже пробивающейся зари позволил ему разглядеть в двухстах метрах возок и того, кто правил им. Дома будильник показывал без четверти пять.

Дон Секундино, тяжело вздыхая, быстро идет в кухню, и, когда сын, управившись с лошадью и поставив под навес возок, входит в дом походкой усталого человека, старик встречает его с дымящимся матэ в руках.

Обращаясь к сыну, он старается говорить как можно более приветливо и мягко:

— Что, опять задержался немного? Ты же совсем не отдохнул... Как будешь работать целый день?..

И хотя это против желания старика, но слова его прозвучали, как замаскированный вопрос: «Чего это ты пропадал столько времени?» А для чего спрашивать, если он уже заранее знал, что услышит то, что говорит ему сейчас Фелипэ устало:

— Да, знаешь, папа... У нас ведь было собрание...

Перевела с испанского Г. ФОМИНА.

[1] Пеон — сельскохозяйственный рабочий.

6 апреля — 10 лет Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндской республикой.

Крепнет советско-финская дружба

М. ОШУРКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Февраль и март этого года нам довелось провести в Финляндии. И хотя основной нашей задачей были съемки кинофильма о первенстве мира по конькам и по лыжам, нам, естественно, приходилось встречаться не только со спортсменами.

Одной из первых была встреча с председателем Общества «Финляндия — Советский Союз» — депутатом сейма г-жой Кильпи. Г-жа Кильпи любезно согласилась дать нам интервью и приняла нас у себя дома.

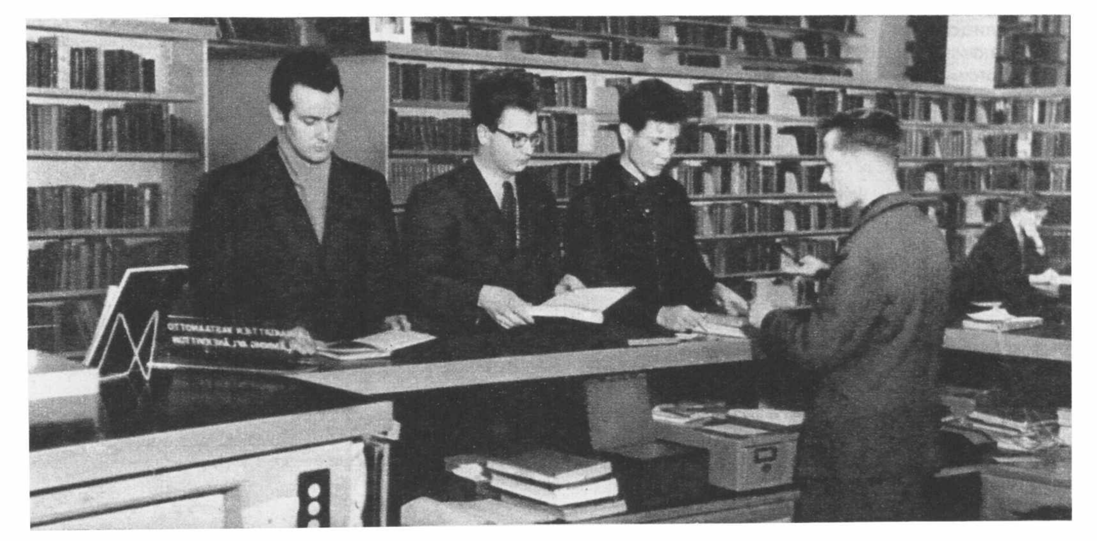
...С первого взгляда кажется, что вы попали в библиотеку: кругом книги и книги, все заполнено ими. Много книг о Советском Союзе. Одна из полок отведена книгам В. И. Ленина.

Г-жа Кильпи рассказывает, что она вот уже 25 лет является депутатом парламента, так же как и ее муж. Это единственная супружеская пара в парламенте. Четыре года назад г-жа Кильпи написала книгу «История женщин-работниц Финляндии». Продолжительное время она собирала и изучала материалы о В. И. Ленине. А сейчас закончила книгу «Ленин и финны».

— Как известно,— говорит г-жа Кильпи,— Советское правительство, возглавляемое Лениным, первым признало самостоятельность Финляндии. И хотя за истекшие 40 лет отношения между нашей страной и Советским Союзом претерпели много изменений, в последние годы они постоянно улучшаются. Все же и теперь есть еще реакционные силы в Финляндии, которые мешают развитию добрососедских отношений. Мы должны всячески расширять связи между нашими странами. Мы должны сделать Балтийское море зоной мира.

Так закончила свое интервью г-жа Кильпи.

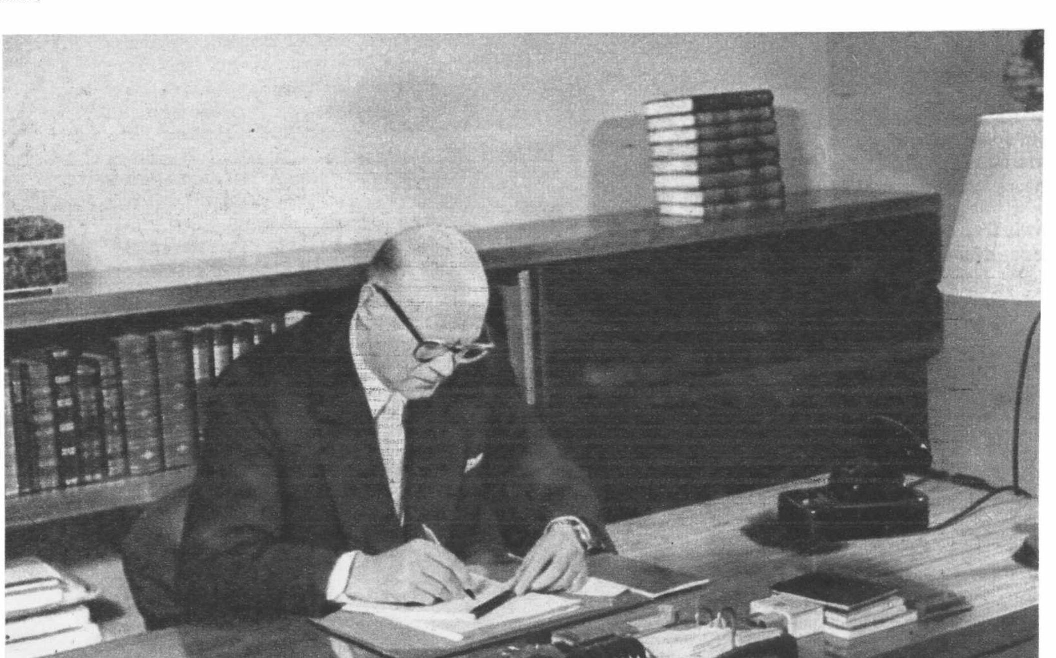

При Хельсинкском университете существует большая библиотека. Она одна из крупнейших в мире по количеству книг о славянских странах. В течение года библиотека обслуживает свыше шестидесяти тысяч читателей. Она получает много книг от различных организаций из Советского Союза. Студенты, изучающие русский язык, широко пользуются книгами и журналами своей библиотеки.

В канун отъезда из Финляндии нас принял Президент Республики Урхо Кекконен. Мы записали на магнитофон слова Президента, обращенные к советским людям:

«Я с удовольствием пользуюсь случаем, чтобы передать гражданам Советского Союза горячий привет, к которому, я в этом уверен, присоединяется весь народ Финляндии. Я искренне надеюсь, что обоюдная дружба, господствующая между нашими народами на основе взаимного доверия, укрепится еще больше и что сотрудничество между нашими народами станет еще теснее и сердечнее».

Плавучий небоскреб

Новые корабли-китобойцы у причалов завода.

С. МОРОЗОВ

Фото М. САВИНА.

На лифте, к палубе

— Итак, отправимся в плавание,— шутит главный строитель корабля Михаил Дмитриевич Максименко, открывая дверь лифта, вмонтированного в стапельные леса.

Лифтер нажимает кнопку восьмого этажа — и мы стремительно поднимаемся к палубе.

— Всего тридцать три секунды,— смотрит на часы Максименко.— Представляете, сколько времени и сил экономит рабочим наш внутрицеховой транспорт?!

Да, строителям время дорого. Всего полтора года назад ленинградские конструкторы рассказывали на страницах «Огонька» о проекте новой китобойной базы для Антарктики. И вот корпус корабля перед нами — не в чертежах, а в металле,— на стапелях Николаевского завода имени Носенко. Всюду, куда ни глянь, на широкой, как столичный проспект, палубе трудятся люди. Рубят сталь, кроят, сшивают. Тысячами сварных швов скреплен корпус, собранный из множества секций, заранее изготовленных в цехах. Так примерно монтируют многоэтажные здания из крупных железобетонных блоков. И если допустимо сравнивать корабли с домами, то мы сейчас поднялись на будущий плавучий небоскреб.

Грандиозные размеры судна особенно наглядны еще и потому, что пока, находясь на суше, весь корпус доступен обзору, точнее, почти весь — от днища до первых надстроек. Минуту назад, подходя к стапелям, над которыми высится оранжевая громадина, загрунтованная защитным слоем сурика, я чувствовал себя Гулливером в стране великанов. На высоте ощущения иные. Все, что внизу: заводские цехи, движущиеся меж ними автомашины, фигуры людей, рельсы подкрановых путей,— выглядит сверху точно нарисованным. И даже сами краны кажутся не такими уж громоздкими — мы теперь почти «одного роста» с ними. Пожалуй, их можно похлопать по стальным плечам...

Отсюда как на ладони и вся стройка: кипучий человеческий муравейник, и заводские причалы, и широкий Буг. Ветер солоноватой горечью щекочет ноздри, студеной свежестью обжигает лицо. Верится, будто где-то совсем рядышком, вон там, за поворотом реки, откроется сейчас и синева Черного моря и штормовая пустыня океана, всхолмленная айсбергами, вспененная фонтанами китов. Впрочем, Антарктика и в самом деле не так уж далека сегодня от нашей Родины, сегодня, когда советские люди, проложив путь в космос, дали человечеству новые меры пространства.

...Добыча южных китов входит в производственную программу Одесского совнархоза. Уже двенадцатый год подряд флотилия «Слава» плавает в края айсбергов и пингвинов, плавает так же запросто, как наши траулеры из Мурманска — в Северную Атлантику за селедкой, из Калининграда — к островам Зеленого Мыса за сардинами. Совсем по-домашнему выглядит нынче география морских промыслов, недавно еще казавшаяся экзотической.

Начиная промысел в Антарктике, наши китобои учились у норвежских гарпунеров — исконных мастеров. И вот в мирном трудовом соревновании они не только догнали, но и нередко опережают зарубежных коллег. Приемами

охоты, темпами добычи, качеством переработки китов моряки «Славы» завоевали прочный авторитет среди норвежцев и англичан, голландцев и японцев — среди всех, кто под разными флагами плавает в морях Крайнего Юга.

Из «морской целины» южная полярная область превратилась в важнейший, все более осваиваемый район советской китобойной индустрии. Развитие этой индустрии так же закономерно, как сооружение новых заводов, как расширение посевных площадей на родной земле. Новая китобойная база «Советская Украина» строится в Николаеве согласно директивам XX съезда партии. Водоизмещение ее составит около 44 тысяч тонн. Таких гигантов нет и не было на нашем флоте!

— Мы, строители, мореходы сухопутные, — говорит Максименко, приглашая совершить пеший вояж по этажам будущего плавучего комбината.

Взбираясь по временным дощатым трапам, шагая через протянутые шланги и кабели, идем вслед за Михаилом Дмитриевичем по всему кораблю, от кормы к носу.

На палубе строящейся китобазы «Советская Украина».

Вот мы на высоко поднятой кормовой площадке. Отсюда на разведку китов будет стартовать вертолет. Рядом с площадкой, в кожухе дымовой трубы, расположится закрытый ангар. Этажом ниже — переборки строящихся кают, — пока еще голая степь, не тронутая ни краской, ни обшивкой. По соседству с ними колодец, зияющий бездонной глубиной.

— Там, внизу, будет машинное отделение, — поясняет главный строитель. — Механикам и мотористам — на вахту или с вахты — «домой» пешком далеко. На лифте поедут.

Спускаемся на корабельный слип — наклонную площадку, круто уходящую вниз через квадратный проем в корме. Пожалуй, и паровоз и вагоны без труда пройдут в такое отверстие. Стоящий внизу у причала дизель-электроход «Рионгэс», построенный недавно на этом же заводе, выглядит отсюда совсем небольшим суденышком.

Слип — он же китоприемник — служит для плавучего комбината как бы воротами. Сюда, к корме флагмана флотилии, корабли-китобойцы будут доставлять добычу: прибуксировывать туши убитых китов. Подхваченные тросами лебедок, туши волоком въедут на палубу — в самый первый, разделочный цех. Паровые пилы распилят кита на части, освежуют.

Лебедки и пилы пока еще не установлены. Но близ бортов уже видны горловины. Через них будут загружаться котлы жироваренного завода. Там, под верхней палубой, и впрямь просторно, как в настоящем заводском корпусе. Эхо гулко прокатывается меж стальных стен.

— Погодите, скоро станет тесно, — Максименко развертывает чертеж, — от котлов, вакуумных аппаратов, валковых прессов, супердеконтаторов...

Погасив короткую усмешку, Михаил Дмитриевич продолжает:

— Производство у нас не простое. Известно ли вам, что в четырехстах килограммах печени кашалота столько же витамина «А», сколько в ста тоннах сливочного масла или в пяти миллионах куриных яиц? Этакая «овчинка» стоит выделки! Богаты киты всяким добром. Наша задача — ни грамма не выбросить за борт!

И действительно, на будущем плавучем комбинате ни один грамм многотонной китовой туши не пропадет даром.

В ассортименте товаров, вырабатываемых из китового сырья, — и обувная кожа из покровного сала, и щетки из китового уса, и шахматы из зубов, и теннисные ракетки из сухожилий, и мыло из спермацета. Добавим еще технический жир, маргарин, желатин, сухой пищевой белок, глицерин, стеарин, амбру для духов, краски для грима, инсулин, йодистый препарат из щитовидной железы...

Поистине, как в сказке: «Чудоюдо рыба-кит»...

Мы еще долго лазим вверхвниз по объемистым, как бассейны, цистернам, по складам. Тут пройдет линия транспортеров, там будут паковаться ящики с мясом. Рефрижератор — фабрика искусственного холода — убережет продукты от порчи в долгие месяцы плавания. Хоть в морях Антарктики и без того не жарко, но путь домой лежит через тропики.

Новая китобаза «Советская

Главный строитель китобазы инженер М. Д. Максименко.

Украина» превзойдет известную всем «Славу» не только размерами производства, но и технологией, позволяющей использовать китов, что называется, «на все сто».

Строительное мастерство

— От всего нашего коллектива хочу низко поклониться донецким сталеварам, — говорит Михаил Дмитриевич Максименко. — Превосходную сталь выпускают для нас, новый сорт! Все, что вы видите здесь, все эти шестьсот с лишним секций, сделано из этого металла — прочного, гибкого и, что особенно важно, относительно легкого по весу. Корпус «Советской Украины» будет весить на 2 тысячи тонн меньше, чем подобные суда, построенные за границей.

Секционная сборка — вообще дело привычное. Но такие огромные секции, какие нужны китобазе, впервые делают в Николаеве.

Вот одна из секций. Перевернутая «вверх ногами» лежит рядом со стапелем стальная коробка, поделенная внутри переборками. Самый большой, средний отсек предназначен для кинозала на 150 мест. Вокруг расположатся библиотека, читальня, канцелярия, бухгалтерия, жилье. Восьмидесятитонная махина должна войти в носовую надстройку корабля. Смотришь — и как-то не верится: неужто найдется силища, чтобы поднять ее на этакую высоту?

Найдется! Два дня ждали сборщики, пока стихнет порывистый ветер с моря. И дождались. Склоняются вниз громоздкие стрелы кранов. Такелажники стальными тросами застропливают секцию. Стрелы медленно поднимаются. Краны осторожно катят по рельсам все ближе и ближе к стапелю. Всем командует такелажный мастер Фирс Иванович Ковалев. Точно дирижер, стоит он внизу, и за каждым жестом выразительно поднятых рук его, за каждым движением пальцев, за напряженной мимикой лица зорко следят сверху и крановщики из своих кабин и такелажники на палубе. На редкость слаженный ансамбль!

Ловко, легко поворачивают крановщики в воздухе свою богатырскую ношу. Мастерское сальто! Секция перекантована, «встала на ноги». Стрелы кранов поплыли к палубе, и вот в какое-то мгновение огромная стальная коробка опустилась, стала неотъемлемой частью корабля, выросшего вдруг на целый этаж.

Завтра — послезавтра такие новые этажи появятся и в средней и в кормовой надстройках. Когда придет время спускать корабль на

воду, общая высота его будет равна 32 метрам. При таком «росте» и в океане, среди айсбергов, он будет достаточно приметен.

От стапелей до океана теперь уж не так далеко. С каждым днем стройки путь этот становится все короче. Ждут своей очереди к подъему лежащие пока на земле полые колонны будущих мачт, — внутри их будут двигаться лифты, расположатся вентиляционные системы. В механическом цехе обработаны гребные валы, откованные по заказу судостроителей на Краматорском заводе.

Обрастая надстройками снаружи, корпус «начиняется» и внутри: 200 километров трубопроводов, 150 километров кабеля — шутка ли!

Дизели, турбины, генераторы, котлы, машины, агрегаты для плавучего комбината строятся на сотнях заводов. Но далеко не все поставщики так же исполнительны, как донецкие металлурги и краматорские машиностроители.

— Завод в Уральске давно уж должен был отгрузить нам иллюминаторы, — рассказывает Максименко, извлекая из ящика стола пухлую пачку писем, — а пока отделывается обещаниями. В Жданове, на заводе Ильича, задерживают поковку промежуточных валов, в Таганроге, на «Красном котельщике», который уж месяц маринуют коллекторы котлов. Вот и воюем... Спасибо, моряки помогают.

Главный строитель показывает радиограмму со «Славы», отправленную сразу по нескольким адресам. И для Ростовского совнархоза и для таганрогских котельщиков нашлись убедительные доводы у капитан-директора флотилии Героя Социалистического Труда А. Н. Соляника, озабоченного постройкой новой китобазы.

Корабли-братья

Не первый год дружат с моряками николаевские судостроители.

В тесной заводской гавани стоят рядком новенькие суда-китобойцы. На свежеокрашенных бортах яркие надписи: «Безупречный», «Беспокойный», «Беспощадный». Миниатюрными, игрушечными кажутся они в сравнении со своей маткой — флагманом флотилии.

— Мал золотник, да дорог, — любуется кораблями капитан Александр Сергеевич Виноградов. Сдвинув со лба фуражку с позеленевшим от морской соли золотым шитьем, он задумчиво щурится на зеркальную гладь Ингула, такую теплую под щедрым мартовским солнцем, и продолжает: — Старшие из этой братвы нынешним летом крещение приняли. Штормовые выдались и декабрь и январь. Крепко трепануло и старушку «Славу» и новичков. Ну, да шторм хорошему кораблю не помеха...

Видно по всему, что капитан Виноградов, занятый приемкой от строителей новых судов, всей душой, всеми своими помыслами сейчас там, в Южном полушарии. Он и счет календарю ведет, как в Антарктике: в январе — разгар лета, в марте — начало осени. Что поделаешь, привычка...

Капитанам, морякам, из которых формируются команды, хватает забот на берегу. Рядом с испытанными, готовыми к плаванию китобойцами у заводских причалов стоят другие суда, еще не достроенные, но уже спущенные на воду. Слесари, маляры, плотники, столяры хозяйничают в полупустых пока каютах, в тесных отсеках машинных отделений, на палубах. Как заправские матросы, взбираются электромонтеры на самые верхушки мачт, к «вороньим гнездам», откуда в плавании несут дозор марсовые. Корабли одеваются оснасткой, снаряжаются.

— Что, Александр Сергеевич, руки чешутся? — посмеивается слесарь Василий Никитич Бойко, проверяя вместе с Виноградовым гарпунную пушку, готовенькую, смазанную, укрытую чехлом.

— Не говорите! Так бы и стрельнул... Синего кита или, на худой конец, кашалота.

Опустив брезент, Виноградов поглаживает металлические поручни перед орудием.

— И пушки хороши, и эти штуковины к месту.

«Штуковины» — это поручни, простецкие, немудрящие. Но какой надежной опорой служат они гарпунерам во время охоты, когда корабли ныряют в волнах!

— На старых, заграничной постройки китобойцах не было этого, — поясняет Виноградов. — И смывало иногда нашего брата за борт. Тогда уж не до китов. Знай товарища выручай. Вообще, скажу вам, новые суда с прежними и сравнивать нечего.

Здесь, на тихом Ингуле, слушая капитана, представляешь, как охотятся на китов в океане.

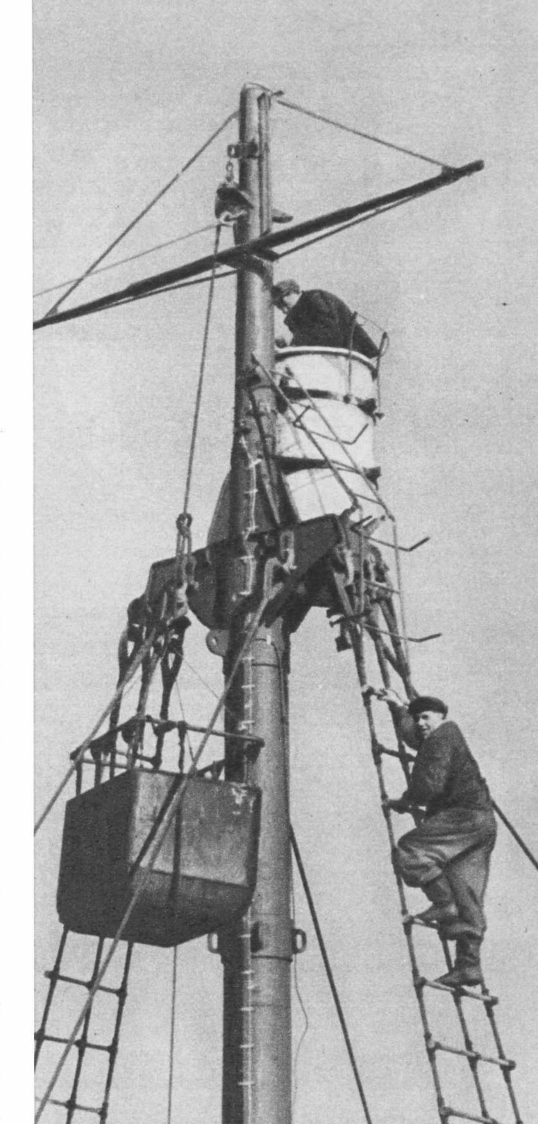
...Пусть на море туман, снегопад. Зоркими корабельными глазами смотрят из ходовой рубки прожектор и радар. Где-то впереди показались фонтаны. Полный вперед! Вахтенный штурман тут же в рубке поворачивает рычаг управления, ускоряя оборот дизелей, увеличивая нагрузку электромотора, заставляя быстрее вращаться гребной винт. Корабль мчится в погоню. Вот гарпунер выстрелил. Кит на лине! На добрую сотню метров выпущен прочный капроновый линь, натянутый, как струна, смертельно раненным, но все еще борющимся морским зверем. Кит ныряет, рвется, неистовствует. Стремительные рывки сотрясают корабль. Но амортизационная система — 120 буферных пружин, — заключенная в носовом трюме, гасит силу ударов.

Быстро вращается вал лебедки, все ближе подтягивая убитого кита. Стрекочет компрессор, тушу накачивают воздухом, чтобы не утонула, крепят вдоль борта швартовыми цепями, и корабль-охотник доставляет добычу к слипу китобазы.

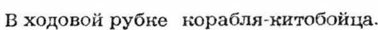
Пожалуй, ни одна из морских профессий не требует такой выносливости, как труд китобоев, и ни одно судно в промысловом флоте не сравнится с кораблем-китобойцем в маневренности, разнообразии оборудования.

По заслугам присужден николаевским судостроителям диплом первой степени на Всесоюзной промышленной выставке за серийное производство дизель-электрических китобойцев.

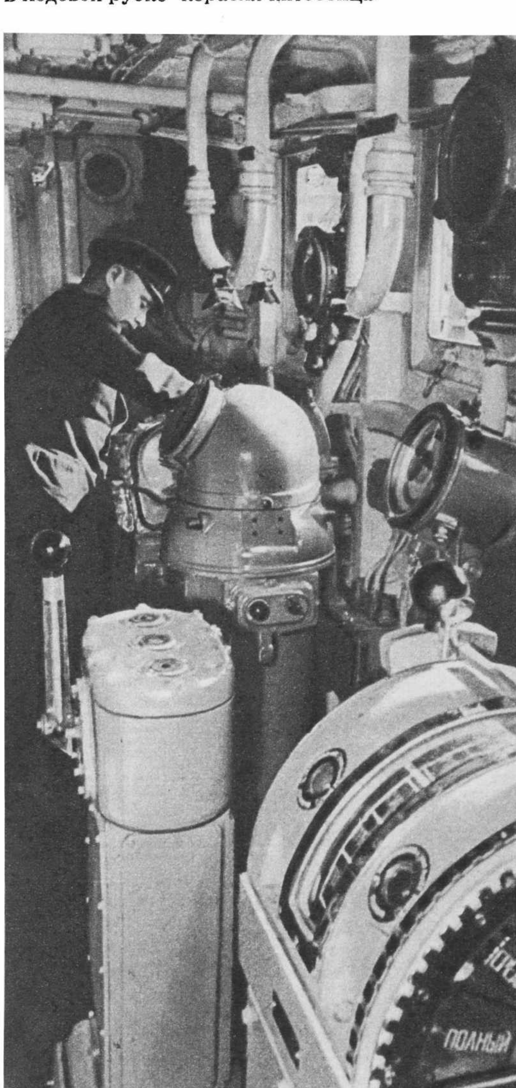
...Уместно вспомнить: тут, при впадении Ингула в Южный Буг, на адмиралтейской верфи когда-то строил парусные корабли Михаил Петрович Лазарев — первооткрыватель Антарктиды. Вот порадовался бы он успехам земляков, мирным победам родного флага в бурных морях южнополярной области!

На самой верхушке мачты, у «вороньего гнезда», заводские электрики монтируют сигнальные огни.

В ходовой рубке корабля-китобойца.

Капитан А. С. Виноградов (слева) и слесарь В. Н. Бойко проверяют гарпунную пушку на новом корабле-китобойце.

01

И. ТУНКЕЛЬ, В. ПОЛЫНИН

Пожары в Москве редки. Но у московских пожарных за сорок лет, с того памятного дня 17 апреля 1918 года, когда Ленин подписал декрет о создании единой советской пожарной охраны, за все эти годы не выдалось, пожалуй, ни одного спокойного дня: город велик, людей миллионы, и нет-нет, а найдется такой, кто бросит незагашенную спичку, не затопчет окурок, забудет выключить электрическую плитку или утюг. И если «загорание» не успевает разрастись в свирепый пожар, то заслуга в том принадлежит бойцу московской пожарной охраны.

Мы захотели увидеть этого бойца в бою и пришли на Центральный пункт пожарной связи. Сюда поступает тот самый сигнал бедствия, который подает москвич, набирая на диске телефонного аппарата номер «01».

— Вряд ли мы вам поможем,— сказал нам дежурный диспетчер.— Предугадать, где случится пожар, разумеется, нельзя. А пока вы будете добираться до места, с которого поступит сигнал, районная команда успеет справиться с огнем.

Так оно и было: мы дежурили на диспетчерском пункте, но всегда поспевали лишь к концу пожара. Бушующего пламени нам так и не удалось застать. Однако и увиденного было достаточно, чтобы судить о смелости, мужестве и доблести московского пожарного.

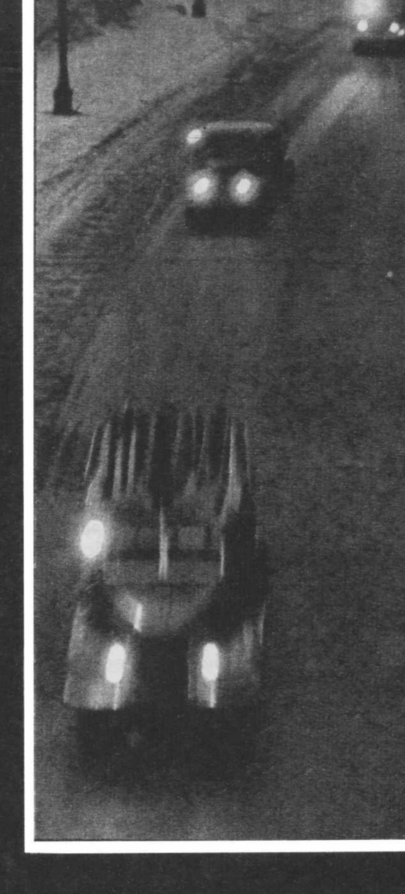

Тому, кто набрал «01», диспетчер ответил:

— Высылаю пожарную команду!

Одновременно вверху на табло вспыхнула строчка. Это засветились номера машин, готовых к битве с огнем.

→

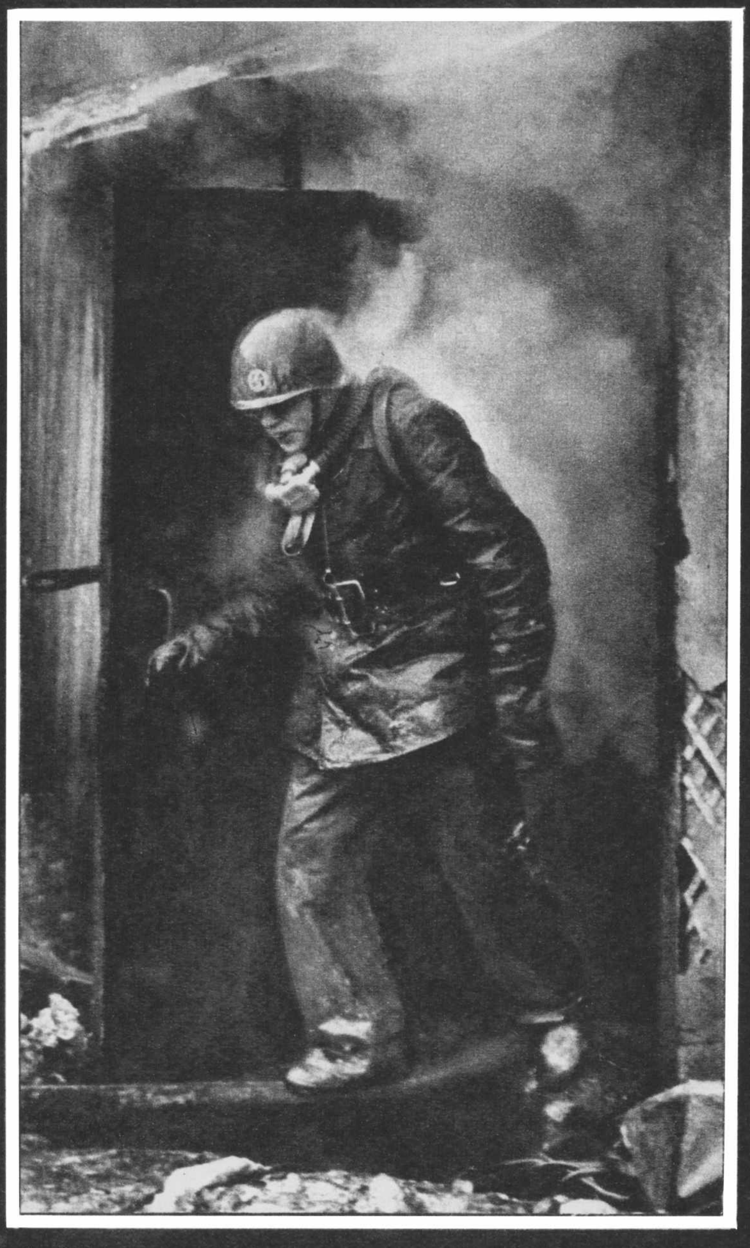
Машины мчатся кратчайшим путем. Сирена воет: «Пожар!».

Горит цех фармацевтической фабрики на Домниковской улице.

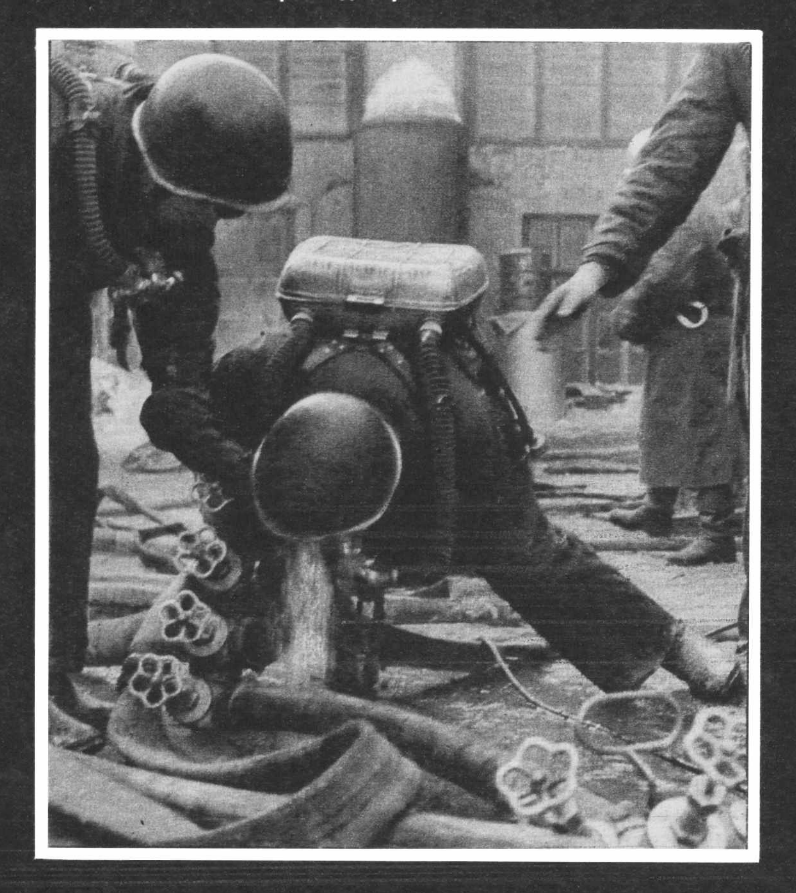

Вода сильнее огня. Это доказали ствольщик Ахмет Сабитов и начальник караула Алексей Титов.

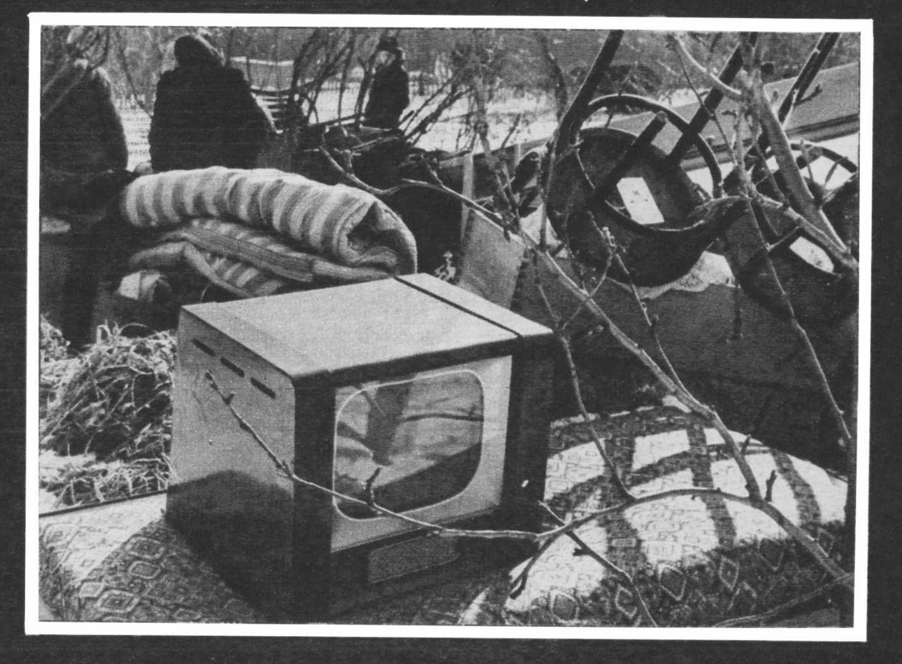
Разведчик Михаил Холоденко отличился и на этот раз.

Теперь вода нужна только им.

Эти люди всегда осторожны: они знают, что, как и сапер, пожарный ошибается лишь один раз в жизни.

Соседи напрасно беспокоились. С пожаром покончено.

Вместо мемуаров

Борис **ЛИВАНОВ**,

народный артист СССР

О Художественном театре, его основоположниках и истории, спектаклях и актерах написано немало. Книги, очерки, мемуары... Я не писал мемуаров. Кажется, Уайльд говорил, что память всегда самое главное сохранит, кроме того, у меня с детских лет был верный союзник и помощник — карандаш. Он помог сохранить в памяти во всем многообразии и своеобразии характеры замечательных людей, с которыми мне посчастливилось встретиться, моих учителей, старших товарищей, друзей...

Тридцать пять лет я в Художественном театре. В течение этого времени я почти ежедневно общался с людьми, запечатленными на моих рисунках, близко знал их. Это мне давало большое преимущество перед художниками, которые создавали портреты моих коллег на специальных сеансах. Мои «натурщики» мне «позировали» по многу часов в течение десятков лет, не думая об этом, а иногда и сами того не желая. Я делал зарисовки на репетициях, за кулисами во время спектакля, на совещаниях и беседах, в гостях. Я имел возможность подметить самые интимные черточки характера и так привык все впечатляющее мгновенно заносить на бумагу, что, случалось, даже на сцене фиксировал поразившее меня выражение лица, позу, жест моих партнеров. Эти наброски потом, дома, воплощались в рисунки-портреты, дружеские шаржи, часть которых вы видите на этих страницах.

Мои рисунки — это не желание подшутить, изображая людей в смешном виде. С трепетом брал я всегда карандаш, когда приступал к портретам своих товарищей. Мои рисунки — это то единственное, чем я мог выразить свое удивление перед необычайной одаренностью, талантом, яркой индивидуальностью этих актеров, свой восторг от общения с крупными человеческими характерами, какими были наши учителя, основатели Художественного театра К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко.

Ф. В. Шевченко.

За 35 лет я сделал более двухсот рисунков — огромный альбом «МХАТ без грима» (мои друзья в жизни) и сейчас готовлю второй — «МХАТ в гриме» (они же в ролях).

Здесь печатаются рисунки из первого альбома. Некоторые из них экспонировались на выставке, приуроченной к Всесоюзному съезду художников.

О. Л. Книппер-Чехова.

Я вынимаю из папки картон за картоном; как в калейдоскопе, мелькают лица, а за ними встают эпизоды, события, годы... С чего начать?

Наш театр носит имя великого русского писателя Алексея Максимовича Горького. С истории создания его портрета я и начну.

Это было в 1931 году. Мы показывали наш новый спектакль «Страх» А. Афиногенова. Я играл Хусаина Кимбаева — партийца, аспиранта-выдвиженца. Во втором антракте за кулисами разнеслась весть, что в театре Горький. Ну, о нашем волнении говорить не приходится.

Все мы знали Горького по фотографиям, портретам, скульптурам, много слышали о нем от наших стариков, но знакомы с ним не были. Как принял он спектакль, что понравилось, кто? Эти вопросы остались в тот день без ответа.

Назавтра я узнал, что Горькому спектакль очень понравился и что он спрашивал обо мне. А через несколько дней передали, что Алексей Максимович хочет со мной познакомиться и приглашает к себе на дачу.

Рассказывать о том, как я готовился к этой поездке, что передумал и перечувствовал, не приходится. Пусть читатель представит себя на моем месте.

В назначенный день за мной заехал Алексей Николаевич Толстой, и мы отправились на дачу. Я, конечно, захватил с собой блокнот и карандаши и во время визита, пряча блокнот под столом на коленях, почти не глядя в него, делал наброски.

Тогда была зима, Горький ходил по дому в пимах.

Мы пробыли у него целый день. Алексея Максимовича интересовало все обо всех и обо всем — это было чертой его характера. Горький очень любил людей, они ему были интересны — разные, непохожие. Он обладал необычайным даром увидеть в человеке основное, особенное, индивидуальное, что его делает отличным от других.

Мы говорили о литературе, искусстве, о театре. Алексей Максимович увлекся воспоминаниями, рассказывал о своем знакомстве, а впоследствии и дружбе с основателями МХАТа — Немировичем и Станиславским, о днях создания Художественного театра, о постановке там каждой его пьесы. И хотя любой актер МХАТа знает все это, как в старые годы гимназист знал «отче наш», я слушал Горького так, как будто узнавал обо всем впервые. И не из почтительности. Каждый эпизод в его устах был законченной новеллой с очень яркими и точными характеристиками персонажей, занимательным сюжетом. Тут были и лукавый юмор и назидательность...

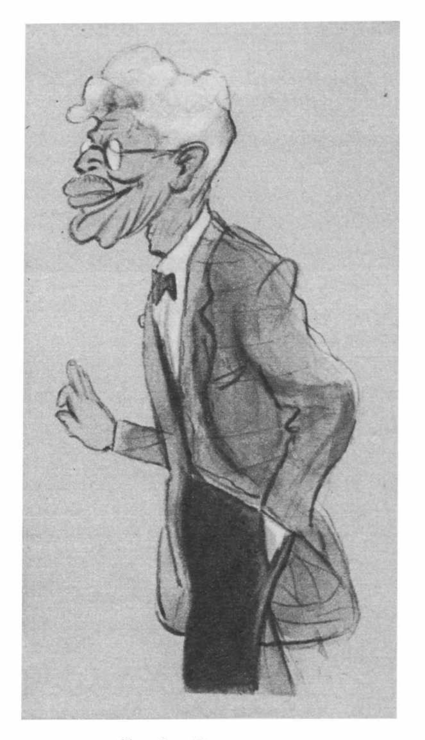
Горький рассказывал с очень серьезным, строгим лицом, несколько конфузясь как будто. С большой любовью он говорил о Константине Сергеевиче и Владимире Ивановиче. Их современник, он так раскрывал их творческий подвиг — создание театра для народа,— что казалось, мы сами присутствуем при этом. Такую радость открытия нового в, казалось бы, хорошо известном можно сравнить только с чувством зрителя, который присутствует на замечательной новой постановке хорошо ему знакомого, любимого с детства классического произведения. Радость постижения глубины, мудрости, красоты...

Я счастлив, что у меня осталась памятка о нашей встрече с Горьким — мой рисунок.

Станиславский был первым человеком в Художественном театре, которого я рискнул нарисовать и впоследствии рисовал неоднократно. Он знал, что я делаю зарисовки своих товарищей, видел некоторые, но его портретов мне как-то не довелось ему показать. И вот однажды, когда Константин Сергеевич отдыхал в санатории, мне передали, что он просил меня приехать к нему с рисунками. Я забрал все, что было, долго выбирал из множества его портретов наиболее точный и наконец захватил тот, что публикуется в «Огоньке». Говорить о том, чем Станиславский был для нас, о его гениальности, величии, духовной и внешней красоте — здесь не нужно. Скажу только, что я с трепетом вез к нему свои рисунки.

Станиславский разглядывал каждый рисунок, затем вдруг начинал хохотать так, что пенсне сваливалось у него с носа. Он долго обшаривал себя в поисках пенсне, которое спокойно висело на шнурке, наконец находил его, надевал, вновь всматривался в рисунок и вновь хохотал.

Надо сказать, что смеялся Константин Сергеевич, как и все, что он делал, от всей души и очень заразительно. Увидев хохочущего до слез Станиславского, подходили другие отдыхающие. Станиславский им показывал мой альбом. Он давал характеристики и рисунков и изображенных лиц.

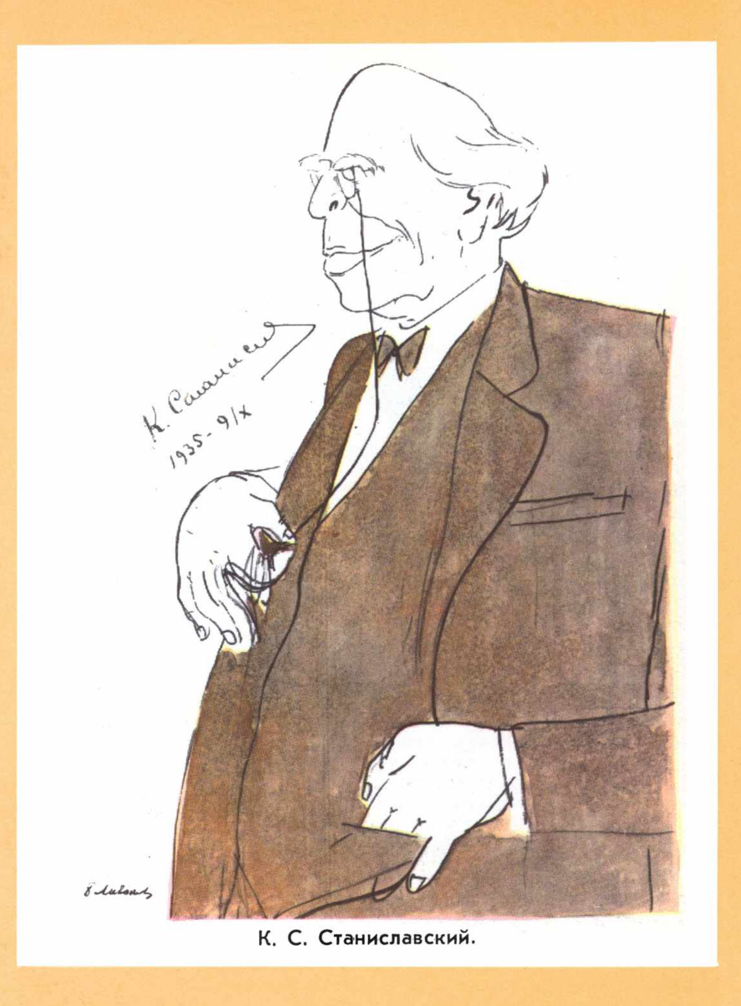
В. О. Топорков.

Просмотрев несколько раз мое собрание, он в заключение сказал: «Очень вам, Борис Николаевич, будет попадать от наших дам,— мужчины, пожалуй, вытерпят. Чтобы обезопасить вас, подписываю свой портрет. Признаю. Согласен».

...Шло одно из заседаний Художественного совета театра, членом которого я был в молодости

УЧИТЕЛИ, ТОВАРИЩИ, ДРУЗЬЯ

Дружеские шаржи
народного артиста СССР **Б. Н. ЛИВАНОВА.**

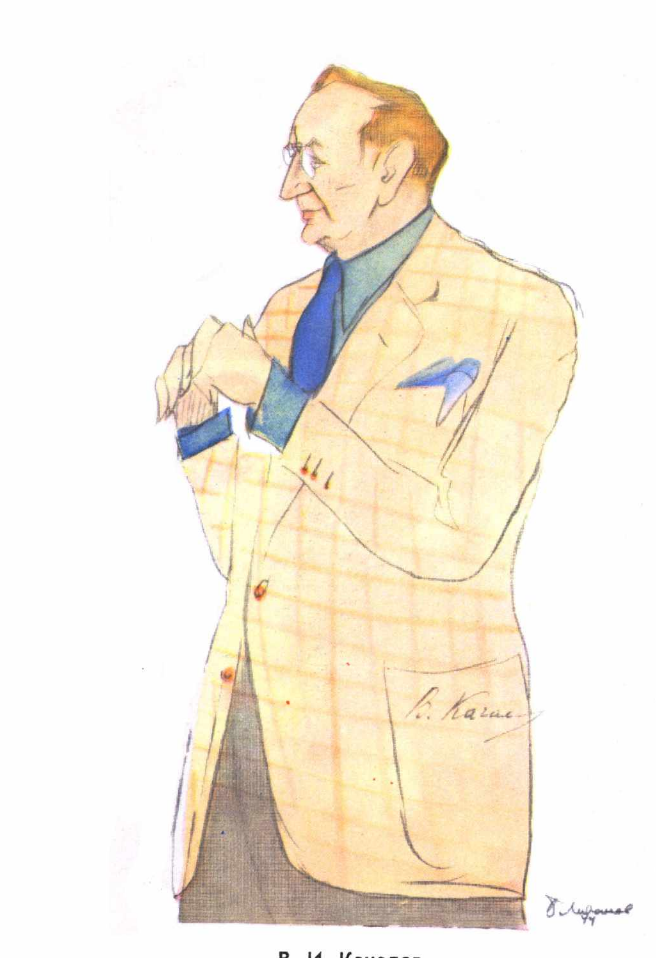

К. С. Станиславский.

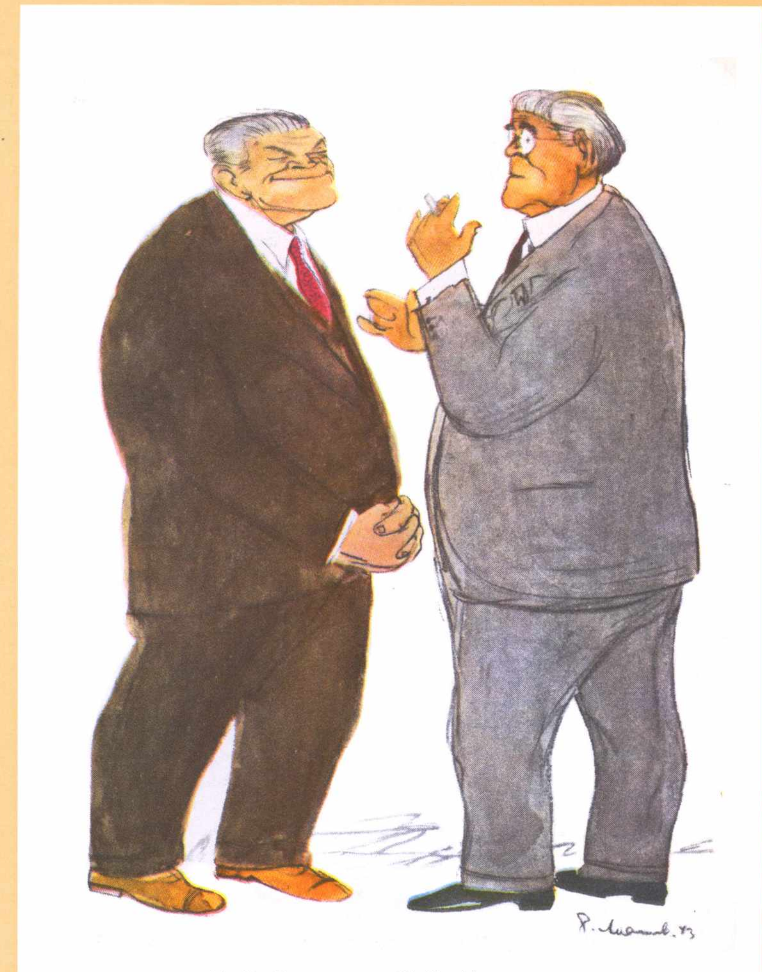
А. М. Горький.

В. И. Немирович-Данченко.

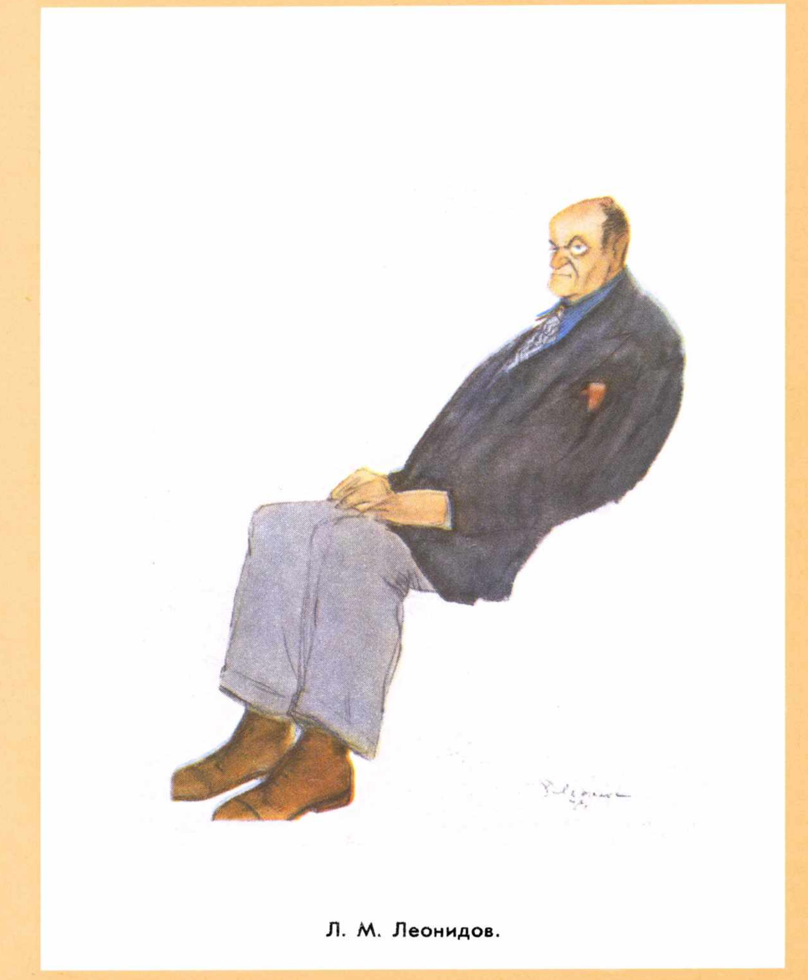
В. И. Качалов.

М. М. Тарханов и И. М. Москвин.

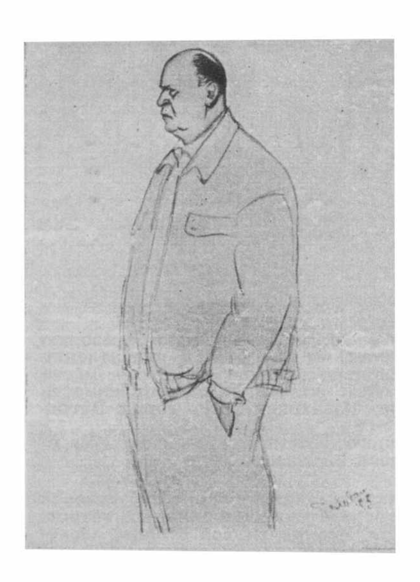

Н. П. Хмелев.

Л. М. Леонидов.

Не помню уже теперь, какой вопрос мы обсуждали, но доклад был очень скучный и очень длинный. Я сидел рядом с Леонидом Мироновичем Леонидовым и, как всегда, рисовал кого-то из присутствующих, старательно делая вид, будто записываю то, что говорит оратор. Докладчик, вероятно, был не очень самокритичен и, вдохновленный моим усердием, никак не мог остановиться. Слушатели изнемогали. Леонидов сказал мне: «Борис! Вам что, это нравится, что вы все так усердно записываете?» Я показал «записи». «Ух! Ух! Ух!» — застонал, смеясь, Леонидов. Все оглянулись.

Автопортрет.

Леонидов, подлинный трагический актер, был и в жизни по облику и характеру довольно мрачным и на первый взгляд казался чуждым всякого юмора. Но так думали только люди, плохо знавшие его. При всей своей строгости Леонидов очень любил и хорошо чувствовал смешное. Как-то Немирович на репетиции, поправляя его, сказал: «Об этом недостатке мы с вами поговорим на том свете». «Нет уж, на том свете вы меня оставьте, пожалуйста, в покое»,— ответил с совершенно серьезным видом Леонидов.

Леонид Миронович всегда интересовался моими рисунками, порой подсказывал сюжеты. Вот и на этом заседании, вдоволь посмеявшись, он попросил меня нарисовать сидевшего тут же Немировича-Данченко. Я начал делать наброски, продолжая маскировку, но Владимир Иванович тотчас заметил мой «камуфляж» и решил, что я именно его рисую все время.

В перерыве Владимир Иванович подошел ко мне и сказал: «Вы меня рисовали все заседание, покажите». Он взял мои листки, сел и сосредоточенно принялся их рассматривать. У него был вид шахматиста, который обдумывает ход, решающий результат турнира. Долго он изучал рисунки, потом с таким же серьезным видом отдал их. Я с замиранием сердца ждал его оценки. Он, ничего не сказав, отошел, сел на прежнее место. Заседание продолжалось.

Я был в ужасе и скорбно размышлял: «Если и есть у меня дар, то вредный». После заседания Немирович сказал Леонидову: «А Ливанов ко мне серьезно относится, с уважением».

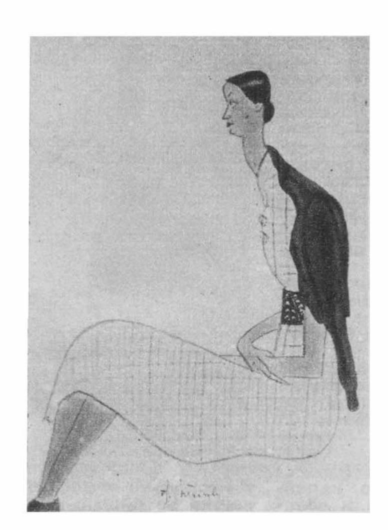
Вдохновителем моего альбома актеров МХАТа я могу с полным основанием считать Василия Ивановича Качалова. Качалов очень любил точные, меткие характеристики, ценил остроумие. Он зорко подмечал смешное в окружающих его людях, с удовольствием принимал участие в шутке, но юмор его всегда был мягкий, теплый, лиричный.

Я его рисовал, пожалуй, больше, чем кого бы то ни было, без страха и сомнения, не боясь навлечь на себя его гнев. Впрочем, рисковал я немногим: самая страшная месть, какую Качалов мог обрушить на мою голову, это... нарисовать меня. Однажды он это проделал. Чтобы не заставлять долго разгадывать, чье это изображение, на рисунке своем Качалов сделал надпись: «Б. Н. Ливанов» — и подписался. При всей моей огромной любви к Качалову и преклонении перед ним, не могу не признаться, что единственная ценность этого портрета в собственноручном автографе Качалова.

...Как-то муж одной нашей актрисы, очень милый и обаятельный человек, с которым я был в самых лучших отношениях, прослышав, что я нарисовал портрет его жены, еще не видя рисунка, заявил, что это пасквиль и в прежнее время он бы меня вызвал на дуэль. О нашей ссоре узнал Качалов, предложил составить специальное жюри и выразил желание быть председателем. В буфете театра при большом стечении не вошедших в жюри актеров шла «экспертиза». Актриса, изображенная в цветном русском платке, была очень хороша на портрете. Все внимательно изучали злосчастный рисунок, потом во главе с Качаловым отправились в фойе, где висела фотография актрисы в жизни. Долго сравнивали, смотрели, наконец Качалов разочарованно, с укоризной в мой адрес произнес: «Не понимаю, как они могли обидеться. Это же комплиментарный портрет».

Качалов был одним из немногих рецензентов Ливанова-художника. Когда я оформлял спектакль «Время, вперед!» он написал о моих декорациях рецензию в газете «Советское искусство».

Я часто бывал у него дома. Както позвонил мне Василий Иванович по телефону, попросил зайти к нему, как только у меня выберется свободный часок. Он жил неподалеку, в Брюсовском переулке, и я вскоре был у него.

А. О. Степанова.

Открыл дверь сам хозяин дома и провел к себе в кабинет. Над диваном на синей стене сразу бросалась в глаза большая пустая рама из золотого багета. Указывая на раму, Василий Иванович сказал мне, что сюда очень хорошо поместить портрет Станиславского моей работы. Он подал мне баночку с тушью, бумагу, карандаш и кисть, и я не ушел, пока желание хозяина не было выполнено.

М. М. Яншин.

В последний год жизни, вернувшись из больницы, Качалов позвонил мне и попросил прислать мои рисунки...

Редко так бывает: родные братья — великие артисты. Глядя на Ивана Михайловича Москвина и Михаила Михайловича Тарханова, я всегда удивлялся, как могла природа одну семью одарить двумя такими большими артистическими талантами.

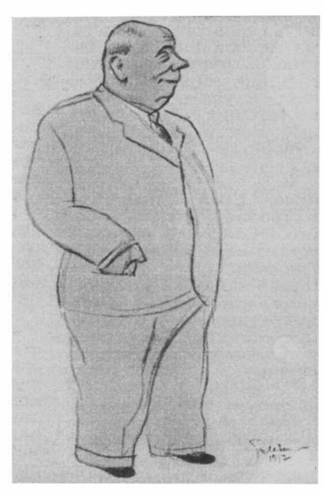
Подлинным праздником театра были спектакли, в которых братья встречались на сцене. Когда шел спектакль «Горячее сердце» с Москвиным-Хлыновым и Тархановым-Градобоевым, между ними всегда было соревнование, не знавшее поражений...

Я рад, что бывал партнером по спектаклям замечательного актера Николая Павловича Хмелева. В первой постановке «Кремлевских курантов» Н. Погодина он играл инженера Забелина, а я матроса Рыбакова. Во втором акте у нас была очень важная для обоих сцена. Когда, отыграв ее, мы уходили за кулисы, Хмелев неизменно спрашивал у меня: «Ну, как я играл?». Играл он Забелина блистательно, и не мог этого не знать, но спрашивал не из кокетства... Тем не менее я всегда ему отвечал: «Я хорошо, а ты плохо». Он понимал, что это шутка, но на следующем спектакле вновь спрашивал, а я опять отвечал то же.

Нечего и говорить, что на самом деле Хмелев великолепно играл эту сцену, как и всю роль. Он всегда был и останется для меня примером большого художника, остро чувствующего свою эпоху.

...К нашему счастью, список труппы МХАТа и сейчас украшает Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Встречи с ней, ее ум, жизнерадостный характер, глубокое понимание смысла деятельности нашего театра приносят нам всем всегда много радости, заставляют быть требовательнее к себе и к тому, что мы делаем в театре. Когда Книппер-Чехова захотела посмотреть, «как Ливанов изобразил Ольгу Леонардовну», я долго, как картежник, «тасовал» перед ней свои рисунки, перекладывал их, вынимал то один, то другой, не решаясь продемонстрировать ее «портрет». Наконец, видя, что отступление невозможно, показал тот, который печатается в журнале. Она заулыбалась, потом привычным жестом хлопнула меня по плечу и... подписала рисунок. Прошло несколько лет. Ольга Леонардовна вновь увидела этот портрет и дала мне еще один автограф...

Василия Осиповича Топоркова хорошо знает и любит зритель. Я нарисовал его таким, какой он в жизни, с его страстью к юмору, острому слову, шутке. Мы с ним ездили как-то с шефскими концертами на Балтийский флот. В свободный вечер нас пригласили в гости. Наутро нам предстояло рано выехать, и мы уговорились уйти пораньше. Но Топорков в первую же удобную минуту незаметно ушел, а я под бдительным присмотром хозяев вынужден был сидеть до 2—3 часов ночи. За такое предательство я решил ему отомстить. Это было время белых ночей. Когда я пришел туда, где мы остановились, мой друг безмятежно и сладко спал. Я стал его будить, делая вид, что завязываю галстук. Топорков встрепенулся, поглядел на меня, спокойно ответил: «Ну, уж меня-то не разыграешь» — и повернулся на кровати. Я вышел, громко хлопнув дверью, и спрятался. Прошло минут пять — десять. Смотрю, открывается дверь, и, позевывая, ежась от ночной свежести, из комнаты торопливо выходит Топорков, на ходу надевает пальто и пускается бежать к выходу. Я был отмщен... Только в конце коридора мне удалось приостановить его бег. Со смехом мы пошли досыпать остаток ночи...

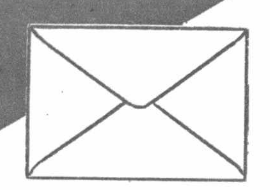

А. Н. Грибов.

...О Фаине Васильевне Шевченко Шаляпин сказал: «Это я в юбке!» Она не видела моего шаржа, и я страшусь теперь своей горькой участи.

С радостью я прокомментировал бы и все остальные рисунки. Ведь вместе с этими людьми прожита жизнь. Учителя, достойными памяти которых мы мечтаем быть, друзья, соратники, партнеры... Сколько можно рассказать о каждом, сколько вспомнить вместе пережитого, но я боюсь наскучить читателю своими воспоминаниями, да и для мемуаров надо что-то приберечь...

УЧЕНЫЕ ОТВЕЧАЮТ ЧИТАТЕЛЯМ

«Хелло, Спутник!»

«Как относятся ученые США к посещающим их страну советским ученым?» — спрашивает читатель И. Константинов из Баку.

С просьбой ответить на этот вопрос наш корреспондент обратился к академику **А. А. Благонравову**, возглавлявшему советскую делегацию на состоявшейся в Вашингтоне международной конференции, созванной по вопросам научных исследований верхних слоев атмосферы с помощью ракет и искусственных спутников Земли.

Ученые США искренне приветствовали успехи Советского Союза, впервые осуществившего проникновение в космос.

Правда, нашлись отдельные лица, которые не смогли скрыть злобного отношения к успехам советской науки и пытались умалить их значение.

Стоит упомянуть, с каким исключительным вниманием было выслушано на конференции наше сообщение о том, что уже давно применяемые в Советском Союзе метеорологические ракеты обладают многими преимуществами по сравнению с американскими средствами наблюдения. Ученые США выразили свой восторг, узнав о том, что метеорологическая ракета повторно используется нами, так как каждый раз она возвращается к месту своего старта, то есть является своего рода «воздушным бумерангом». Одно это меткое сравнение вызвало оживление на конференции и получило много откликов в печати США.

Наша делегация была гостеприимно встречена в научных учреждениях США. Мы побывали, кстати говоря, в Блоссом Поинти, близ Ла-Платы, где американские ученые наблюдали за движением советского спутника Земли. Мы выступали не только перед представителями печати, но и по телевидению, радио, в кино. Нас стали узнавать даже на улицах, прохожие с каким-то, можно сказать, американским задором приветствовали нас: «Хелло, Спутник!»

Мы надеемся, что в дальнейшем контакт с учеными США станет не только более прочным, но и постоянным. К такому творческому контакту, как мы убедились, стремятся многие ученые США.

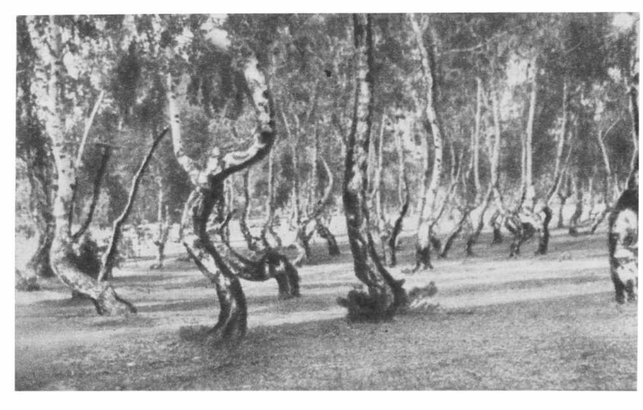

Выступление советской делегации по американскому телевидению. В центре — академик А. А. Благонравов.

Речные раковины

«Однажды мы купались в небольшой речке, впадающей в Амур, и обнаружили большие раковины. Некоторые из них, судя по наслоениям, имели возраст до двухсот лет. «Ногу» раковины мы отрезали, затем снимали с нее кожицу, варили и ели. На вкус и на вид мясо раковины нельзя отличить от коровьего языка, но оно мягче и нежнее» (Л. Еремин. Москва.)

— Раковины, о которых сообщает читатель «Огонька»,— сказал нашему корреспонденту профессор Е. В. Боруцкий,— называются гребенчатками. Возраст их определен неточно: «кольца» на их створках нельзя принимать за годовой прирост. Перламутр, добываемый из створок раковин, давно уже используется на всякие поделки. Л. Еремин правильно отметил, что мясо этих раковин не только съедобно, но и вкусно.

«На берегу озера Борового я увидел необычную березовую рощу. Стволы ее изогнуты так, что создается впечатление танцующих деревьев. А несколько дальше от этого места деревья растут нормально. Чем объяснить искривленность стволов берез?» (Ф. Вуколов, Казахская ССР, город Петропавловск.)

Научная сотрудница Главного ботанического сада Академии наук СССР **С. Н. Макарова** высказала свое мнение:

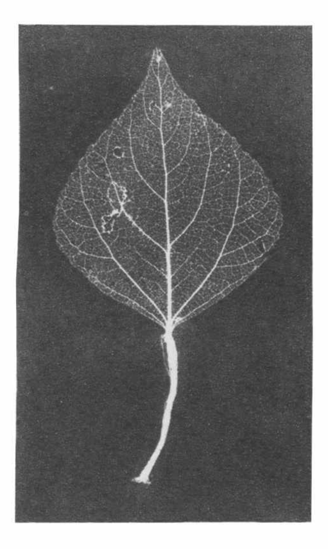
— Одной из вероятных причин искривленности стволов берез могло быть влияние господствующих сильных ветров. На предположение наводит то, что почти все стволы погнуты в одном направлении. Деревья были искривлены в молодом возрасте. Другой же вероятной причиной этого явления могло оказаться воздействие на молодые растения потоков воды, если участок находился в ложбине или балке.

Листок-кружево

«Во время прогулки в парке мы подняли на аллее этот листочек. Он заинтересовал нас тем, что удивительно похож на кусочек кисейной ткани. Отчего это произошло?» (П. Беляков. Ташкент).

На этот вопрос отвечает научная сотрудница Главного ботанического сада Академии наук СССР кандидат биологических наук **М. Н. Талиева.**

— Как известно, ткани листа по своему строению и свойствам неоднородны. В листе различают жилки, мякоть и кожицу. При повреждении насекомыми лист в первую очередь теряет мякоть. То же самое может произойти с листом, если он попадет в воду и начнет гнить. Тогда сначала теряется мякоть, позже распадутся жилки листа. По-видимому, это и происходило с найденным листком.

Астрономы на спутниках

«Какими возможностями будут обладать астрономы, обозревая небо с искусственных спутников Земли»? (М. Воскобойников. Одесса.)

Отвечает доктор технических наук профессор **Ю. А. Победоносцев:**

— При астрономических наблюдениях в телескоп с поверхности Земли увеличение более чем в девятьсот раз обычно не применяют из-за помех, возникающих в атмосфере в виде движений отдельных струек воздуха. Эти помехи при большом увеличении сильно мешают наблюдениям: появляется мерцание звезд, дробление и расплывчатость изображения светил в телескопах и т. д. За пределами же атмосферы таких помех не будет, и поэтому при увеличении в десять тысяч раз мы могли бы со спутника увидеть на Луне предметы, имеющие в поперечнике всего двенадцать метров. На Марсе нам стали бы тогда доступны детали поверхности, не превышающие по своим размерам полутора километров.

Улучшение видимости в телескоп, расположенный за пределами атмосферы, позволит найти ответы на множество вопросов, касающихся, например, строения поверхности планет, и, в частности, приведет к окончательному решению вопроса о том, существуют ли «каналы» на Марсе и какова высота его гор. Появится также возможность изучить природу бесплодной поверхности Меркурия, подвергнуть изучению поверхность Венеры, окутанной «покрывалом» из двуокиси углерода, а также поверхности гигантских планет Юпитера и Сатурна. Солнце, сфотографированное с межпланетной станции с помощью рентгеновских лучей, будет выглядеть совсем не таким, каким мы привыкли его видеть. То, что нам кажется сейчас солнечным диском, будет, по всей вероятности, лишь сердцевиной большого, пушистого шара, покрытого яркими мигающими пятнами, а обычно невидимая корона окажется основным источником света.

Таковы только отдельные астрономические задачи, которые могут быть решены наукой с помощью искусственных спутников Земли.

Как летает цефенемия

В номере 47 «Огонька» за 1957 год напечатана заметка из немецкого журнала «Цайт им Бильд», в которой ошибочно утверждалось, что муха цефенемия преодолевает в час 1300 километров. Редакция получила ряд запросов о необычной скорости полета цефенемии, на которые отвечает кандидат биологических наук **Ю. М. Залесский.**

Сведения о чрезвычайно быстро летающей мухе в нашей печати впервые появились в журнале «Наука и техника» (№ 1, 1927 год) под заглавием «Самое быстрое существо». Позднее это сообщение в разные годы публиковалось в других журналах.

Ясно, что насекомого, летающего со сверхзвуковой скоростью, в природе нет и не может быть. Если бы такую скорость и могла развить муха, то она погибла бы от перегрева в результате трения о воздух. Очевидно, началом в этой истории явилась публикация в журнале Нью-Йоркского энтомологического общества в 1927 году об исследовании д-ра Таунсенда, где ошибочно утверждалось, что муха в течение дня может облететь вокруг Земли.

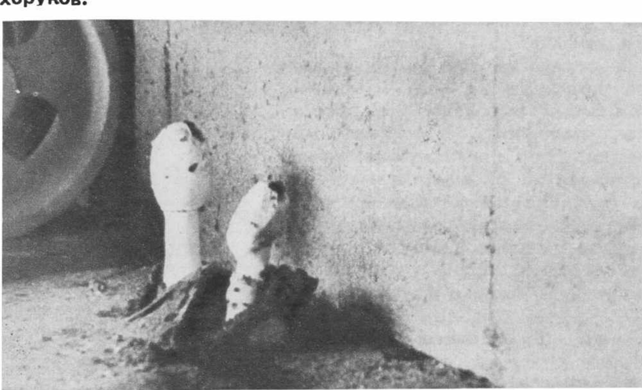
Цефенемия — название не одной мухи, а целого рода мух, которые близки к оводам. Они известны в Европе, в Северной Африке.

Максимальная скорость полета некоторых насекомых обычно не превышает 18 метров в секунду (около 65 километров в час). Мухи — слепни и оводы — одни из самых скоролетающих насекомых. Возможно, что какой-либо вид цефенемии и обладает скоростью полета в 15—18 метров в секунду.

Грибы - силачи

«В механическом цехе нашего завода выросли грибы. Под их напором лопнул асфальтовый покров. Откуда же взялась такая сила у грибов?» (Н. Вириков. Кострома.)

Отвечает доктор биологических наук профессор **К. Т. Сухоруков:**

— Самые нежные растения, в том числе и грибы, в своем росте развивают большую силу. В данном случае она была в несколько атмосфер. Совершенно очевидно, что этому давлению не смогло противостоять асфальтовое покрытие. Если же препятствия оказываются непреодолимыми, побеги растений обходят его.

Старинный атлас

«Перебирая старые книги, я обнаружил интересный атлас — «Географические карты России», изданный почти сто лет назад, в 1859 году. Атлас состоит из восьмидесяти листов карманного формата, исполненных хромолитографическим способом. На каждом из них самые разнообразные сведения. Например, на первом листе можно найти карту Олонецкой губернии, ее герб, сведения о ее населении, площади, климате, почве, крупнейших городах, промышленности, рыболовстве, постройке судов, добыче строительного камня и так далее. Имеются любопытные сведения, что один сад заложен Петром I, им же основан в 1707 году Кончеозерский чугунный завод, что расстояние от Петрозаводска до Петербурга 459 верст и до

Москвы — 1135», — сообщил в редакцию «Огонька» Герой Советского Союза **В. Новиков.**

— С помощью Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина,— рассказал действительный член Географического общества СССР П. А. Чумак,— установлено, что составителем атласа был Константин Грибанов, а издателем — М. О. Вольф.

Информация об этой находке была сделана в Московском филиале Географического общества СССР. Выступавшие на заседании ученые М. А. Цветков, В. Ф. Кремпольский, В. И. Ларин и В. К. Яцунский поддержали предложение о создании подобного географического атласа Советского Союза.

Такой энциклопедический атлас был бы весьма полезен для популяризации географических знаний о нашей стране.

Сверчки в милиции

«Не так давно мы заняли караульное помещение в новом доме. Не успели и дверь открыть, как нас приветствовали своим «чириканьем» сверчки. Удивительно, что такие маленькие насекомые могут издавать сильные, сочные звуки! Теперь сверчки «поют» круглые сутки, и после дежурства нельзя даже отдохнуть. Вот и пришлось задуматься, как бы избавиться от этих непрошеных «певцов». (Старшина милиции В. Соколов. Москва.)

На это письмо дал ответ доктор биологических наук профессор Н. Н. Плавильщиков:

— У сверчка на надкрыльях имеется звуковой аппарат, который состоит из звучащей поверхности, «смычка» и резонатора. Избавиться же от сверчков можно теми же средствами, которые применяют против тараканов.

Тайна олгой-хорхоя

«На нас большое впечатление произвел рассказ И. А. Ефремова «Олгой-хорхой», публиковавшийся в различных изданиях,— об удивительном и еще неведомом существе пустыни Гоби. Как возник этот интересный рассказ?» — спрашивают товарищи Чащиков, Никишин и другие из Вологды.

Доктор биологических наук профессор палеонтологии писатель **И. А. Ефремов** охотно удовлетворил любознательность читателей:

— Во время своих путешествий по монгольской пустыне Гоби я встречал много людей, рассказывавших мне о страшном червяке, который обитает в самых недоступных уголках Гобийской пустыни. Это легенда, но она широко распространена среди гобийцев. Загадочный червяк описывается населением с большими подробностями, и следует думать, что в основе легенды есть правда. По-видимому, в самом деле в пустыне Гоби живет еще неизвестное науке странное существо, возможно, представитель древних, вымерших обитателей Земли. Таков ли олгой-хорхой на самом деле, каким он описан в моем рассказе, разумеется, нельзя ручаться. Только будущие исследователи, которым удастся наконец увидеть это животное, смогут сказать всю правду.

Точно так же нельзя ответить на вопрос, каким образом убивает олгой-хорхой. Все араты, гобийские кочевники-скотоводы, уверены в ужасных свойствах этого червяка. Я помню одного старика-гобийца, опытного вожака караванов товарища Цевена, много раз ходившего из Китая в Россию в те времена, когда верблюжьи караваны были основным транспортом для чая. Каждый рейс такого каравана туда и обратно занимал около двух лет. При такой скорости передвижения можно было во всех подробностях изучить пустыню. Цевен много рассказывал нам об олгой-хорхое и о недоступном урочище Халдзан Дзахе в Южной Гоби, где якобы обитает этот червяк. Рассказывал, что червяка можно видеть лишь в самые жаркие месяцы лета, в остальное время червяки спят в норах в песке. Живой и впечатлительный, Цевен изобразил, как олгой-хорхой ползает и как убивает приближающихся к нему, свorачиваясь в кольцо и подпрыгивая.

Собрав все сведения о таинственном червяке, я написал рассказ, в котором все события вымышлены, но червяк описан именно так, как мне про него рассказывали жители гобийских районов Монгольской Народной Республики.

БАРСЕЛОНА, 1957

«Какой прием был оказан советским ученым во время их поездки в Испанию на Восьмой международный конгресс по астронавтике?» — интересуется читатель «Огонька» А. Гущин (Новосибирск).

Заместитель председателя Астрономического совета Академии наук СССР **Алла Генриховна Масевич** ответила:

— Восьмой международный астронавтический конгресс состоялся в Барселоне в те дни, когда запуск первого искусственного спутника Земли взволновал человечество. По постановлению конгресса русский язык был признан одним из официальных языков, на которых печатаются издания Международной федерации астронавтов. Руководитель советской делегации академик Л. И. Седов был избран вице-президентом федерации.

С большой теплотой испанские ученые знакомили советских делегатов с научными учреждениями Барселоны и Мадрида. Мы подарили им книги и специальную астрономическую трубку для наблюдений искусственных спутников Земли.

К нам проявляли разные «знаки внимания». В Мадриде известный матадор предложил в честь советской делегации заколоть на арене самого свирепого и крупного быка. В Лондоне быстро вошел в моду новый фасон дамской шляпы — «спутник» — из красного бархата, с «антеннами», и один из американских делегатов затребовал из Лондона и любезно вручил мне такую шляпу.

Всюду нас сердечно приветствовали незнакомые люди.

Перед отлетом из Парижа. Академик Л. И. Седов и А. Г. Масевич беседуют с журналистами.

1 апреля в Москве состоялся пленум Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

С докладом «Движение солидарности народов Азии и Африки и задачи Советского комитета солидарности стран Азии и Африки» выступил председатель комитета Мирзо Турсун-заде. Основные положения доклада развивали в своих выступлениях представитель Совета солидарности стран Азии и Африки Азиз Шериф, католикос — патриарх Грузии Мелхиседек III, заместитель председателя Совета Министров Северо-Осетинской АССР Т. С. Хетагурова, ответственный секретарь Советского комитета защиты мира М. И. Котов, вице-президент Академии наук Узбекской ССР С. Ю. Юнусов, председатель Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана З. Бабаханов, зоотехник колхоза имени Карла Маркса Казахской ССР А. Х. Мухамедин, работник свинцового завода Н. Сатулганов.

На снимке: Мирзо Турсун-заде выступает с докладом.

Фото А. Новикова.

На Международном конкурсе пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского закончился первый этап — конкурс скрипачей.

Первое место жюри присудило советскому скрипачу Валерию Климову, второе—Виктору Пикайзену (СССР), третье—Штефану Руха (Румыния), четвертое — Марку Лубоцкому (СССР), пятое — Виктору Либерману (СССР), шестое — Валентину Жуку (СССР), седьмое — Джойс Флисслер (США), восьмое — Зариус Шихмурзаевой (СССР).

На снимке (слева направо): Виктор Пикайзен, Валерий Климов и Штефан Руха.

Фото Е. Умнова.

МАТЧ-РЕВАНШ МИРОВОГО ШАХМАТНОГО ПЕРВЕНСТВА

НИЧЕЙНАЯ НЕДЕЛЯ

В исключительно острой борьбе протекал первый «сет» матча-реванша В. Смыслов — М. Ботвинник. Из шести партий только одна, четвертая, закончилась мирно.

Зрителей, которые приходят наблюдать за процессом игры ради самой игры, такие результативные встречи вполне устраивают. Но на четвертой неделе матча их ждало разочарование: все три партии закончились вничью. Таким образом, в пяти из первых десяти партий гроссмейстеры пришли к мирному итогу. Много это? Нет, если вспомнить, что в матче А. Алехин — Х. Капабланка в 1927 году бывали серии ничьих — по 7 и 8 подряд!

Преимущество чемпиона мира в начале матча-реванша заключалось в том, что его устраивала ничья. Смыслову даже «подсказывали», что проще всего сделать... 24 ничьих. Но после энергичного старта Ботвинника отыгрываться должен уже Смыслов. Начался реванш Смыслова в матче-реванше с Ботвинником: реванш в реванше!

Вспомним матч Ботвинника с Д. Бронштейном в 1951 году и оба матча экс-чемпиона мира с В. Смысловым: ни в одном из них у Ботвинника не было такого выгодного положения: после десяти партий счет в его пользу составил 6,5 : 3,5.

Ботвинник справился с мартовской программой. Но апрель начал с проигрыша. Будем ждать, что покажут апрельские итоги.

Сало ФЛОР

В защиту форели

В. МОВЧАН,
доктор биологических наук

Живописны Карпаты, поросшие красивыми буками, стройными пихтами. Быстрые реки, прорезая леса, несут с гор студеную стеклянно-чистую воду.

А в реках — самые разнообразные виды рыб. Среди них особое место занимает форель, которую по праву величают «рыба-князь». На высоте 900—1100 метров над уровнем моря, в реке Серет и ее горных потоках, водится редкой красоты ручьевая форель.

Форель — бойкая, могучая рыба. Она ярко расцвечена по бокам розовыми и фиолетовыми пятнышками на золотисто-серебряном фоне. Форель очень вкусна, и не случайно до ее нежного мяса есть немало охотников.

В отличие от многих других рыб форель мечет икру не весной, а осенью. Каждый год в октябре — ноябре форель, покидая пристанища в глубоких водах Серета, уходит на нерест вверх.

В природных условиях почти всю зиму продолжается развитие отложенных осенью икринок, затем из них выклевываются личинки — крошечные беспомощные рыбки с большими глазенками и огромным желточным пузырем. За счет желтка личинки питаются первые недели жизни.

Вскоре личинки становятся юркими мальками, которые резво плавают в воде взад и вперед, охотясь уже за мелкими водяными рачками.

Чтобы искусственно развести форель, рыбоводы должны подражать природе, устраивая специальные выводные аппараты. Такие аппараты нам показали на Лопушнянском форелевом заводе, его производительность — 85 тысяч икринок в год. Здесь имеются два бетонированных водоотстойника и пять родниковых прудов общей площадью 0,3 гектара.

Все работы на заводе выполняет один рыбак-форелевод Ф. Д. Скулеба. Он поделился с нами своими соображениями: в этом же помещении можно было бы разместить не 18, как сейчас, а вдвое больше выводных аппаратов и вдвое увеличить производительность завода, но Черновицкий университет не имеет на это средств.

Завод до 1955 года находился в распоряжении Стрыйской межобластной рыбной инспекции, которая уделяла ему мало внимания. Завод был запущен, и его производительность пала до 50 тысяч икринок. В Черновицком университете нашлись научные сотрудники — энтузиасты форелеводства,— которые добились передачи завода университету. За короткий срок они много сделали для его развития.

К сожалению, за последние годы в нашей стране стало очень мало этой ценной рыбы.

До войны в Прикарпатье и Закарпатье существовали десятки форелевых заводов. Их легко восстановить. Но рыбохозяйственные учреждения пока ограничиваются лишь восстановлением двух заводов. А разве сложно создать новые? Ведь к этой работе можно привлечь лесничество, тем более что большинство лесничих охотно пойдет на помощь. Старший лесничий Ясинского лесхоза, Станиславского лесничества, Е. Е. Шпонтак ведет большую работу по сохранению форели. На потоках он сооружает перепады — перекрытия для уменьшения скорости воды.

Ясинский лесхоз на притоках реки Черной Тисы уже создал до 100 таких перепадов и намерен сделать еще сотни таких же перепадов. Кроме того, лесхоз своими силами собирается построить простейший завод на потоке Станиславчик. Напомним, что до войны в районе этого лесхоза существовало четыре форелевых завода.

Среди лесников много энтузиастов форелеводства. Лесничий Лазещинского лесничества Н. Д. Дьячук на потоке Лазещина (приток Черной Тисы) на протяжении 15 километров охраняет не только лес, но и форель. Здесь сделаны перепады, что помогает сохранять форель, особенно ее молодь, и на этом потоке больше форели, чем на других. Но не все лесничие и лесники заботятся о рыбных запасах. На них возложено наблюдение за выполнением правил охоты, но охранять ихтиофауну в лесных реках они не считают своей обязанностью. Хуже того, отдельные лесники и объездчики, пользуясь бесконтрольностью, сами нарушают правила рыболовства и безнаказанно ловят рыбу, когда хотят, как хотят и сколько хотят. С этим следует повести решительную борьбу. Необходимо в нашей стране завести такие порядки, как, например, в Чехословакии, где лесник отвечает за сохранность не только лесов, но и редких зверей, а также рыбы в реках, протекающих по лесным массивам.

Охоту на форель можно сравнить с охотой на оленей. Ловлю форели можно предпринимать исключительно на спортивной основе. Оскудели реки форелью потому, что уж очень много развелось браконьеров, которые переводят рыб совершенно зря.

Летом, когда горные реки обычно мелеют, в плесах остаются ямы, углубления, где сосредоточивается много рыбы. И браконьеры полностью истребляют в таких местах форель.

В период нереста форели, когда она скопляется на нерестилищах, население вылавливает ее в больших количествах на реке Товарнице — притоке Черемоша.

К сожалению, форель хищнически уничтожается не только в реках, но и в прудах. Так, в пруду «Парашка» на территории гослесфонда Воля, Добростанского лесничества, под видом якобы очистки ложа пруда сотрудники Львовского водоканалтреста за одну ночь выловили всю форель.

На реке Ломница имеется лесопильный завод. Вода для его нужд подается из реки каналом при помощи подпора на нем. В образуемый водоем заходит много рыбы, в том числе и форель. Работники лесозавода опорожняют водоем и вылавливают из него всю форель, как взрослую, так и молодую.

Лесосплав причиняет непоправимый вред форелеводству в горных реках. Для лучшего сплава горные реки перегораживаются временными плотинами, создаются водоемы, в которые заходит рыба. После того, как минует надобность в таких водоемах, они спускаются, а оставшаяся в них рыба, в том числе и форель, вылавливается браконьерами-сплавщиками.

Современное состояние форелеводства в СССР ни в коей мере не соответствует тем огромнейшим возможностям, которые имеются в нашей стране, в частности на Северном Кавказе, в Грузии, Армении, Киргизии, Узбекистане, в западных районах Украины, в Крыму и других местах.

Необходимо построить образцовые прудовые форелевые хозяйства и обеспечить их высокую рентабельность, а также организовать интенсивное форелеводство во всех пригодных для этой цели озерах и водохранилищах. Было бы целесообразно временно запретить лов форели. Следует создать в ряде мест специальные для нее заповедники. Форелевых заповедников на Украине в настоящее время нет. В верховьях реки Прут, изобилующей редкими видами рыб, в том числе и форелью, до войны был установлен заповедник, в водоемах которого запрещался всякий лов рыбы. Теперь же в этих водоемах лов рыбы производится кем угодно, без каких-либо ограничений и надзора.

На базе горных рек и потоков с чистой и холодной водой можно создать маленькие и большие форелевые озера. Например, выше села Гриняво, Жабьевского района, Станиславской области, есть прекрасная балка, по которой протекает поток Большой Громытный. При впадении его в реку Пробойницу имеется естественная каменная плотина с прорывом 24—30 метров. В этом прорыве можно построить мощную плотину, и тогда здесь возникнет большое красивое озеро — вторая Рица.

Примером заботы о форели может служить работа армянских рыбоводов треста «Армрыба», которые свыше тридцати лет занимаются сбором, инкубацией икры и выращиванием молоди севанской форели. В настоящее время уровень озера Севан, как известно, понижается. Обнажаются прибрежные зоны озера, грунты которых слагались в основном из гальки, гравия и песка и были характерны для нерестилищ форели. Это препятствует естественному воспроизводству ее промысловых запасов. Поэтому армянские рыбоводы стремятся поддержать уловы севанской форели методом искусственного рыборазведения, а также прудового и бассейнового выращивания молоди форели. Будут реконструированы существующие два форелевых завода и построен новый мощный завод.

Рыбохозяйственные учреждения РСФСР начинают развивать прудовое форелеводство. Так, в рыбхозе «Спартак», Воронежской области, создан форелевый цех. Здесь имеется 28 прудов общей площадью в один гектар. Форелевый цех организован также и при рыбхозе «Ключики», Белгородской области. Создается крупное форелевое хозяйство «Сходня», под Москвой.

Но всего этого еще очень мало. Нужно гораздо больше усилий, чтобы форелеводство, возникшее в России еще в 1740 году, приобрело настоящий размах.

Подходящих мест, где можно сооружать форелевые пруды, в нашей стране очень много. В ближайшие годы можно создать не менее 100 форелевых прудовых хозяйств. Если площадь каждого из них определить только в 10 гектаров, а добычу с одного гектара — в 20 тонн, то с них мы бы имели ежегодно 20 тысяч тонн форели. Одним словом, о форели нужно позаботиться по-настоящему!

Ведет скачку Николай Лакс. 1956 год.

Записки старого жокея

Мих. ЛАКС

Шестое жокейское чувство

Очень трудно, почти невозможно самому упомнить и подсчитать, во скольких скачках участвовал за всю жизнь. Однако есть такие зрители на ипподромах, которые безошибочно скажут вам, когда и в каких заездах участвовал их любимый жокей, на какой лошади скакал и какое показал время. Он, этот зритель, всегда садится на одно и то же место и сидит тихо, не вступая в разговор с экспансивными дилетантами, устроившимися по соседству. Он не делает ставок в тотализаторе: ему не надо подогревать свою страсть азартом денежной игры. Внешне он спокоен. Только блеск глаз выдает волнение.

Вот один из таких зрителей точно подсчитал, что только за тринадцать начальных лет — с 1903 по 1915 год — я провел 2 466 скачек, в которых занял 535 первых мест.

Сотни, иногда тысячи лошадей проходят через руки жокея. Гнедые, рыжие, вороные, караковые; двухлетки, трехлетки и старших возрастов; с очень звучными, подчас вычурными именами — кто их запомнит, всех этих быстрых, как ветер, скакунов?!

Из всего этого разномастного и разноименного калейдоскопа у каждого жокея набирается десятка два — три особенно знаменательных — одни тем, что на них была одержана большая победа, другие красотой, третьи каким-нибудь курьезным фокусом. И уже из этих десятков выделяется несколько таких скакунов, которые оставляют по себе память до конца дней.

Я уже говорил: к каждой лошади надо приноровиться, не каждую сразу определишь, что она есть.

Как-то взнуздывал я молодого жеребчика. Он, наверно, подумал, что с ним просто балуются, взял и откусил мне кончики двух пальцев на левой руке — мизинца и безымянного. Хруп — и нету! Аккуратно так, будто хирург. И смотрит с любопытством: ну что, мол, чисто сработано?

Другая лошадка осрамила меня раз на весь честной ипподромный народ. Знакомиться с ней пришлось буквально перед стартом. Прикинул — ничего, думаю, сойдет.

Стартовал крайним слева, возле самого каната — так по-скаковому называют бровку дорожки. Пустил я ее что есть духу, а ровно через две секунды со всего галопа врезался во что-то колючее. Глаза ослепило, в рот набилась какая-то труха. Даже оторопь меня взяла. А лошадка жалобно так ржет, точно говорит: ну и связалась я с недотепой. На трибунах, слышу, стон стоит, публика со смеху покатывается.

Не сразу я сообразил, что произошло. Оказывается, близко возле каната стоял стог сена, накошенного на ипподромном поле, и лошадку мою вместе со мной занесло в этот стог. Держал я ее со старта хорошо, правильно, с моей стороны вроде никакой ошибки не было. Под свист и улюлюканье поехал я в конюшню...

А у некоего моего приятеля с одной лошадью разыгралась целая трагикомедия.

Лошадь была дебютантка, выступала первый раз. От нее ждали многого, прочили ей золотую карьеру.

Со старта она ушла отлично и повела скачку. Вдруг в том месте на противоположном конце поля, куда выходили двери ее конюшни, лошадь резко закинулась в сторону и выбыла из скачки. Перейдя на рысь, она потрусила к своему жилью. Приятель мой опешил. Это же позор!

Ну, посовещались с хозяином, решили, что молодая двухлетка капризничала. Попробовали на тренировке пустить ее в заезд с другими лошадьми — опять то же самое! Сворачивает к конюшне, удержать себя на дорожке не дает. Стало быть, первое баловство ей понравилось, решила и впредь поступать так же.

Жокейское самолюбие не позволяло моему приятелю отступиться и плюнуть на строптивую лошадь. Он хотел ее переломить. Но, сколько ни бились, ничего не получалось. Тогда сделали так: на том месте, где она сворачивала с дорожки, хозяин выставил заслон из конюхов, в руках у которых были метлы. Когда лошадь подходила к роковому отрезку, конюхи начинали неистово махать метлами, как голубятники машут чем попало, когда не дают голубю сесть на крышу. Последнее средство помогло. С тех пор скачки, в которых участвовала эта лошадь, всегда обставлялись, как целый спектакль...

Много и иных анекдотических неприятностей встречалось на ипподромах. Но один случай запомнился крепче других.

В Одессе в мои руки попал интересный экземпляр — жеребец Льеж. Всем он был хорош: и красив, и резв, и понимал с полуслова любую команду. Одна заковыка была у него: то ли из-за чрезмерного честолюбия, то ли из-за обидчивости, но Льеж терпеть не мог на дорожке никого впереди себя. Как только другая лошадь обходила его хотя бы на голову, он останавливался и отказывался вести борьбу.

Немного раньше я скакал на лошади, которая действовала наоборот. Как только сама вырвется на голову вперед — прекращает скачку. Мол, хватит, я добилась того, чего от меня требуют,— обогнала всех, а дальше мне не интересно. С нею приходилось хитрить: все время скакать, пропустив впереди себя кого-нибудь, и лишь на последних метрах давать ей волю.

А в случае с Льежем дело обстояло гораздо сложнее.

Когда разыгрывались большие призы, владельцы крупных скаковых конюшен обычно поступали так. Кроме основной лошади, выставляются еще одна или две, задача которых — быть лидерами. Лидер на каком-то отрезке ведет скачку в предельно высоком темпе, старается измотать лошадей соперников, «зарезать» их. Все другие идут вплотную за лидером — отпускать далеко нельзя:

* Окончание. См. № 14 журнала «Огонек».

отпустишь, а он вдруг возьмет и продержится первым до выигрышного столба. И только жокей, скачущий на основной лошади хозяина, знает, что лидер продержится недолго. Он не гонит свою лошадь, приберегая силы для решающего броска. Сделав свое дело, лидер отстает. Другие лошади, тянувшиеся за ним, сбиты с привычного им темпа, измотаны. И тогда тот, кто не спешил, выходит вперед и вырывает победу. В больших заездах бывает по три — четыре таких лидера.

Здесь от жокея требуется очень тонкое понимание пейса. Понимать пейс — значит в каждый данный момент знать, с какой резвостью идет твоя лошадь и на что она еще способна, какой посыл она еще выдержит без риска быть загнанной и навсегда сойти со сцены.

Трудность заключалась в том, что Льеж никаких лидеров не выносил. Только он сам мог быть лидером.

Скачка, о которой идет речь, собрала 15 отличных лошадей. Разыгрывался крупнейший приз — в 40 тысяч рублей, и коннозаводчики записали всех своих фаворитов. Состав жокеев был очень сильный: победитель московского дерби американец Винкфильд, наши Сулеков и Магдалинский, американец Дуган, француз Лемель.

В те поры мое имя уже внушало в жокейской среде известное уважение, моего соперничества нередко побаивались. Хозяин, разнюхав соотношение сил, сообщил неприятное известие: все считают Льежа опасным конкурентом и по молчаливому соглашению сообща будут «резать» его. Мне придется воевать на дорожке одному против четырнадцати. Об особенностях Льежа, кажется, никто толком не знает.

За несколько дней до скачек мы с хозяином попробовали все-таки вылечить Льежа от его «заскока». Сделали несколько заездов, но всякий раз повторялось одно и то же: стоило мне чуть придержать жеребца и позволить другой лошади обогнать его хотя бы на ухо, Льеж фыркал и останавливался.

В день скачек хозяин с утра пришел в конюшню в паническом состоянии. По неисповедимым путям межконюшенным до него дошло, что все участники откуда-то достоверно узнали о пороке нашего Льежа.

— Что ж, Михаил Николаевич,— уныло сказал мне хозяин,— загони Льежа, но выиграть надо.

Он, конечно, сказал это сгоряча. Я не ответил. Через минуту хозяин опомнился:

— Нет, негоже, негоже так! Ты уж, прошу, не перепейси. Черт с ним и с призом!

Перепейсить — значит превысить критическую резвость. Грань тут очень зыбкая. Чувствовать ее — в этом и состоит искусство.

Никогда не волновался я так, как перед этим заездом.

Со старта Льеж сразу вырвался на добрых два корпуса, и с первой же сотни метров начался его поединок с четырнадцатью решительными соперниками. То один, то другой жокей делал свою лошадь добровольным лидером.

Вот слышу, как кто-то пускает в ход хлыст, и горячее дыхание настигает меня. Скашиваю глаза — это лошадь Магдалинского хочет обойти. Медленно, но неуклонно голова коня подтягивается к той невидимой черте на уровне глаз моего Льежа, которую ни одна лошадь не должна переступать. Посылаю Льежа сильнее. Сосед отодвигается помалу назад.

— Черт, куда гонишь! — прерывистым голосом бросает Магдалинский и пропадает сзади.

Но на его месте уже кто-то другой. Белый камзол с двухцветной лентой через плечо. Это негр Винкфильд. Он пытается обойти без хлыста. Я не даю ему переступать критическую грань, но и этой резвости достаточно. Винкфильду скорости не хватает.

Так один за другим все четырнадцать соперников делают попытку сыграть на пороке Льежа. Каждый раз я посылаю его все сильнее, и Льеж выдерживает безотказно. Перед последним поворотом кто-то настигает меня и хрипло кричит:

— Пожалей жеребца, ирод!

Я не оглядываюсь. Тот же хриплый голос:

— Хочешь хлыста схватить?

За такие штуки жокеев строго наказывали, но кое-кого это не останавливало. Отвечаю:

— Сам схватишь, мне бить удобнее.

На секунду возникает сомнение: как Льеж, выдержит ли? Но шестое жокейское чувство — чувство пейса — подсказывает: все в порядке.

Прямая... Последний бросок!

— Льеж, дружище, давай,— говорю тихонько коню.

Нужно поработать хлыстом. Но едва я замахиваюсь, Льеж, угадав мои намерения, прибавляет ходу. Тридцать, двадцать, десять метров остается до конца. Сзади накатывает все ближе грозный вал погони: бешеный храп, сумасшедший перестук копыт. В ушах свистит ветер. Вот они уже рядом. Но Льеж первым пересекает линию финиша.

Спрыгнув на землю, я чувствую, что сил не осталось ни капли. Ноги свела судорога. Ткни меня пальцем — свалюсь, как подкошенный.

Трибуны ревут. Подбегает хозяин, целует меня:

— Спасибо, Миша!

А я думаю: не меня надо благодарить, а то чувство пейса, которое во мне живет. Великая это вещь для жокея — понимать пейс!

Бримстон и сын

Революция застала меня в Одессе. Мы на ипподроме плохо разбирались, что творится в мире. Но все были настроены так, что, мол, нам терять нечего. Мы тоже пролетарии.

Недостатка в зрителях не наблюдалось. Только иной раз вдруг поднимется пальба — половину с трибун как ветром сдунет: видно, побежали по делам.

Тут, в Одессе, посчастливилось мне натолкнуться на одну лошадь, которая потом сыграла очень заметную роль в нашем советском коннозаводстве.

Как-то — это было еще летом 17-го года — увидел я на ипподроме молодого жеребца. Двухлетка. Рыжий, на левой задней ноге и на правой передней — белые чулочки. Грудь могучая. Линии экстерьера прекрасные. Я прямо загляделся.

Подхожу к конюшенному мальчику, который держал его в поводьях, спрашиваю:

— Как зовут?

— Бримстон.

— Злой?

— Не-е, спокойный. Хоть кури на него.

Обошел я жеребца вокруг — красавец по всем статьям! Вот, думаю, на таком поскакать недурно! Не уговорить ли хозяина, чтобы купил Бримстона?

— Любит его твой? — спрашиваю у парнишки.

— А леший его знает! — шмыгнув носом, спокойно отвечает парень.

— Ну, ладно. Бывай!

Чуть не бегом побежал я к своему хозяину, инженеру Маринову. Лошадей у него содержалось немного, и вообще в этом вопросе был он новичок. Шальные деньги, видать, поплыли в руки, вот он и решил употребить их на какое-нибудь красивое заведение. Но лошадей любил неподдельно.

Прибегаю к нему, выкладываю, что видел.

— Успокойся, — говорит. — Родословную не спрашивал?

— Нет, — отвечаю. — И так видно: без подделки лошадь.

— Ну, не волнуйся. Обдумаем.

Как он там действовал, не знаю, но через несколько месяцев Бримстон был у нас. Маринов, довольный, потирал руки.

— Ну вот, Михаил Николаич,— веселым голосом сказал он.— Ты сосватал, тебе и скакать. А родители, между прочим, у него знаешь кто? «Б» это Бонни-Бель, а «с» — Сорренто. Неплохая семейка, не правда ли?

Говоря о буквах, Маринов имел в виду обычай давать лошади такую кличку, чтобы она начиналась с той же буквы, что и кличка матери, и чтобы где-то в середине присутствовала начальная буква отцовской клички. Маринов любил козырять знанием специфики коннозаводского дела.

Откровенно сказать, я про родителей Бримстона ничего особенного не слыхивал, но сам-то он был куда как хорош.

Родословная чистокровной лошади расписывается точнее и подробнее, чем родословная царей и королей, так что, если бы покопаться, можно было среди предков Бримстона наверняка обнаружить знаменитостей. Однако заслуги родителей еще ничего не значат. Как-то он сам покажет себя на дорожках? До этого скакал, кажется, неплохо.

Но события в городе разворачивались неблагоприятно для занятий мирными делами. Все чаще назначенные на определенный день скачки или бега переносились на другое число, а затем и вовсе отменялись. Одессу лихорадило.

И вот настало время, когда белогвардейцы, доживавшие в России последние дни, кинулись в порт. Мой Маринов куда-то исчез, словно испарился, бросив на меня всех своих лошадей. Конюхи разбежались. Остался из всех один. А к тому же у меня целая семья на руках — жена, четверо детей. Вот и мечусь, как заводной, между домом и конюшней.

Однажды серым непогожим утром, когда мы вдвоем с конюхом чистили денники, в конюшню зашел представительный, хорошо одетый господин.

— Кто здесь Лакс?

Он достал портсигар, закурил папироску.

— Я Кулибаба, у меня к вам есть разговор. Конфиденциально.— Он выразительно показал глазами на конюха.

Я сделал знак рукой, и конюх вышел. Фамилию Кулибаба я слыхал. Это был крупный помещик, богач. Что ему понадобилось?

Он прошелся, посмотрел на лошадей.

М. Н. Лакс на Аргусе — победителе скачек на Большой колхозный приз. 1928 год.

— Бримстон здоров?
— Да.
— А Прайм?
Был у Маринова такой жеребец, тоже хороший.
— В порядке,— говорю.
Кулибаба испытующе взглянул на меня.
— Послушайте, Лакс. Несколько тысяч рублей вам, надеюсь, не помешают? У вас, кажется, семья?
Я уже сообразил, куда он клонит, неясны были только детали: как он себе мыслит куплю-продажу.
— Вы же знаете, господин Кулибаба, лошади не мои, я ими не распоряжаюсь.
— Маринов сбежал, лошади ничьи. Но за услугу я готов щедро вам отплатить. Вы получите деньги, когда придете за Днестр, в Румынию. Разумеется, не один. С лошадьми.
Признаться, я был растерян. Кулибаба это заметил.
— Вы не совершите никакого преступления. Вы просто спасете ценных лошадей и за это получите справедливую награду. Большевикам такие лошади ни к чему. Они все равно их пустят на колбасу: с продовольствием в городе плохо. А когда все вернется в норму и мы возвратимся, Маринов будет только благодарен вам.
— Надо подумать,— сказал я.
Кулибаба нахмурился.
— Думать особенно уже некогда. Сегодня в ночь надо уходить, завтра будет поздно. Я жду вас за Днестром.
Он назвал городок, не помню какой.
— Что ж, воля ваша, господин Кулибаба.
Уходя, он смерил меня взглядом и сказал:
— И не вздумайте шутить со мной шутки. Вернемся — разыщем вас, и тогда вам не поздоровится.
— Воля ваша...
Что делать? Никуда не уходить? Но в городе еще полно офицерья. Если я буду тянуть, Кулибаба вполне может для верности прислать в конюшню кого-нибудь, чтобы мне «помогли» не колебаться. Без нас-то с конюхом они бы увести лошадей не решились: обращаться с чистокровными надо уметь, не простая это штука.
Поразмыслил я и составил план.
Накормив коней в шесть вечера лучше обыкновенного и захватив с собой в тюках остатки корма — запаса у нас было всего дня на два,— мы вывели вдвоем с конюхом Бримстона и Прайма за ворота и направились вон из города. Путь держали на запад, к Днестру.
Когда редкие огоньки Одессы стали еле видны в темноте, мы повернули резко вправо и поехали в противоположную сторону. Двигались всю ночь, огибая город. К утру мы были уже восточнее Одессы. На день спрятали лошадей в густом кустарнике, а на следующую ночь вошли в Одессу с востока.
Перед тем, как отправиться из города, я присмотрел на окраине пустую конюшню. Туда-то мы и поставили лошадей.
Кулибаба не исполнил своего обещания: так и не вернулся больше...
Долго рассказывать все, что выпало на нашу с конюхом долю. Главное, мучил нас корм. Ведь чистокровным нужно давать, кроме овса, и морковь, и патоку, и сахар, и отруби. Где тут возьмешь такие деликатесы, когда сами люди макухе рады?!

Впереди Анатолий Лакс на Доминго. 1947 год.

Но что было, миновало. Начиналась новая эпоха в коннозаводстве.
Многие заводы верховых чистокровных лошадей на Украине и Северном Кавказе располагались в районах, по которым не раз прокатились фронты гражданской войны. «Белые», «зеленые», бандиты калибра Махно и мельче начисто разграбили ценные фонды этих заводов, многие из них, как Лимаревский, сожгли. По всей стране производители и матки насчитывались буквально единицами. Понятно, что на Бримстона и Прайма обратили внимание. Михаил Васильевич Фрунзе распорядился отправить всех моих подопечных лошадей на государственные конезаводы.
Бримстон попал на Стрелецкий завод — теперешний имени Ф. Э. Дзержинского. Там началась моя тренерская работа. Самому скакать становилось все тяжелее: возраст уже не тот.
В 1926 году от Бримстона и кобылы Сент-Махезы родился в Стрелецком заводе жеребчик Будынок. А в 1929 году жокей К. В. Почуев выиграл на нем Большой Всесоюзный приз в Москве (наше дерби), показав на дистанции 2 400 метров рекордный результат — 2 минуты 32,6 секунды. Этот рекорд стоял небитым до 1939 года. В 1950 году о Будынке писали:
«По своему скаковому классу Будынок не имеет себе равных и по сегодняшний день. Он выиграл все главные призы в трех возрастах».
Бримстон за свою жизнь дал 117 голов чистокровного потомства. 18 из них были победителями в скачках на традиционные призы. Его сын Будынок по окончании скаковой карьеры поступил производителем тоже в завод имени Дзержинского.
Так линия, основанная Бримстоном, через Будынка дошла до нынешнего дня. Его потомки и сегодня скачут на ипподромах, не только на советских, но и на заграничных: некоторые были проданы в другие страны. Будынок считается одной из двух самых выдающихся лошадей советского коннозаводства. Сравниться с ним может лишь Гранит 2-й, сын Тагора и Глицинии.

Золотой фонд

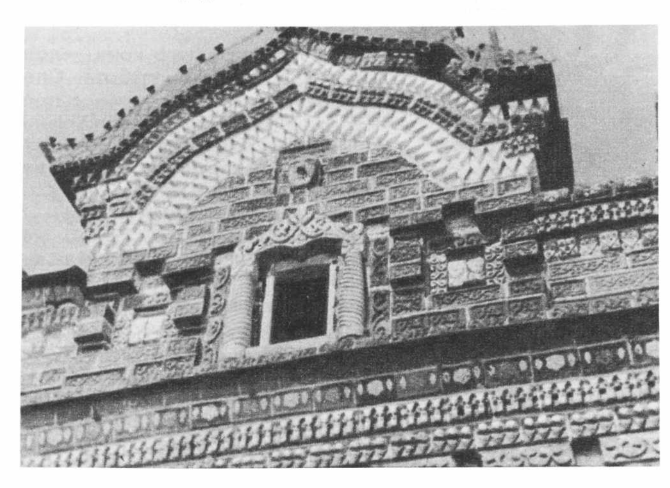
Когда хотят подчеркнуть достоинства жокея, говорят так: конь-то конем, да кто сидит на нем...
Если нужно выделить лошадь, говорят другое: на нее хоть мешок привяжи — все равно первой придет.
Эти пословицы выражают суть давнишнего спора: от кого зависит успех на скачках — от жокея или от лошади? Обе они верны лишь наполовину, а сам спор несколько наивен.

М. Н. Лакс с сыновьями Николаем (слева) и Анатолием проходят перед трибунами Московского ипподрома. 1936 год.

Хороший жокей на хорошем коне — вот какую задачу ставят перед собой заводы, участвующие в розыгрыше призов на ипподроме.
Получить хорошего коня — долгая и кропотливая работа. Специалисты-зоотехники заранее производят сложнейший анализ плюсов и минусов двух линий — отцовской и материнской, находят наиболее выгодный вариант сложения, чтобы получить в сумме наивысший результат. Затем начинаются муки с воспитанием жеребенка. Семь нянек бывает у него в этот период, и надо, чтобы дитя не осталось без глаза. Уже одно кормление — целая наука.
Нужны десятилетия, чтобы вывести чистокровные линии высокого класса. И советские коневоды с блеском выдержали испытание, создав золотой чистокровный отечественный фонд. Недаром же гитлеровцы в минувшую войну охотились за нашими лошадьми всюду, куда им удавалось протянуть руку. Например, едва успев ворваться на конезавод № 33 в Краснодарском крае, гитлеровцы посадили в самолет всех маток, среди которых были жеребые, и немедля отправили их в Германию. После войны представители наших конезаводов немало поколесили, разыскивая своих лошадей в освобожденной советскими войсками зоне. Ну, часть нашли, а часть не нашли...
Когда жеребчику или кобылке сравняется год, их отбивают весной от табуна. Через полгода начинают понемногу приучать ходить под легким жокейским седлом. А еще через полгода двухлетку-дебютанта выставят на старт скачки.
А что значит работа жокея, даст некоторое понятие распорядок дня в конюшне:
4 часа утра — седлание на проездку.
8 часов утра — конец работы.
9 часов — кормление.
С 9 до 12 часов — отдых.
13 часов — кормление.
17 часов — проводка в руках.
18 часов — кормление.
Так каждый день. А в конюшне на одного тренера и двух жокеев приходится, как правило, 30 лошадей. И за каждой нужен строгий глаз.
Чтобы стать хорошим жокеем, надо врожденную любовь к коню сочетать с безграничным трудолюбием. Мне, старику, это по опыту известно: за время работы тренером многим молодым людям помог стать жокеями, в том числе двум своим сыновьям, Николаю и Анатолию.
Десятки талантливых тренеров и жокеев воспитались на наших конезаводах. Хорошие лошади попадают в хорошие руки.
Не так давно услышал я радостную весть: наши спортсмены-конники ездили в Пардубице, в Чехословакию, и выиграли там стипль-чез — скачку с препятствиями. Пардубицкая дистанция стипль-чеза — вторая по сложности после Ливерпульской в Англии. И собирает Пардубице отменно сильный состав участников. Победа советских конников была сенсацией.
Приятная сенсация! Значит, дело идет, значит, молодежь развивает успехи... Хороших скачек ей!

Литературная запись Олега ШМЕЛЕВА.

Дом в Огнетово

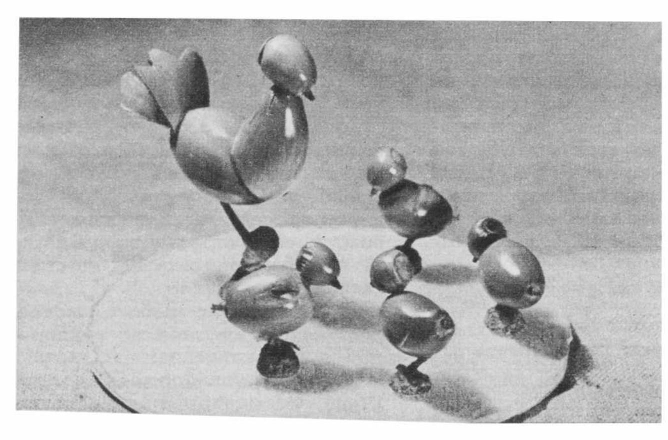

Причудливый орнамент украшает фасад здания. Лицевая сторона каждого кирпича перед обжигом прессовалась в специальных формах и покрывалась стойкой краской. Когда кладка была закончена, узоры переплелись в орнамент.

Дом этот можно увидеть в деревне Огнетово, Кировской области; построил его тридцать лет назад местный мастер Семен Львович Атеев. Здесь находится клуб первой бригады колхоза «Верный путь».

Яранск. **М. КУТЮКОВ**

Из желудей и шишек

В коллекции игрушек московского архитектора С. Марковского журавли, куры с цыплятами, семейство пингвинов, бусы, партия шахмат. Все это сделано им из желудей и шишек.

Москва. **Н. ГРАНОВСКИЙ**

КАПА

У персональной пенсионерки А. И. Шлеминой, проживающей в Баку, отмечался необычный юбилей: двадцатипятилетие со дня рождения обезьянки Капы, уроженки Парагвая. Двадцать лет назад родственник Александры Ивановны, моряк дальнего плавания, привез ей в подарок пятилетнюю мартышку из породы капуцинов.

Капа всегда проявляет удивительный энтузиазм, когда надо помочь по хозяйству. Она подметает полы, моет посуду и даже чистит картошку. Но в еде Капа капризна: она любит лакомиться виноградом и яйцами.

Следует приглашение гулять. Молниеносно мартышка хватает зеркало, причесывается и усаживается в большой карман, пришитый специально для нее к платью Александры Ивановны...

Р. МИНАСОВ
Фото С. Закиева.

Баку.

АРМЯНСКОЕ СКАЗАНИЕ О ТАБАКЕ

В далеком прошлом, когда табак был еще только завезен в Армению из чужих стран, у подножия Арарата жил старец, добрый и мудрый. Он невзлюбил табак и убеждал людей не пользоваться им.

Узнали об этом чужеземные купцы, наживавшие деньги на торговле табаком. Долго думали они, как заставить замолчать старца, но ничего изобрести так и не могли: старец был неподкупен.

Однажды старец увидел, что вокруг разложивших свой товар купцов собралась огромная толпа. Купцы кричали: «Божественный лист, божественный лист! В нем избавление от всех болезней!..».

Крестьяне слушали с недоверием.

И мудрый старец сказал: «Не только это... Божественный лист приносит людям и другую пользу: к курящему в дом не зайдет вор, его не укусит собака, он никогда не состарится».

Купцы с радостью посмотрели на него. «Объясни нам свои слова, о мудрый старец!» — попросили они.

Тот ответил: «Вор не войдет в дом курящего, потому что тот всю ночь будет кашлять, а вор не любит входить в дом бодрствующего человека. Через несколько лет курения человек ослабеет и будет ходить с палкой. А как собака укусит человека, если он с палкой? И, наконец, он не состарится, так как умрет в молодости...».

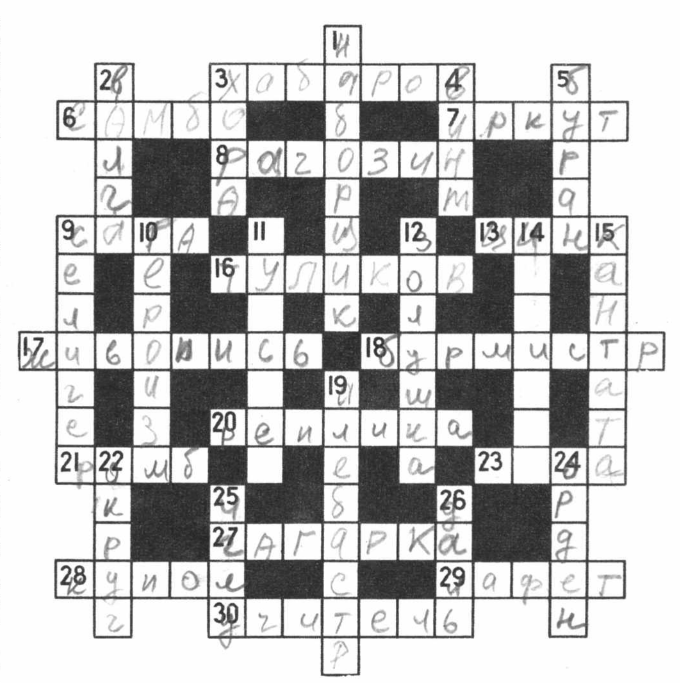
Отошли крестьяне и отказались от табака.

Записал врач
Р. ПАРСАДАНЯН.

Ереван.

На вкладках этого номера репродукции картин: А. Лактионова — «Автопортрет», Д. Жилинского — «В метро», А. Грицая — «Ручей», М. Кенбаева — «Ловля лошади», А. Пластова — «Август колхозника», С. Левенкова — «Декабристы», работы И. Репина — «Кухарка», «Автопортрет», «Этюд к картине «Иван Грозный», «А. М. Горький читает в «Пенатах» свою драму «Дети солнца» и дружеские шаржи из альбома Б. Ливанова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Русский путешественник XVII века. 6. Система борьбы. 7. Приток Ангары. 8. Персонаж романов К. Федина. 9. Народное эпическое сказание. 13. Химический элемент. 16. Советский композитор. 17. Вид изобразительного искусства. 18. Произведение И. С. Тургенева из «Записок охотника». 20. Краткое замечание, возражение. 21. Геометрическая фигура. 23. Желтая краска. 27. Морская птица. 28. Часть парашюта. 29. Станок артиллерийского орудия. 30. Преподаватель.

По вертикали:

1. Типографский рабочий. 2. Город в Эстонии. 3. Молдавский народный танец. 4. Стержень со спиральной нарезкой. 5. Сильная метель. 9. Озеро на Валдайской возвышенности. 10. Бесстрашие, стойкость. 11. Сани для катания с гор. 12. Балет С. Прокофьева. 14. Книга для записей. 15. Лирическое музыкальное произведение. 19. Гипс строительный. 22. Административно-территориальная единица. 24. Награда. 25. Жилище эскимосов. 26. Русский языковед.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 14

По горизонтали:

1. Варламов. 5. Поплавок. 9. Ткварчели. 10. Раскраска. 12. Ераст. 13. Пергамент. 14. Кубок. 17. Ротатор. 20. Галилей. 21. Водород. 22. Каптаж. 23. «Бульба». 26. Адмирал. 28. Терцина. 29. Позитив. 33. Ревун. 34. Крыжовник. 35. Валун. 38. Квитанция. 39. Компостер. 40. «Травиата». 41. Аттестат.

По вертикали:

1. Ваттметр. 2. Раванастр. 3. Мачта. 4. Вельвет. 5. Платина. 6. Пакля. 7. Вестибюль. 8. Крамской. 11. «Фараон». 15. Молдаване. 16. Карабанов. 18. Команда. 19. Попугай. 24. Линкор. 25. Древесина. 27. Сталактит. 28. Турникет. 30. Винегрет. 31. Критика. 32. Вискоза. 36. Гонка. 37. Капот.

ЯВНЫЙ ПЕРЕВЕС. **Л. Самойлов**

Рига.

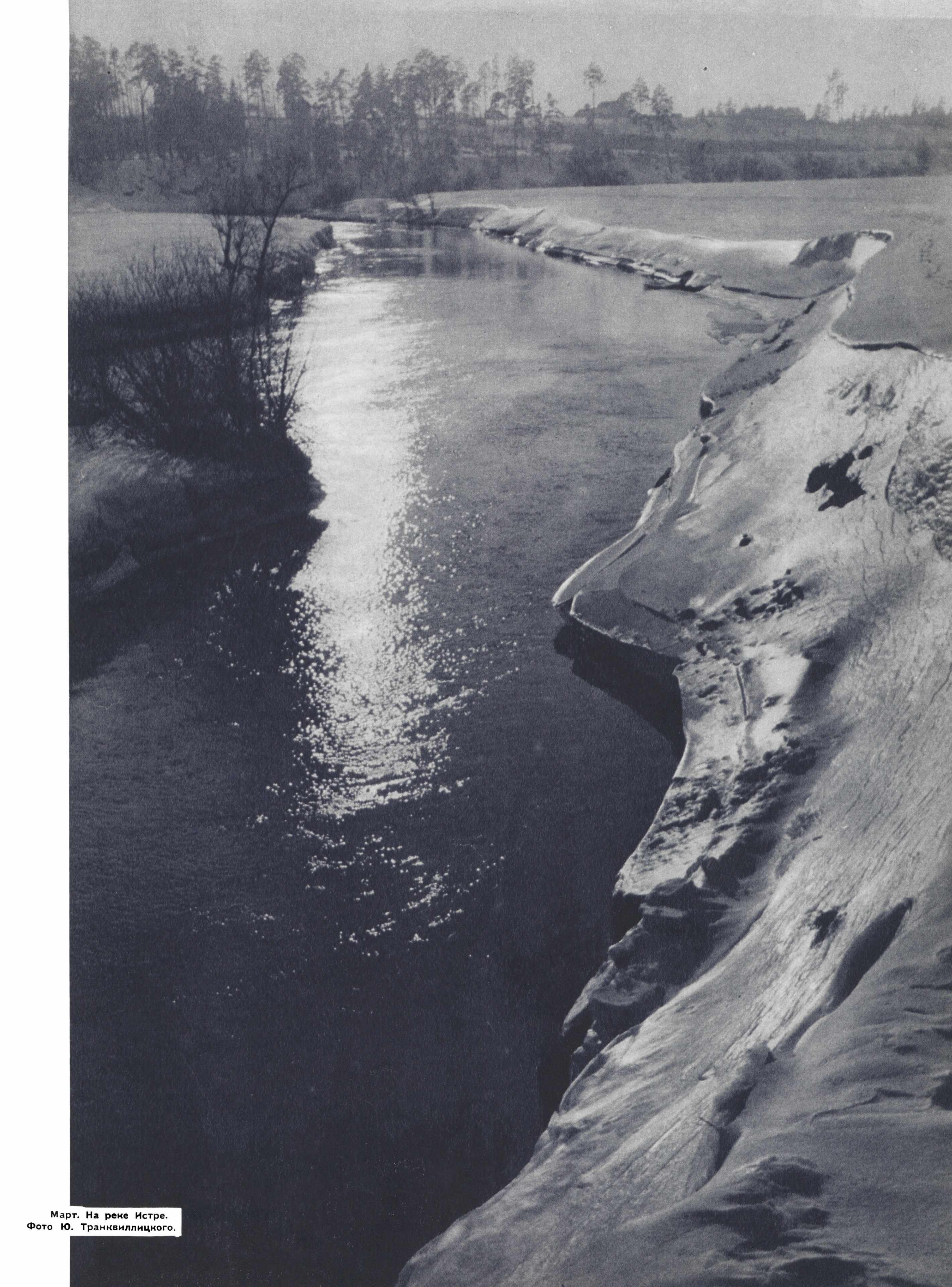
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление И. Уразова.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00993. Подписано к печати 2/IV 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 400 000. Изд. № 262. Заказ № 725.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Март. На реке Истре.
Фото Ю. Транквиллицкого.

Цена номера 3 руб.

